

Б. В. БОЛДЫРЕВ

КАТЕГОРИЯ
КОСВЕННОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
В ТУНГУСО-
МАНЬЧЖУРСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Б. В. БОЛДЫРЕВ

КАТЕГОРИЯ
КОСВЕННОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
В ТУНГУСО-
МАНЬЧЖУРСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

Работа посвящена исследованию категории косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках (эвенкийском, эвенском, негидальском, орокском, ороченском, ульчском, нанайском и удэгейском). Автор выявляет фонетические, морфологические и синтаксические особенности формы косвенной принадлежности.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Е. И. УБРЯТОВА

Б 70103—184 БЗ—79—12—75 © Издательство «Наука», 1976 г.
42(02)—76

ВВЕДЕНИЕ

Первым, кто обнаружил грамматическую форму косвенной принадлежности¹ в одном из тунгусо-маньчжурских — эвенском языке, был В. Г. Богораз. О. П. Суник, изучавший рукописное наследство В. Г. Богораз, отмечает, что уже в 1895 г. тот писал о грамматической форме косвенной принадлежности в эвенском языке². В 1931 г. были изданы «Материалы по ламутскому языку» В. Г. Богораз, где автор по поводу рассматриваемой грамматической формы пишет: «Притяжательные формы имен образуются при помощи следующих суффиксов:

1. л.	2 л.	3 л.
<i>Sing-b (u)</i>	<i>-u (i)</i>	<i>-n (i)</i>
<i>Plur-t (i), -(h) un</i>	<i>-uon</i>	<i>-tan</i>

Суффиксы эти к основе присоединяются двояким образом: 1) непосредственно, напр. *min d'u'-u* 'мой дом', или 2) со вставлением суффикса *-ŋ* напр.: *min hălă-ŋ-u* 'мое железо'.

По первому способу образуются притяжательные формы слов, обозначающих степени родства, части человеческого тела, и, далее, предметы личного употребления: обувь, одежду, оружие, также жилище, скот и т. д. По второму способу образуются притяжательные формы тех предметов, владение которыми имеет более отдаленный характер, например объекты охоты и других промыслов, предметы торговли и т. д.»³

¹ Исследователи тунгусо-маньчжурских языков именуют рассматриваемую форму формой «отчуждаемой», «неорганической», «относительной», «относительно-притяжательной» принадлежности.

² О. П. Суник. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1947, т. VI, вып. 5, стр. 437.

³ В. Г. Богораз. Материалы по ламутскому языку. «Тунгусский сборник», I. Л., 1931.

Далее автор приводит примеры с косвенно-притяжательными формами, сообщает основные фонетические закономерности, связанные с употреблением данных форм с основами существительных различных фонетических типов. Более полно рассмотрена интересующая нас форма в работах В. И. Левина⁴, где автор помимо сведений, сообщенных В. Г. Богоразом, указывает на возможность оформления косвенно-притяжательными формантами имен прилагательных, выступающих в предложении в функции определений; кроме того, он приводит более четкую семантическую группировку существительных, способных принимать косвенно-притяжательное оформление.

В 1947 г. опубликован «Очерк грамматики эвенского языка» В. И. Цинциус⁵, в котором автор еще более подробно освещает ряд вопросов, связанных с грамматической формой косвенной принадлежности. В работе определено место суффикса косвенной принадлежности среди других формантов в составе слова, указана возможность сочетания в составе одного слова суффикса косвенной принадлежности и суффикса формы обладания *-лкан*. Суффикс косвенной принадлежности выделяется автором в особую группу форм выражения логико-грамматических отношений, так как этот формант не может быть отнесен ни к числу словообразовательных, ни к числу словоизменяющих формантов.

Дополнительные сведения, связанные с грамматической формой косвенной принадлежности, находим в исследовании К. А. Новиковой, являющемся описанием ольского говора эвенского языка. Автор отмечает возможность косвенно-притяжательного оформления прилагательных, числительных, указательных местоимений и причастий в случае их окказиональной субстантивации. В работе обращается внимание на тот факт, что не все семантические группы имен существительных обладают способностью принимать как прямое, так и косвенно-притяжательное оформление⁶.

Первое упоминание о грамматической форме косвенной принадлежности в эвенкийском языке мы находим

⁴ В. И. Левин. Самоучитель эвенского языка. Л., 1935; *Он же*. Краткий эвенско-русский словарь. Л., 1936, стр. 126.

⁵ В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского языка. Л., 1947.

⁶ К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка, ч. I. М.—Л., 1960, стр. 147—149.

в «Очерке грамматики эвенкийского (тунгусского) языка» Г. М. Василевич, опубликованном в 1940 г., где автор отождествляет суффикс косвенной принадлежности с омонимичным ему суффиксом предикативно-притяжательной формы⁷.

Краткую характеристику интересующей нас грамматической формы мы находим в исследовании О. А. Константиновой и Е. П. Лебедевой. Авторы указывают на особенности употребления суффикса косвенной принадлежности, определяют его место в составе слова среди других формальных показателей⁸.

Более полно рассмотрена грамматическая форма косвенной принадлежности в работе О. А. Константиновой «Эвенкийский язык», опубликованной в 1964 г.⁹ В этой работе автор выделяет семантические группы имен существительных, способных принимать косвенно-притяжательное оформление, выявляет дополнительные значения суффикса-косвенной принадлежности, рассматривает особенности сочетания этого форманта с суффиксом обладания и с именем отрицания.

В работах А. В. Романовой и А. Н. Мыреевой отражены особенности употребления исследуемой нами формы в различных говорах эвенкийского языка¹⁰.

В работе В. А. Горцевской «Характеристика говора баргузинских эвенков» описанию грамматической формы косвенной принадлежности места не уделено, поскольку автор приняла последнюю за омонимичную ей в эвенкийском языке предикативно-притяжательную форму¹¹.

Одним из первых обнаружил рассматриваемую форму в нанайском языке А. Н. Улитин, но ему не удалось ни выявить подлинную форму данного грамматического явления, ни дать достаточно четкую характеристику его

⁷ Г. М. Василевич. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940, стр. 59.

⁸ О. А. Константинова, Е. П. Лебедева. Эвенкийский язык. Л., 1953, стр. 80—81.

⁹ О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 65—69.

¹⁰ А. В. Романова, А. Н. Мыреева. Очерки токкинского и томотского диалектов. М.—Л., «Наука», 1962, стр. 26; *Они же*. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.—Л., «Наука», 1961, стр. 26—27.

¹¹ В. А. Горцевская. Характеристика говора баргузинских эвенков. Л., 1936, стр. 39.

значения¹². Встретившуюся в текстах грамматическую форму косвенной принадлежности он интерпретирует так: «Что же касается *-go* ↔ *-gu*, его значение не вполне ясно. Чаще всего он показывает на то, что данный предмет приобретен, найден, рожден (женился, вышла замуж). По всей вероятности, выражает какую-то степень обладания (собственности). После себя получает местоименный притяжательный суффикс»¹³.

Исследователь нанайского языка Т. И. Петрова в своих работах дает краткую характеристику интересующей нас формы, не затрагивая многие вопросы, связанные с этой формой¹⁴.

Исследование той же формы заняло значительное место в работах В. А. Аврорина. Автор дает более полное и глубокое освещение связанных с ней вопросов, впервые указывает на безосновательность взгляда на косвенную принадлежность как на частную категорию притяжательности, определяет место этой формы в общей структуре морфологии нанайского языка, более подробно характеризует семантические группы существительных, способных принимать оформление суффиксом косвенной принадлежности, исследует его употребление применительно к различным частям речи, указывает на необходимость принимать во внимание семантические особенности как существительного, обозначающего предмет обладания, так и существительного, обозначающего субъект обладания. Автор указывает на возможность использования формы косвенной принадлежности «...для уточнительной характеристики предмета с указанием на то, что он ранее упоминался соответствующим лицом или был предметом его мысли», отмечает способность формы косвенной принадлежности сочетаться с положительной и отрицательной формами обладания¹⁵.

Особенности грамматической формы косвенной принадлежности в кур-урмийском диалекте нанайского языка отмечаются в работе О. П. Суника, где автор показывает общие и отличительные признаки формы косвенной принадлежности в литературном языке и в диалекте¹⁶.

Рассмотрению данной формы в негидальском языке отводится место в исследовании К. М. Мыльниковой и В. И. Цинциус. В этой работе авторы достаточно четко формулируют значение формы косвенной принадлежности, рассматривают основные фонетические закономерности, связанные с употреблением суффикса косвенной принадлежности, определяют место последнего в составе слова среди других формальных показателей¹⁷.

Описанию рассматриваемой нами формы в ульчском языке посвящена работа Т. И. Петровой. Там мы читаем: «Суфф. *-ngu* с притяжательными окончаниями встречается обычно тогда, когда надо отметить то, что предмет добыт или каким-либо другим образом освоен данным лицом. Как и в нанайском языке, суффикс этот не может чисто формально прилагаться ко всем именам. Точно установить случаи его употребления не удалось»¹⁸. Далее автор отмечает возможность косвенно-притяжательного оформления «прилагательных».

Характеристика грамматической формы косвенной принадлежности в орокском языке содержится в работах того же автора, в которых она определяет значение суффикса косвенной принадлежности, указывает на возможность сочетания последнего с суффиксом обладания¹⁹.

В «Очерке морфологии ороцкого языка» В. И. Цинциус характеризует особенности грамматической формы косвенной принадлежности, приводит примеры на ее употребление²⁰.

¹² А. Н. Улитин. Материалы по гольдскому (нанайскому) языку. «Язык и мышление», 1933, № 1.

¹³ А. Н. Улитин. Указ. соч., стр. 136—137.

¹⁴ Т. И. Петрова. Краткий нанайско-русский словарь. Л., 1935, стр. 95; Она же. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1960, стр. 32; Она же. Нанайско-русский словарь. Л., 1960, стр. 174—176.

¹⁵ В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. 1. М.—Л., 1959; Он же. Об ошибках в освещении некоторых вопросов грамматического строя нанайского языка и его истории. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», 1953, т. 5.

¹⁶ О. П. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958.

¹⁷ К. М. Мыльникова, В. И. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка. «Тунгусский сборник», 1. Л., 1931.

¹⁸ Т. И. Петрова. Ульчский диалект нанайского языка. Л., 1936, стр. 35, 39.

¹⁹ Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л., «Наука», 1967, стр. 39—40; Она же. Имя существительное в орокском языке. «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. Герцена», 1959, т. 167.

²⁰ В. И. Цинциус. Очерк морфологии ороцкого языка. «Уч. зап. ЛГУ». Серия востоковедческих наук, 1949, № 98, вып. 1.

Более подробно интересующая нас форма рассмотрена Е. Р. Шнейдером на материале языка удэгейцев. Автор показывает особенности проявления данной формы в удэгейском языке, определяет круг значений этой формы, выделяет семантические группы существительных, способных принимать косвенно-притяжательное оформление ²¹.

В работе А. Ф. Бойцовой «Категория лица в эвенкийском языке» эта форма рассматривается в сравнительном плане на материале эвенкийского, эвенского, негидальского, орокского, ороцкого, удэгейского и ульчского языков ²².

Большое внимание сравнительному изучению формы косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках уделено в работах О. П. Суника. Автор внес немало существенных дополнений в разработку вопроса о грамматической форме косвенной принадлежности, употреблении этой формы, истории ее образования. Целый ряд вопросов, связанных с данной формой, О. П. Суником интерпретирован достаточно полно и верно, хотя некоторые грамматические явления остались вне поля зрения автора, другие, как нам кажется, получили не вполне верное решение ²³.

Упоминание рассматриваемой формы мы находим и в известном исследовании Г. И. Рамstedта, где, с нашей точки зрения, автор делает неудачную попытку отождествления суффикса косвенной принадлежности с суффиксом предикативно-притяжательной формы, причем последнюю автор считает суффиксом родительного падежа, что также не соответствует действительности ²⁴.

Указанными исследованиями по сути дела и ограничивается работа, проделанная в области изучения фор-

мы косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках.

Высоко оценивая достоинства названных работ, мы все же решили продолжить исследование грамматической формы косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках, имея в виду привлечь более обширный материал и подвергнуть его по возможности всестороннему анализу, расширив и уточнив выводы, сделанные предшествующими исследователями.

Автор ставит перед собой следующие задачи.

1. Выявить структуру косвенно-притяжательных конструкций в тунгусо-маньчжурских языках.

2. Проанализировать семантические основы противопоставления прямых и косвенно-притяжательных конструкций.

3. Выяснить фонетические особенности суффикса косвенной принадлежности.

4. Определить морфологические особенности суффикса косвенной принадлежности.

5. Рассмотреть форму косвенной принадлежности вне системы притяжения.

6. Попытаться выявить происхождение суффикса косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков.

В основу работы легли материалы, записанные автором в 1968 г. от удэгейцев с. Гвасюги на р. Хор; от орочей Ульки Ороцкой Хабаровского края и от эвенков и ороков пос. Вал Ногликского района Сахалинской области. Автор использовал также полевые записи В. А. Аврорина, сделанные им во время научных командировок в районы расселения нанай и любезно переданные нам для анализа и подбора иллюстративного материала; значительная часть примеров почерпнута нами из художественной, учебной и политической литературы, изданной на эвенкийском, нанайском, эвенском литературных языках. Материалом для написания данной работы послужили также бытовые и фольклорные записи исследователей тунгусо-маньчжурских языков. В ряде случаев автор привлекает примеры, взятые из работ специалистов по названным языкам. Иллюстративный материал приводится в том виде, в каком он взят из источников:

1) материалы, заимствованные из научных публикаций, подаются в общепринятой тунгусоведами транскрипции, т. е. на расширенном практическом алфавите с обозначе-

²¹ Е. Р. Шнейдер. Краткий удэгейско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.—Л., 1936, стр. 101.

²² А. Ф. Бойцова. Категория лица в эвенкийском языке. Л., 1940, стр. 144.

²³ О. П. Суник. О категории...; *Он же*. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1947, стр. 69—72, 180—187; *Он же*. Из истории грамматического строя тунгусо-маньчжурских языков. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. IV, 1953; *Он же*. О посессивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-маньчжурских языках. «Язык и мышление», т. XI, стр. 284.

²⁴ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. (Перев. с нем.). М., 1957, стр. 73.

нием заднеязычных *ŋ* и *ɣ*, среднеязычных *h'*, *ʃ* и *j*, обозначена долгота гласных (черта над буквой);

2) материалы, почерпнутые из художественной литературы, приводятся в практическом письме, принятом для этих языков;

3) некоторые материалы по эвенскому языку, заимствованные из работ К. А. Новиковой, приводятся в транскрипции, составленной на основе русского алфавита, дополненного специальными знаками, объяснение которых можно найти в работе названного автора²⁵;

4) полевые записи приводятся в практическом письме — для языков, имеющих письменность; для языков, не имеющих письменности — в общепринятой транскрипции.

Автор приносит благодарность В. А. Аврорину, В. М. Надеяеву, С. А. Надину, Н. Н. Акимовой, В. Т. Кялундзюга, А. В. Семенову, оказавшим большую помощь в подготовке рукописи и накоплении материала, а также Н. Б. Киле и С. Н. Онеенко за сообщение ряда сведений об исследуемой форме в нанайском языке и за предоставление иллюстративного материала.

²⁵ К. А. Новикова. Указ. соч., стр. 3—6.

Глава I

СТРУКТУРА ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Наличие двух видов принадлежности, прямой и косвенной, отмечено во всех тунгусо-маньчжурских языках, имеющих лично-притяжательные форманты. Правда, не удалось до сих пор обнаружить грамматическую форму косвенной принадлежности в солонском языке, а по свидетельству О. П. Суника, эта форма отсутствует и в языке зарубежных нанайцев¹. Но поскольку сведения о солонском языке исчерпываются до последнего времени сравнительно немногочисленными материалами Н. Н. Поппе² и некоторых других исследователей³, а материалы по языку зарубежных нанайцев еще более скудны⁴, то утверждать с полной уверенностью об отсутствии в упомянутых языках этой формы не приходится.

Поучительна история изучения баргузинского говора эвенкийского языка. До последнего времени исследуемая нами форма в этом говоре⁵ не отмечалась. Более тщательное изучение материалов Н. Н. Поппе⁶ позволило выявить данную форму и в этом говоре.

Под прямой принадлежностью понимаются такие отношения между предметами, когда один из них имеет

¹ О. П. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1959, стр. 19; Он же. О языке зарубежных нанайцев. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», 1958, № 11, стр. 177.

² Н. Н. Поппе. Материалы по солонскому языку. Л., 1931.

³ А. О. Ивановский. Образцы солонского и дахурского языков. «Mandjurica», т. I. СПб., 1894.

⁴ Библиографию этих материалов см.: О. П. Суник. О языке зарубежных нанайцев.

⁵ В. А. Горцевская. Характеристика говора баргузинских эвенков. Л., 1941, стр. 112; О. П. Суник. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1947, т. VI, вып. 5, стр. 437.

⁶ Н. Н. Поппе. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л., 1927, стр. 24, 34, 36.

непосредственное отношение к другому или является его органической частью. Косвенная принадлежность предполагает такие отношения, при которых один предмет принадлежит другому, но является органической частью третьего предмета, или когда принадлежность одного предмета носит условный характер. Довольно часто выражение такой принадлежности бывает связано с выделительностью. Таким образом, наличие двух противоположных грамматических категорий определяется различным характером двух видов принадлежности, прямой и косвенной.

Грамматическое значение принадлежности в современных тунгусо-маньчжурских языках, исключая маньчжурский, находит свое выражение прежде всего, хотя и не исключительно, как мы увидим ниже, в двучленной притяжательной конструкции, первым членом которой обычно обозначается субъект обладания, выражаемый местоимением или существительным, а вторым, чаще всего именем существительным, — объект обладания. Порядок расположения членов притяжательной конструкции в большинстве тунгусо-маньчжурских языков строго регулярен, перестановка членов (она отмечена лишь для полигусовского говора эвенкийского языка О. А. Константиновой⁷), как правило, недопустима, поскольку она нарушает сложившиеся синтаксические нормы языка и, таким образом, затрудняет его коммуникативные функции.

Прямая принадлежность выражается с помощью притяжательных аффиксов, которые могут быть лично-притяжательными или возвратно-притяжательными. Дифференциация в употреблении этих двух видов притяжательных аффиксов определяется синтаксической ролью первого члена притяжательной конструкции: если предмет принадлежит не субъекту действия, а кому-то или чему-то иному, то обозначающее этот предмет слово оформляется лично-притяжательными суффиксами, которые различаются по лицам и числам. Эти суффиксы выражают принадлежность предмета определенному грамматическому лицу (1-му, 2-му или 3-му). Основные варианты лично-притяжательных суффиксов в тунгусо-маньчжурских языках для удобства обозрения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Язык	Эвенкий-ский	Эвенский	Негидаль-ский	Нанай-ский	Удэ-ский	Орокский	Орочский	Удгейский
	Лицо							
Ед. число	1-е	-е, -еи, -ми, -буи, -и-е	-е, -й/-у, -мй/-мй, -бй/-бу	-и, -и-и, -и-и, -и-и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и
	2-е	-и, -и-и, -и-и	-и, -и-и, -и-и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и
	3-е	-и, -и-и, -и-и	-и, -и-и, -и-и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и
Мн. число	1-е (искл.)	-еи, -буи, -и-и, -и-и	-и, -и-и, -и-и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и
	1-е (вкл.)	-и, -и-и, -и-и	-и, -и-и, -и-и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и
	2-е	-и, -и-и, -и-и	-и, -и-и, -и-и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и
3-е		-и, -и-и, -и-и	-и, -и-и, -и-и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и
		-и, -и-и, -и-и	-и, -и-и, -и-и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и	-и, -и, -и, -и, -и

⁷ О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 64.

Таблица 2

Язык	Ед. число	Мн. число
Эвенкийский	-ви, -би, -пи, -ки, -ми	-вар, -бар, -пар, -кар, -мар
Эвенский	-мй/-ми, -бй/-би, -й/-и	-вур/-еур, -ур/-ур, -мур/-мур, -бур/-бур
Негидальский	-йй, -пй, -мй, -кй, -бй	-wāj, -nāj, -māj, -kāj, -bāj
Нанайский	-и/-и	-вар/-вар, -бар/-бар, -пар/-пар, -кар/-кар, -мар/-мар
Ульчский	-и/-и, -би/-би	-вар/-вар, -бар/-бар, -пар/-пар, -кар/-кар, -мар/-мар
Орокский	-би/-и	-вар/-вар, -бар/-бар, -пар/-пар, -кар/-кар, -мар/-мар
Орочский	-йи/-ви, -и, -ми, -би	-баји/-бэји, ббаји/-ббэји
Удэгейский	-и/-и, -ми/-ми, -би/-би	-фай/-фэй, -фй/-фй

Если же предмет принадлежит субъекту действия, то существительное, обозначающее этот предмет, оформляется возвратно-притяжательными суффиксами (см. табл. 2), которые дифференцируются в зависимости от числа субъекта действия-обладания, но не предмета обладания. Выбор варианта суффикса в пределах каждого числа определяется типом основ существительных и их вокализмом в соответствии с законом гармонии гласных.

В роли первого члена притяжательной конструкции в нанайском, удэгейском, орочском, в восточных говорах эвенкийского языка, наряду с именами существительными в беспадежной форме, выступают также беспадежные формы личных местоимений; в ульчском и литературном эвенском в этой функции выступают склоняемые основы соответствующих личных местоимений; в негидальском и орокском на равных основаниях используются и беспадежная форма личных местоимений, и их склоняемая основа; в эвенкийском языке роль первого члена притяжательной конструкции выполняют местоимения, образованные от косвенных основ личных местоимений при помощи суфф. -нги (-ңи).

Для удобства сведем эти формы в табл. 3.

В последних по времени издания исследованиях одни специалисты (В. Д. Колесникова, О. А. Константинова)

Таблица 3

Язык	Лично	Эвенкийский	Эвенский	Негидальский	Нанайский	Ульчский	Орокский	Орочский	Удэгейский	Мн. число
1-е	4-е	минци (би)	мин (би)	мин	мй	мин	би/мин	бй	би	Мн. число
2-е	2-е	синци (си)	хин (хи)	син	сй	син	си/син	сй	си	Мн. число
3-е	3-е	ниңаңи (ниңаң)	ноңан	ноңан	нёани	нён	нони	ниңаң'и	ниңа	Мн. число
1-е (искл.)	1-е (искл.)	минци (бу)	мин (бу)	мин	буэ	мин	бу/мин (у)	бй	бу	Мн. число
1-е (вкл.)	1-е (вкл.)	минци (мит)	мит (мит)	бута	бута	Отсутствует				Мн. число
2-е	2-е	синци (су)	хин (ху)	син	суэ	син	су/син (у)	сй	су	Мн. число
3-е	3-е	ниңарциты (ниңарты)	ноңартан	ноңа-ти	нёакхи	нён	нони	ниңанги	ниңати	Мн. число

относят данные формы к числу притяжательных местоимений, другие (Т. И. Петрова) считают их несамостоятельными притяжательными местоимениями, третьи (К. А. Новикова, В. А. Аврорин, О. П. Суник) рассматривают указанные формы как личные местоимения в несклоняемой (самостоятельной) или склоняемой (несамостоятельной) формах⁸.

Мы склонны разделять третью точку зрения. Выступая в притяжательном сочетании, беспадёжная форма личного местоимения переводится на русский язык притяжательным местоимением, но это, как подчеркивает В. А. Аврорин, «не даёт, однако, оснований определять ее как притяжательное местоимение»⁹ поскольку личные местоимения в этой форме не могут употребляться ни как предикативные определители принадлежности, ни заместительно, ни в качестве обособленных определений, т.е. они не обладают большинством функций, составляющих обязательную принадлежность местоимений.

Как упоминалось, в литературном эвенкийском языке рассматриваемая форма образуется от склоняемой основы соответствующих личных местоимений при помощи суффикса *-нги/-чи*. Она способна выполнять не только роль прямого определения по принадлежности, но и функции, которые в остальных рассматриваемых языках выполняет предикативно-притяжательная форма, иначе говоря, рассматриваемая форма употребляется как прямое определение по принадлежности, предикативное определение по принадлежности, заместительно и в качестве обособленных определений, что позволяет отнести данную форму к числу притяжательных местоимений. В восточных и ряде северных говоров эвенкийского языка¹⁰ исследуемая форма используется лишь как предикативно-притяжательная, а роль прямого определения по принадлежности выполняют личные местоимения в беспадёжном употреблении.

Это позволило исследователям эвенкийского (Г. М. Василевич, О. А. Константинова, Е. П. Лебедева) и других тунгусо-маньчжурских языков высказать предположение о том, что притяжательные местоимения эвенкийского литературного языка первоначально выполняли лишь функции предикативных определений по принадлежности и обособленных определений. Они могли употребляться заместительно. Употребление же этой формы в роли прямого определения — явление сравнительно недавнее. В. А. Аврорин в исследовании, посвященном сравнительному анализу предикативно-притяжательной формы в тунгусо-маньчжурских языках, считает, и, по нашему мнению, совершенно справедливо, что вначале беспадёжная форма в говорах, которые положены в основу эвенкийского литературного языка, «совпадала с формой именительного падежа и лишь впоследствии приобрела для личных местоимений форму, совпадающую с основой для косвенных падежей»¹¹.

Как уже указано, первый член притяжательной конструкции негидальского, ульчского, орокского и литературного эвенского языков обычно выражается беспадёжной формой склоняемой основы соответствующих личных местоимений, в языках же нанайском, орокском, удэгейском, а также в ряде говоров эвенкийского и эвенского языков в роли первого члена притяжательной конструкции выступают личные местоимения в несклоняемой (самостоятельной) форме. Можно предположить, что различные формы личных местоимений — склоняемые и несклоняемые — в этих двух группах языков обусловлены различными способами выражения первого члена притяжательной конструкции, т.е. определения по принадлежности. Очевидно, первоначально прямым определением по принадлежности в первой группе языков являлись склоняемые формы личных местоимений в род. падеже, морфологическим показателем которого являлся суффикс *-и*, определяемое же по принадлежности в упомянутых языках осталось неоформленным. В маньчжурском языке, в котором притяжательных формантов не существует, роль прямого определения по принадлежности выполняют су-

⁸ «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., «Наука», 1968.

⁹ В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. I. М.—Л., 1959, стр. 250.

¹⁰ Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского языка. М.—Л., 1940; А. В. Романова, А. Н. Миреева. Очерки токинского и томотского диалектов. М.—Л., «Наука», 1962; Они же. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.—Л., «Наука», 1961.

¹¹ В. А. Аврорин. Предикативно-притяжательные формы в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках.— ВЯ., 1956, № 3, стр. 99.

ществительные и личные местоимения, оформленные суффиксом род. падежа¹².

С появлением в перечисленных языках притяжательных формантов, которые стали оформлять второй член притяжательной конструкции (определяемое по принадлежности), обозначая лицо и число субъекта обладания, надобность в первом члене притяжательной конструкции, выраженном личным местоимением в род. падеже, отпала, и он продолжал существовать лишь как реликтовая форма. Суффикс род. падежа склоняемой формы личных местоимений, по всей вероятности, редуцировался как плеоназм.

Второй член притяжательной конструкции (определяемое по принадлежности), обычно выраженный именем существительным, всегда имеет соответствующий лично-притяжательный суффикс, который указывает на лицо и число первого члена конструкции. Отсюда следует, что морфологическое выражение функции первого члена притяжательной конструкции в рассматриваемых языках выполняют не столько притяжательные местоимения в одних языках и беспадёжные формы личных местоимений в других, сколько притяжательные форманты при существительных, обозначающих предмет обладания. Это подтверждено и тем, что первый член притяжательной конструкции довольно часто опускается. В этом случае единственным указанием на лицо и число субъекта обладания остается лично-притяжательный формант второго члена конструкции. Употребление первого члена притяжательной конструкции в роли прямого определения по принадлежности чаще всего диктуется необходимостью особо подчеркнуть принадлежность данного предмета какому-то определенному лицу. Как отмечает В. А. Аврорин, такое опущение «оказывается вполне возможным в случаях выражения первого члена личными местоимениями первых двух лиц, т. е. их отсутствие с предельной полнотой и точностью компенсируется лично-притяжательными суффиксами (1-е и 2-е лицо при данной ситуации всегда исчерпывающе однозначны) ...Практически реже осуществляется, хотя и вполне допустимо, опущение первых членов притяжательных словосочетаний, когда они выражаются личными ме-

стоимениями третьих лиц. Это объясняется тем, что слов, обладающих грамматической категорией 3-го лица, в составе предложения может быть несколько, вследствие чего при опущении первого члена возможна неясность относительно того, принадлежность какому именно предмету выражает притяжательная форма существительного»¹³. Основную роль в выражении лица и числа субъекта обладания играют лично-притяжательные суффиксы, а не первый член конструкции. Это подтверждается тем, что притяжательная конструкция не получит характера грамматической завершенности, если второй член ее не оформлен лично-притяжательным суффиксом, хотя исчерпывающие сведения о нем в этом случае сообщались бы первым членом конструкции.

В удэгейском языке довольно часто в роли первого члена притяжательной конструкции выступают указательные местоимения *uti* 'тог (та, то)' и форма мн. числа этого местоимения *umigətu* 'те'. Эта форма употребляется вместо соответствующих личных местоимений 3-го лица ед. или мн. числа. Такое употребление характерно для ороцкого и в несколько меньшей мере для нанайского языка.

Если в предложении субъект действия и субъект обладания совпадают, то в роли первых членов притяжательных конструкций употребляются возвратно-притяжательные местоимения, существительные же, обозначающие предмет обладания (определяемые по принадлежности), получают оформление возвратно-притяжательными формантами.

Основные варианты возвратно-притяжательных местоимений рассматриваемых языков см. в табл. 4.

Из таблицы видно, что почти во всех рассматриваемых языках возвратно-притяжательные местоимения имеют одинаковую форму для ед. и мн. числа. Исключение составляют говоры, положенные в основу эвенкийского и эвенского литературного языков, в которых указанные местоимения имеют различные формы для ед. и мн. числа.

Следует отметить, что во всех рассматриваемых языках (кроме эвенкийского) возвратно-притяжательные местоимения употребляются лишь в функции прямого определения по принадлежности и не могут быть ни предикативными определителями по принадлежности, ни обособлен-

¹² И. И. Захаров. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879, стр. 113.

¹³ В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 149.

Таблица 4

Значение	Эвенкийский	Эвенский	Нанайский	Ульчский	Орокский	Орочский	Негидальский	Удгейский
свой	мэ́нцүйей	мэн	мэ́нэ (мэн)	мэн	мэ́нэ	мэ́нэ (мэн)	мэн	мэ́нэ
своя	мэ́нцүй				мэ́нэ	мэ́нэ (мэн)		
свое	(мэн)							
свои	мэ́рцүйвэр (мэн), мэ́ннйвэр	мэр	мэ́нэ (мэн)	мэн	мэ́нэ мэ́нэ	мэ́нэ (мэн)	мэн	мэ́нэ

ными определениями, не употребляются они и заместительными. Эти функции в названных языках выполняются предикативно-притяжательной формой возвратно-притяжательных местоимений.

В эвенкийском литературном языке возвратно-притяжательные местоимения употребляются и в роли прямого определения по принадлежности, и выступают в функциях, которые в остальных языках выполняются предикативно-притяжательной формой возвратно-притяжательного местоимения.

Мы уже говорили, что исследователи тунгусо-маньчжурских языков признали распространение функций предикативно-притяжательной формы вторичным явлением. Первоначально в эвенкийском языке в роли прямого определения, как можно предположить, употреблялись лишь местоимения *мэн* (при ед. ч. обладателя) и *мэр* (при мн. ч. обладателя), а предикативно-притяжательные формы этих местоимений *мэ́нцүй* и *мэ́рцүйвэр* употреблялись в роли предикативных определений по принадлежности, в заместительном употреблении или в функции обособленного определения. Этот вывод подтверждается материалами восточных, северных и сахалинских говоров эвенкийского языка, где в роли прямого определения выступают местоимения в форме *мэн* ~ *мэ́нэ*, а в остальных синтаксических функциях употребляется предикативно-притяжательная форма этих местоимений в возвратно-притяжательном оформлении. О том, что возвратно-притяжательные местоимения эвенкийского литературного языка представляют собой вторичное явление,

свидетельствует и форма этого местоимения при мн. числе обладателя *мэ́рцүйвэр* 'свой', морфологическая структура которого сохранила древний показатель мн. числа (наряду с указанной формой в эвенкийских говорах бытует возвратно-притяжательное местоимение *мэ́нцүйвэр*, где этот показатель утрачен).

Как отмечено, в возвратно-притяжательных конструкциях, первым членом которых являются возвратно-притяжательные местоимения, субъект обладания предметом и субъект действия совпадают, следовательно, можно заключить, что субъект действия, являющийся в предложении подлежащим, в то же время является определением второго члена притяжательной конструкции. Это «неразрешимое противоречие» довольно просто объясняется В. А. Аврориным: «Подлежащее остается подлежащим. Притяжательная связанность с ним существительного в возвратно-притяжательной форме логически сохраняется. Но само подлежащее в состав притяжательного словосочетания тем не менее не входит, а обозначается в нем его заместителем — возвратно-притяжательным местоимением...»¹⁴, например: нан. *Эси ми мэ́нэ нуктэ́нгудуи ня́р буде́мби*. 'Теперь я умру спокойно в своей семье' [21]¹⁵; эвк. *Эр-ты нунган мэ́нцйливи дуннэ́нгдуливи нгэ́нэлчэн*. 'И вот он начал путешествовать по своему краю' [55]; срок. *Нони мэ́нэ бо́юцудии гэ́сэ пурэ́ты пу́личини*. 'Он ходил со своим медведем на охоту' [4].

Очень часто первые члены притяжательной конструкции, выраженные возвратно-притяжательными местоимениями, опускаются. Смысл предложения при этом не нарушается, так как принадлежность предмета субъекту обладания параллельно выражается возвратно-притяжательными формантами, которые, в отличие от опущенного местоимения, указывают не только на то, что субъектом обладания является субъект действия, но и на число последнего. Исследователи тунгусо-маньчжурских языков отмечают, что случаи опущения первого члена притяжательного словосочетания довольно часты, поскольку возвратно-притяжательные местоимения употребляются обычно в тех случаях, когда возникает необходимость особо под-

¹⁴ В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 146.

¹⁵ Цифра в скобках обозначает название источника, из которого взят пример. Список использованных источников находится в конце работы.

черкнуть принадлежность предмета действующему лицу¹⁶, если же такой необходимости нет, возвратно-притяжательное местоимение опускается: *ороч. Мамчагда эжиңиј и ичэхэни* 'Посмотрела старуха на слугу (своего)' [70]; *уд. Нй ми^аанаңиңи базартсуи ңэнэ^ани* 'Человек с муккой (своей) шел на базар' [2]; *эвенк. Гё ббгатыр када-риңи^ати уркээ нйча* 'Второй богатырь глыбой (своей) открыл дверь' [63].

Нередко в предложении с возвратно-притяжательной конструкцией опускается подлежащее, а иногда и возвратно-притяжательное местоимение. Единственным указанием на субъект обладания в данном случае остается возвратно-притяжательный суффикс при существительном, обозначающем объект обладания. Но это указание не является исчерпывающим, поскольку возвратно-притяжательные суффиксы, в отличие от лично-притяжательных, ничего не говорят о лице опущенного подлежащего, а только отражают его число. Субъект действия и обладания в этих случаях определяется лишь предшествующим контекстом или ситуацией, например: *нан. Мэнэ димангоса-лигодии дэлхэңигуйдуи ункини* 'Прощаясь со своими гостями, сказал' [36]; *эвенк. Тала асйиңи туктыврэн* 'Поднял туда жену (свою)' [63].

В притяжательной конструкции (как прямой, так и косвенной) в роли первого члена, обозначающего субъект обладания, выступает имя существительное, форма которого чаще всего совпадает с беспритяжательной формой именительного падежа и связь со вторым членом словосочетания в нем самом выражена лишь его местоположением. Если существительное обозначает одного обладателя, то оно имеет форму ед. числа и в этом случае материально совпадает с основой; если же оно обозначает несколько обладателей, то, естественно, имеет форму мн. числа: *нан. Тэй коверсалба Туркмения паксисалнгои ангогачи* 'Эти ковры мастера Туркмении делали'; *Чу мангади-тани ми девэнсэл дяңиангоачи улэсилухэмби* 'А больше всего мне нравился начальник пчел' [37]; *Кулаксал хлебэн-гучи Павлик гисурэхэни боаду тэрэк баогохан бичин* 'Хлеб

кулаков был найден в том месте, о котором сказал Павлик' [41].

Не исключена возможность оформления существительных, обозначающих субъект обладания, притяжательными формантами (личными или возвратными). Это происходит в тех случаях, когда субъект обладания в то же время выступает и объектом обладания другого субъекта, т. е. если образуется цепочка последовательного притяжательного подчинения, например: *нан. Люба амини сунгкэнсэлнгуни, коконисалнгои, хони бини* 'Какие у Любиного папы жуки и бабочки' (букв. 'Каковы жуки и бабочки папы Любы') [29]; *эвенк. Тадук мити дун-нэңит илэңилин мэргэнмэтын, уңкеронмэтын эмэум* 'Еще принес скорбь и низкий поклон людей нашего края'; *Эр-ты бу эдусэр гулдымэтчэвун, синңи тэгэс эр итьнман одас синду бэлэдэвр дяддачаевун* 'Так вот, мы здесь посоветовались и решили помочь тебе выполнить этот обычай твоего народа'; *Эду митни Северит буламниңилин х-ваватын ичэдерэс* 'Тут вы видите труд охотников нашего Севера' [51]; *Эси амакав анңаңиңиң даякун дяр хэлэкэ* 'Теперь моему деду восемьдесят с лишним лет' (букв. 'Теперь годы моего деда — восемьдесят с лишним') [64].

В эвенкийском языке существительное, обозначающее субъект обладания, может быть оформлено суфф. -ңи, который в этом случае образует притяжательную форму имени существительного. Как отмечает О. А. Константинова, данный формант «в зависимости от числа обладателей предмета (или предметов)... присоединяется либо к основе единственного числа, либо к основе имени во мн. числе»¹⁷, например: *куңаканңи муннуканңи* 'заяц мальчика', *но куңаканңи муннуканңитын* 'заяц мальчиков'. Более того, «аффикс мн. числа в морфологическом составе имени с суфф. -ңи может встретиться дважды: перед притяжательным афф. -ңи (в этом случае он является показателем числа обладателей...) и после афф. -ңи (здесь аффикс мн. числа отражает показатель числа имени существительного — предмета обладания...)»¹⁸, например: *куңаканңил муннуканңилтын* 'зайцы мальчиков'.

Далее О. А. Константинова совершенно справедливо отмечает ошибочность точки зрения некоторых исследова-

¹⁶ В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 149; О. П. Суник. Удэгейский язык. «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазнатские языки. Л., «Наука», 1968 стр. 217.

¹⁷ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 64—65.

¹⁸ Там же.

телей (М. А. Кастрена, Г. М. Василевич, В. Д. Горцевской), согласно которой суфф. *-ңй* является формантом род. падежа.

Г. М. Василевич же говорит о том, что если суфф. *-ңи* следует «после суффикса мн. числа *-л*, то он является формантом род. падежа, а если указанный формант предшествует суффиксу мн. числа или находится при именной основе на конце слова, то он относится к числу словообразовательных суффиксов, образующих притяжательные прилагательные»¹⁹.

Как показали исследования О. А. Константиновой и О. П. Суника, суфф. *-ңй* может предшествовать форманту мн. числа, может следовать после него, а может находиться и между двумя аффиксами мн. числа, выражая во всех трех случаях притяжательное значение. Кроме того, от форм, именуемых... формами род. падежа, в эвенкийском языке образуются формы других косвенных падежей²⁰, это указывает на то, что данный формант не относится к числу падежных. И наконец, значение принадлежности в эвенкийском языке выражается не падежными, а притяжательными показателями. Если, например, у первого члена притяжательной конструкции *куңаканңй муннуканңйи* 'заяц мальчика' опустить суфф. *-ңй*, то конструкция *куңакан муннуканңйи* будет переведена подобно конструкции с опущенным *-ңй*, т. е. 'заяц мальчика'. Каково же в этом случае назначение суфф. *-ңй*, оформляющего первый член притяжательной конструкции? О. А. Константинова считает, что при оформлении существительного, обозначающего субъект обладания, суффиксом притяжательной формы на него «падает логическое ударение и тем самым усиливается значение слова, выражающего признак принадлежности»²¹. Действительно, в современном эвенкийском языке суфф. *-ңй*, оформляя первый член притяжательного сочетания, выполняет эту функцию: *Нау-канги бээнгин бинэ, нунган тар дивэмэвэ гибридэ научнаит, латинскаит гэрбит «церападус» гэрбичэн* 'Как человек науки, он назвал этот удивительный гибрид по-

научному, латинским именем: «церападус» [55]; *Этыр-кэннги чукагингдун авдурдувар сингэрэкэр кикэтчэрэ, дяв-матчэрэ* 'На стариковском лугу мыши в норах свистят, перекликаются' [49].

Как мы говорили, когда в эвенкийском языке отсутствовали притяжательные суффиксы, формант *-ңй* был, вероятно, показателем род. падежа, подобно суфф. *-и* ~ *-ни* маньчжурского языка и передавал значение принадлежности, например: *куңаканңй пурта* 'нож мальчика'. Но с появлением в эвенкийском языке притяжательных формантов, передающих значение принадлежности, суфф. *-ни* утратил эту функцию и, если продолжал свое существование, то только как реликтовая форма.

Неправомерно отнесение рассматриваемого форманта и к числу словообразовательных суффиксов, т. е. суффиксов, образующих притяжательные прилагательные, ибо эти прилагательные могут иметь при себе определения (*хулукэн куңаканңй пуртан* 'нож маленького мальчика'; *аэгды колхозанңй абылин* 'сеть большого колхоза' и т. п.) и требуют обязательного оформления определяемого притяжательными суффиксами. Эти «прилагательные» способны образовываться от существительных, стоящих в форме мн. числа (*куңаканңй пуртатын* 'нож мальчиков'); в этом случае словообразовательный суфф. *-ңй* следует после формообразующего суффикса мн. числа, что в тунгусо-маньчжурских языках недопустимо. Кроме того, существительное, оформленное суфф. *-ңй*, может быть оформлено притяжательными суффиксами (*амин-ңйс абылин* 'твоего отца сеть').

Таким образом, суфф. *-ңй*, оформляющий существительные, служащие для обозначения субъекта обладания, можно отнести только к числу формообразующих формантов, а именно тех, которые образуют притяжательные формы существительных.

¹⁹ Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, стр. 780.

²⁰ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 65; О. П. Суник. О посессивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-маньчжурских языках. «Язык и мышление», 1948, № XI, 286.

²¹ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 65.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ПРЯМОЙ И КОСВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Рассмотрев структуру притяжательных конструкций, в которых косвенно-притяжательные формы употребляются чаще всего, определив морфологическую природу составляющих их компонентов, мы переходим к выяснению семантических основ сочетаемости существительных и иных замещающих эти существительные слов в притяжательных конструкциях, которые передают отношения косвенной принадлежности, в сравнении с аналогичными конструкциями прямой принадлежности.

Одни специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам утверждают, что обычно в роли субъекта косвенного обладания выступает «активное существо, способное превращать предметы в свою принадлежность, тем или иным образом осваивать их, то есть прежде всего человек»¹. Допустимыми считались конструкции, где в роли субъекта обладания выступают животные. Другие специалисты устаивают и более жесткие ограничения, утверждая, что в косвенно-притяжательных конструкциях в роли субъекта обладания возможны лишь существительные, обозначающие «социальные (или псевдосоциальные) существа». О. П. Суник, посвятивший интересующей нас грамматической форме значительное число работ, по данному вопросу пишет следующее: «...в тех случаях, когда „субъекты принадлежности“ выражены именами, обозначающими не социальные существа (а все прочие предметы), притяжательные конструкции строятся только по ряду органической принадлежности...»² Из этого в своей основе недостаточно обоснованного заключения О. П. Су-

¹ В. А. Аворин. Грамматика нанайского языка, т. I. М.—Л., 1959.

² О. П. Суник. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1947, т. VI, вып. 5, стр. 147.

ник делает более обобщающий вывод: «Именно это обстоятельство и дало нам основание выдвинуть и подчеркнуть... первостепенный для понимания грамматической природы противоположных конструкций факт наличия другой классификации, свойственной тунгусо-маньчжурским именам: распределение их на два следующих класса: 1) класс имен (так называемый класс лиц или разумных существ), охватываемый вопросительным местоимением *уй* (*нгуй*)? — ‘кто?’; 2) класс имен (так называемый класс не лиц или неразумных существ, куда входят и неодушевленные предметы), охватываемый вопросительным местоимением *хай*? — ‘что?’»³. В связи с этой классификацией исследователь считает возможным расчленение и притяжательных конструкций на конструкции, выражающие партитивные отношения (т. е. отношение части к целому) и конструкции, служащие «для выражения отношений притяжательных между именами, обозначающими класс лиц (или разумных существ), и именами любого класса, обозначающими в этих конструкциях либо объект принадлежности, либо предикативный признак первого члена конструкции (имени 1-го класса)»⁴. Первые конструкции, по мнению О. П. Суника, образуются с участием имен и первого, и второго классов, вторые — в роли первого члена конструкции используют лишь имена 1-го класса (так называемый класс разумных существ).

К выводу о том, что первым членом косвенно-притяжательных конструкций может быть только слово, обозначающее социальное существо, пришли и многие исследователи других тунгусо-маньчжурских языков⁵. Тем не менее этот вывод доступными нам материалами не подтверждается. Анализ материала показывает, что в роли субъектов обладания в рассматриваемых конструк-

³ О. П. Суник. Из истории грамматического строя тунгусо-маньчжурских языков. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. IV, 1953, стр. 124.

⁴ Там же.

⁵ К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка, ч. I. М.—Л., 1960, стр. 147; О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 67; Т. И. Петрова. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1960, стр. 32; Она же. Язык ороков (ульта). Л., «Наука», 1967, стр. 39; В. И. Динциус. Очерк грамматики эвенского языка. Л., 1947, стр. 140; В. И. Левин. Краткий эвенско-русский словарь. Л., 1936, стр. 126.

циях и человек, и животное, и предметы неодушевленной природы выступают на равных правах: нан. *Тотанари гасасал дэурунгулдиэри* Студенаячи онёандамари энэйчи 'А потом утки с выводками своими на Студеную отправятся плавать' [2]; *Эй Ерёмка гинго-гинго би гирмаксангони бизсини бидерэ* 'Это не Еремкина (кличка собаки) обглоданная кость' [21]; *Тотара индакан мэна бутербродангои хэм сияхани* 'Потом собака свой бутерброд съела' [29]; *Пимэкэнди, сингэрэди мэна-мэна уликсэнгуэри пинасигомари омочиари энухэчи* 'Пимэкэн (собств. имя мышонка в сказке) и крыса, унося каждый свое мясо за спиной, отправились в свои норки' [2]; *Ми боаи дуэнтэнгуни лугди* 'Леса моего края дремучи' [47]; *Апон паксингони кармандиади даи пункуэз агбимбогани* 'Шапочник (букв.: мастер шапки) вынул из кармана большой платок' [36]; ульч. *Гэ, тi бэчи н'i — Василий Тусер, колхоз «Пятилетка» чу улэ бэчи нiңгунi* 'Тот охотящийся человек — Василий Тусер, колхоза «Пятилетка» самый лучший охотящийся человек' [74]; ороч. *Сиңэ эки уктэңивэн'и гэм-зэппити* 'Мыши съели все мясо лягушки' [70]; нан. *Эй 1920 айнгани июнь биангодоани бичин* 'Было это в июне месяце 1920 года' [36]; эвн. *Қолқосът асаңълнй һайрұ ұнтъв-да һаңанъддъ јармарқатк'и һерудэвур* 'Женщины нашего колхоза шьют перчатки и унты, чтобы повезти их на ярмарку' [69]. Объектом же обладания в приведенных примерах выступают существительные, обозначающие названия частей тела, географические названия и даже социальные существа. Следовательно, классификацию притяжательных конструкций, основанную на распределении первых членов этих конструкций на два класса (класс лиц и класс не лиц) приходится признать неправомерной.

Изредка в качестве первого члена косвенно-притяжательной конструкции выступают субстантивированные причастия: нан. *Ми хисангори паксингони бизсимби* 'Я не мастер говорить' (букв.: говорения) [43].

В вопросительном предложении в качестве первого члена косвенной притяжательной конструкции часто выступают вопросительные местоимения: нан. *Эй уй согдтангони?* 'Это чья рыба?'; эвн. *Ни дылицин* 'Чья голова?' [4]; орок. *Нуй улисэңуни?* 'Чье мясо?' [4].

Вторым членом притяжательной конструкции, обозначающим объект обладания, чаще всего выступают

имена существительные; обычно они не имеют характера грамматической завершенности, если оформлены лишь суффиксом косвенной принадлежности. Чтобы приобрести завершенность, эти существительные должны принять в свой состав еще или притяжательный формант, или суффикс формы обладания, а в отрицательной форме обладания — отрицательную частицу, или же суффикс формы совместности.

Следует отметить, что форма косвенной принадлежности употребительна (если не иметь в виду ее несколько особого, относительно более позднего применения в выделительной функции, о чем будет сказано ниже) далеко не со всеми существительными, а лишь с некоторыми их семантическими группами. Впрочем, употребление этой формы определяется не только семантикой существительного, обозначающего объект обладания, но зависит и от семантики первого члена притяжательной конструкции, т. е. слова, обозначающего субъект обладания.

Среди специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам, как уже отмечалось, нет единодушного мнения относительно границ употребления суффикса косвенной принадлежности.

Одни из них считают, что в рассматриваемых языках существует две группы существительных, одна из которых в притяжательных конструкциях получает прямое притяжательное оформление, другая — косвенное. По этому поводу А. Ф. Бойцова пишет: «К первой группе слов относится: вся родственная терминология, названия частей тела, домашних животных (олень, собака), орудий производства (ружье, топор, лодка и др.), одежды и домашней утвари. Дорога также относится к первой группе, по-видимому потому, что она осмысливается как след; к первой группе относятся также *буа* 'место', 'район', 'страна', 'мир'»⁶. Существительные, получающие косвенно-притяжательное оформление, автором в какие-либо четкие семантические группы не объединяются. Указывается лишь, что сюда относятся существительные, связанные с такими предметами, «которые приобретаются извне или находятся во временном пользовании, предметами, могущими принадлежать не только мне и кол-

⁶ А. Ф. Бойцова. Категория лица в эвенкийском языке. стр. 138.

лективу, членом которого я являюсь (семья и пр.), но и другим предметам, которые оказываются в моем пользовании благодаря тому или иному обстоятельству»⁷. Далее автор приводит примеры с употреблением существительных в косвенно-притяжательном оформлении, обозначающих названия диких животных, географические названия, названия продуктов питания и социальных существ.

К подобным выводам еще раньше, в 1931 г., пришел В. Г. Богораз. Он также выделяет два класса слов, способных принимать прямое и косвенное притяжательное оформление. К первому классу он относит слова, «обозначающие степени родства, части человеческого тела и, далее, предметы личного употребления: обувь, одежду, оружие, также жилище, скот и т. д.». Ко второму классу он относит слова, обозначающие те предметы, «владение которыми имеет более отдаленный характер, напр. объекты охоты и других промыслов, предметы торговли и т. д.»⁸.

Другие исследователи считают, что косвенно-притяжательное оформление может получать любое имя существительное. Так, В. И. Цинциус пишет: «Говоря вообще, любое существительное в эвенском (равно и в других тунгусо-маньчжурских языках) может употребляться как в форме простого, так и в форме относительного притяжения»⁹.

Такого же мнения придерживается в своих работах О. П. Суник: «...в нанайском почти любое имя может получать двойное притяжательное оформление, и с аффикса -нгу- и без него»¹⁰. В другой своей работе О. П. Суник пишет: «Предпринятый нами анализ материалов нанайского языка убеждает в том, что вышеочерченные рамки двойного притяжательного оформления имен (независимо от их классовой принадлежности) должны быть значительно уточнены. Исходя из чисто формальных признаков, следовало бы признать, что все имена (не только существительные, но также и прилагательные, и числитель-

ные) могут быть притяжательно оформлены как по ряду отчуждаемой, так и по ряду неотчуждаемой принадлежности, ибо зависит это не только от класса имен, выражающих объекты принадлежности, но в такой же мере и от того, кому или чему принадлежит тот или иной объект, т. е. это зависит также от субъекта принадлежности — обладателя»¹¹.

Следует отметить, что позиция О. П. Суника в отношении к рассматриваемому вопросу не до конца последовательна. Так, наряду с приведенной концепцией в тех же его работах, мы находим высказывания совершенно противоположного характера: «Может возникнуть вопрос, следует ли вообще говорить о двух классах слов, деля их по принципу притяжательного оформления, если каждое из них может получать оформление и по одному и по другому классу? Несомненно, следует. Отказаться от деления слов на два указанных класса было бы ошибкой. Хотя, как указано, каждое из слов может быть притяжательно оформлено двумя способами, но независимо от того, к какому из классов принадлежит это слово, значение притяжательной конструкции может меняться самым коренным образом. Сравним, например, нан. *ми инда-и* 'моя собака' и *ми энгурби* 'я волк'. Одинаковые притяжательные оформления при различной классовой принадлежности слов (*инда* 'собака' — класс предметов неотчуждаемой принадлежности; *энгур* 'волк' — класс предметов отчуждаемой принадлежности) — дают совершенно различные значения сравниваемых конструкций. Сравним те же слова, оформленные с помощью аффикса -нгу: *ми инда-нгу-и* 'мое печто, относящееся к собаке', *ми энгур-нгу-и* 'мой волк'.

Таким образом, деление слов на два указанных основных класса необходимо сохранить. Следует также сохранить и выделение особой нейтральной или промежуточной группы слов, принадлежность которых к тому или другому классу должна решаться всякий раз различно в зависимости от субъекта обладания. К числу таких слов должны быть отнесены такие слова, как: голова, рука, нога, хвост, мозг, шерсть, лист, сук, чешуя, перо и многие другие, т. е. названия частей некоего целого»¹².

⁷ А. Ф. Бойцова. Указ. соч.

⁸ В. Г. Богораз. Материалы по ламутскому языку. «Тунгусский сборник», I. Л., 1931, стр. 44.

⁹ В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского языка. Л., 1947, стр. 140.

¹⁰ О. П. Суник. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1947, стр. 186.

¹¹ О. П. Суник. О категории отчуждаемой..., стр. 444.

¹² О. П. Суник. Очерки по синтаксису..., стр. 186—187.

Если на предыдущих страницах приводились высказывания О. П. Суника о том, что «различие в оформлении выражения принадлежности зависит не только от характера объекта принадлежности..., но в такой же степени и от субъекта обладания»¹³, то здесь он сам утверждает, что слово *инда* 'собака' относится к классу предметов неотчуждаемой принадлежности, а слово *енгур* 'волк' — к классу отчуждаемой принадлежности, что не совсем правильно; т. к. мы можем судить о принадлежности указанных слов к тому или иному классу лишь в том случае, если они находятся в составе притяжательной конструкции и, следовательно, если нам известен субъект обладания.

Выдвигая положение о том, что любое существительное способно принимать косвенно-притяжательное оформление, О. П. Суник привлекает к рассмотрению и группу слов, которую специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам считают неупотребительной в косвенно-притяжательной форме. По поводу этой группы существительных О. П. Суник пишет: «не исключено также притяжательное оформление этих слов по типу слов класса отчуждаемой принадлежности, хотя практически такое употребление встречается, по-видимому, крайне редко...: *Ми амим-би* 'мой отец', *ми ами(н)-нго-и* 'мое нечто, принадлежащее или связанное с отцом' — 'мое отцовское'; *ми эним-би* 'моя мать', *ми эни(н)-нгу-и* 'мое нечто, принадлежащее, связанное с матерью' — 'мое материнское'; *ми морим-би* 'моя лошадь', *ми мори(н)-нго-и* 'мое нечто, принадлежащее, относящееся к лошади' — 'мое лошадиное'; *ми инда-и* 'моя собака', *ми инда-нго-и* 'мое нечто, относящееся к собаке' — 'мое собачье'; *ми огда-и* 'моя лодка', *ми огда-нго-и* 'мое нечто, относящееся к лодке' (ее части, принадлежности и т. п.); *ми кучэм-би* 'мой нож', *ми кучэ(н)-нгу-и* 'мое нечто, относящееся к ножу'; *ми тэ-туэ-и* 'моя одежда', *ми тэтуэнгу-и* 'мое нечто, относящееся к данной одежде (пуговицы, карманы, рукава и т. п.); *ми дёг-би* 'мой дом', *ми дё-нго-и* 'мое нечто (или все), относящееся к дому' и т. п.¹⁴

Перевод для приведенных слов с суфф. *-нго/-нгу*, даваемый О. П. Суником, позволяет считать эти формы

скорее предикативно-притяжательными, образующимися в нанайском литературном языке при помощи суфф. *-нги(-нги/-нги)*. Кроме того, если бы здесь формант *-нго/-нгу* был употреблен в функции суффикса косвенной принадлежности, то приведенные сочетания должны были бы переводиться соответственно: 'мой отец' и 'мой отец (принадлежность которого ко мне носит относительный, условный характер)'; 'моя мать' и 'моя мать (принадлежность которой ко мне носит условный характер)'; 'моя лошадь' и 'моя лошадь (принадлежность которой ко мне носит условный характер)' и т. п. Иначе говоря, различие в переводе конструкций с суфф. *-нго/-нгу* и без него должно выражаться лишь в том, что в первых конструкциях характер принадлежности предмета субъекту обладания носит условный, относительный, неорганический характер, тогда как во вторых — принадлежность предмета субъекту обладания носит прямой, неотчуждаемый, органический характер. Служить же выразителем признака неназванного предмета, как это получилось у О. П. Суника, суффикс косвенной принадлежности у имен существительных не может.

К отождествлению суффикса косвенной принадлежности и предикативно-притяжательного суффикса припили в свое время некоторые специалисты по эвенкийскому языку (Г. М. Василевич, В. А. Горцевская). Этому отождествлению способствовал в значительной мере тот факт, что в эвенкийском языке рассматриваемые формы омонимичны. Однако ставить знак равенства между ними на основании одного лишь материального совпадения нельзя, поскольку функции этих форм не имеют ничего общего. Суффикс косвенной принадлежности, как уже указывалось, оформляет существительное, обозначающее предмет обладания и показывает условный, относительный характер принадлежности; в составе притяжательной конструкции слово, оформленное этим суффиксом, употребляется в функции определяемого по принадлежности. Существительные же, оформленные предикативно-притяжательными суффиксами, являются в предложении предикативными определениями по принадлежности. Иначе говоря, суффикс косвенной принадлежности оформляет существительное, обозначающее предмет обладания, предикативно-притяжательный суффикс оформляет существительное, обозначающее обладателя. Не совпадают и

¹³ О. П. Суник. Очерки по синтаксису..., стр. 71.

¹⁴ Там же, стр. 184—185.

остальные синтаксические функции существительных, оформленных суффиксом косвенной принадлежности, и существительных в предикативно-притяжательном оформлении, а именно: первые в отличие от вторых не могут быть обособленными определениями, не употребляются заместительно.

Таким образом, аргумент О. П. Суника в пользу того, что в нанайском языке любое имя существительное может выступать в косвенно-притяжательном оформлении, следует признать недостаточно обоснованным.

Подобное рассмотренному выше мнению О. П. Суника по этому вопросу разделяет и К. А. Новикова. В работе «Очерки диалектов...» она пишет: «...два способа притяжательного оформления охватывают в ольском говоре все имена, за исключением служебных слов. Притяжательные словосочетания со служебными словами могут быть оформлены только по ряду органической принадлежности». Несмотря на этот вывод, К. А. Новикова сочла необходимым описать круг слов, употребляемых в прямом и косвенном притяжательном оформлении.

Некоторые исследователи (В. И. Левин, Е. Р. Шнейдер, В. А. Аврорин, О. А. Константинова) при описании формы косвенной принадлежности считают необходимым выделение семантических групп существительных, способных принимать оформление суффиксом косвенной принадлежности. Аврорин, например, отмечает, что «...при решении вопроса об употреблении двух видов притяжательных форм имеет значение семантика как первого члена притяжательного словосочетания, так и второго»¹⁵.

Действительно, в зависимости от употребления суффикса косвенной принадлежности с различными семантическими группами существительных, последние могут быть разделены на три больших класса. Следует еще раз напомнить, что пока мы сознательно оставляем в стороне вторичную функцию рассматриваемой формы — выделительную.

Первый класс включает в себя существительные, которые с суффиксом косвенной принадлежности обычно не употребляются. Существительные этого класса могут быть разделены на определенные семантические группы.

Первую такую группу составляют существительные, обозначающие отношения родства и близкие к ним отношения. Существительные этой группы, независимо от семантики первого члена притяжательной конструкции, получают прямое притяжательное оформление, так как их семантические особенности не дают возможности употребления их в форме косвенной принадлежности. Сюда могут быть отнесены такие слова, как: нан. *амин* 'отец', *энин* 'мать', *аг* 'старший брат', *эйкэ* 'старшая сестра', *дамин* 'дедушка', *данин* 'бабушка', *эксэн* 'дядя', *гусин* 'лдядя', *дада* 'тетка', *гугу* 'тетка', *гамасун* 'племянник', *эукэ* 'невестка', *ходё* 'зять', *ангпа* 'свекор', *энгпэ* 'свекровь', *кэли* 'свояк', *бэнэр* 'племянник, племянница' и т. п.

Естественно, что первым членом притяжательной конструкции, обозначающим субъект обладания, в этом случае могут быть лишь слова, обозначающие социальные существа, у каждого из которых имеется совершенно определенный, только им свойственный круг родственных связей и обозначающей их номенклатуры; это исключает употребление существительных рассматриваемой группы с суффиксом косвенной принадлежности. О подобном явлении свидетельствуют материалы и исследования по другим тунгусо-маньчжурским языкам.

Во вторую семантическую группу существительных этого же класса входят слова, обозначающие пространственные отношения: нан. *до* 'внутренность, пространство внутри чего-либо', *оя* 'поверхность, пространство над чем-либо', *порон* 'верх, макушка', *сувэ* 'вершина (чего-либо)', *хамиа* 'задняя часть (чего-либо)', *дюлиэ* 'пространство перед чем-либо, перед (чего-либо)', *холдон* 'бок, боковая сторона (чего-либо)', *кира* 'край (чего-либо)', *пэгиэ* 'низ, нижняя часть (чего-либо)' и т. п.

Особенность существительных этой группы заключается в том, что они употребляются в притяжательных конструкциях, первыми членами которых чаще всего являются существительные, обозначающие предметы, форма и местоположение этих существительных поддаются измерению. Притяжательная связь между членами подобной конструкции должна быть только прямой, органической, неразрывной.

Третью семантическую группу существительных рассматриваемого класса составляют слова, обозначающие

¹⁵ В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 158.

предметы, которые самым непосредственным образом входят в быт человека, составляют неотъемлемые принадлежности его существования. Сюда прежде всего следует отнести существительные, обозначающие названия предметов личного обихода, орудий труда, одежды, обуви, оружия, средств передвижения, домашней утвари, нан. *даи* 'трубка (курительная)', *сигдипун* 'расческа', *хонян* 'ложка', *чэвэ* 'лопата', *гурмэ* 'игла', *хоняптон* 'наперсток', *сиру* 'напильник', *гиол* 'весло', *адоли* 'сеть', *гозо* 'крючок', *анга* 'сеть для подледного лова', *багба* 'пешня', *яко* 'женский нож', *нэксун* 'деревянный молоток, которым мнут кожу', *амири* 'халат из рыбьей кожи', *балдан* 'баранья шуба', *пэру* 'штаны', *доктон* 'чулки', *качама* 'рукавицы', *сиаптун* 'наушники', *пунку* 'платок', *ота* 'обувь', *миочан* 'ружье', *гида* 'копье', *логон* 'сабля', *чакпан* 'острога', *токи* 'нарты', *огда* 'лодка', *соксилта* 'лыжи', *нара* 'сани', *ямон* 'подвода', *дэрэ* 'стол', *бандан* 'скамья', *накан* 'нары', *тахи* 'полка', *хачохан* 'котел', *алтама* 'таз', *алио* 'посуда', *полта* 'одеяло' и т. п.

К этой же группе следует отнести существительные, обозначающие жилища, вспомогательные постройки и т. п., например: нан. *дэ* 'дом', *аонга* 'балаган', *гиаса* 'забор', *гиалако* 'комната' и т. п.

Каждый из этих предметов является объектом обладания человека, причем обладания, имеющего характер личной принадлежности, личного пользования, а потому, хотя такой объект практически и может поступать в распоряжение кого-то иного, но полностью не отчуждается. За этим, несомненно, скрывается существовавший некогда чисто натуральный характер хозяйства.

Четвертую семантическую группу существительных того же класса составляют предметы, которые естественным образом связаны с другими предметами, являются их составными частями, например: нан. *гуичэ* 'крыша', *нава* 'окно', *уйкэ* 'дверь', *дянако* 'ручка', *кэндэрхин* 'порог (в доме)', *угбэн* 'порог (на реке)', *тохпон* 'лестница', *курэн* 'дымоход', *булин* 'фитиль', *хулиэн* 'тетива', *падиран* 'стена' и др. Принадлежность некоторых из этих предметов практически может быть переадресована к другим субъектам обладания, например: наряду с *дэ* *уйкэни* 'дверь дома' можно сказать *буэ* *уйкэну* (не *уйкэн-гуну*!) 'наша дверь', но семантические особенности суще-

ствительных названной группы делают излишним употребление их в форме косвенной принадлежности во втором примере, поскольку и без такого оформления ясно, что перечисленные и им подобные предметы никак не могут являться органическими частями этих «других субъектов».

В пятую семантическую группу входит ряд существительных отвлеченного значения: нан. *гэбу* 'почет', *бин* 'жизнь', *кайран* 'жалость', *гасан* 'сожаление', *кусулэн* 'труд', *кэси* 'счастье', *агдапси* 'радость', *моран* 'крик' и т. п.

Существительные этой группы не получают оформления суффиксом косвенной принадлежности потому, что их семантика исключает возможность противопоставления прямой и косвенной принадлежности.

Особенностью всех семантических групп существительных этого класса является то, что они практически никогда не получают оформления суффиксом косвенной принадлежности. Все эти существительные обычно употребляются в прямом притяжательном оформлении независимо от семантики первого члена притяжательной конструкции, обозначающего субъект обладания.

Приведенное положение характеризует все тунгусо-маньчжурские языки, в которых различаются два вида принадлежности — прямая и косвенная. Например: нан. *Туй би-дэ чу мурунку оду, онголо довани, муэ-дэ довани сирикачиру* 'Ты должен стать очень умным, прячась внутри дупла и в (внутри) воде'; *Энини нёанчиани мэ-дэсилухэни* 'Ее мать начала ее расспрашивать'; *Ми-тэни амимби вахан байгоамба гэлэмэчиндэгуриэ мурунсинким-би* 'А я задумала пойти отыскать врага, который убил моего отца' [22]; *Талеко, мангади эрисими, аонгачи тутуми игухэни* 'Запыхавшись, Талеко вбежал в свою юрту'; *Талеко Тенмау эксэмби намичахани бими, нёани индава эчиз варани* 'Талеко уговорил своего дядю Тенмау, и он не убил щенка'; *Дюкэ диралани хорин эмун санти-метрба-да исихани...* 'Толщина льда достигла двадцати одного сантиметра' [26]; *Ильич миочамби тугбугухэни...* 'Ильич опустил свое ружье...'; *Си тэй хаосамба почта ящикачиани гидалангаси-тани* 'Тогда ты опусти бумагу в почтовый ящик (букв.: в ящик почты)'; *Нёани пароход палубани оялани илисихани* 'Он стоял на палубе (букв.: на поверхности палубы) парохода' [36]; *Дёкани гуйчэни*

балана няхани 'Крыша его дома давно сгнила'; *Сагди дамини пиктэрэмби уручигилэйни* 'Его старому деду придется растить своего внука'; *Гэ, си жэсиси*, — *Ерёма инэктэми унди бичини* 'Ну, твое счастье, — говорил Ерема, посмеиваясь'; *Богач хуйгэ уйкэи нихэлхэни* 'Богач отворил свою тяжелую дверь' [21]; *ороч. Экин'и гүнэин'и* 'Старшая сестра его говорит'; *Би жүйбэи дөн'и оккили очин'и* 'В моем доме стало опасно'; *Амин'и хитэи эмучихэн'и, эн'ин'и апиңкин'и, токкичихан'и — хитэни унталэи, апулэи, тэггэлэи, көктөлэи, сүйкталэи, тадалэи, бэйлэи гэлэин'и*. 'Однажды отец (его) качал своего сына, а мать (его) легла спать и видит во сне, что сын ее просит сделать ему обувь, шапку, одежду, рукавицы, лыжи, стрелы и лук' [70]; *эвенк. Нунгартын аги дяпкадун дэружичэлтын* 'Они сели отдыхать у края тайги'; *Гулэ трубадукин хэлкэмэ сангнян сангнядячан* 'Из трубы дома шел серый дым'; *Нгонимилва гурумилви тэтчэн, согилмави согилмалачан, тадук гулэдуки ючэн* 'Обулся в высокие камусы, надел пыжиковую дошку и вышел из своего дома' [51].

Второй класс охватывает существительные, обозначающие предметы, принадлежность которых субъекту обладания может носить как косвенный (отчуждаемый, условный, относительный) характер, так и прямой (неотчуждаемый, органический). В первом случае существительное, обозначающее предмет обладания, оформляется суффиксом косвенной принадлежности, во втором — этот формант не употребляется. Существительные этого класса в свою очередь подразделяются на семантические группы.

В первую семантическую группу могут быть объединены существительные, обозначающие различные органы или части организма: *нан. дили* 'голова', *бэгди* 'нога', *нуктэ* 'волосы', *насал* 'глаза', *сиан* 'ухо', *опоро* 'нос', *монгон* 'шея', *сумул* 'жила', *игэ* 'мозг', *кота* 'желудок', *хуйгу* 'хвост', *миаван* 'сердце', *сингму* 'язык', *хэутэ* 'легкие', *пэмун* 'губа', *дэрэл* 'щека', *пэе* 'лоб', *пэйнгэн* 'колени', *нирикта* 'хребет', 'позвоночник', *омокта* 'яйцо', *па* 'печень', *уликсэ* 'мясо', *сэксэ* 'кровь', *гирмакса* 'кость', *симуксэ* 'жир', *силтэ* 'желчь'. Сюда же можно отнести существительные, обозначающие вещества, вырабатываемые организмом, например: *нан. нимокта* 'слезы', *ниакса* 'гной', *чизн* 'моча', *хоикса* 'пена', *ниэсэнги* 'пот' и т. д.

Приведенные имена существительные оформляются суффиксом косвенной принадлежности лишь в тех случаях, когда возникает необходимость передать косвенный характер принадлежности субъекту обладания обозначаемых ими предметов. Субъектом обладания косвенно-притяжательных конструкций при этом выступают одушевленные существа, которые могут обозначать и людей, и животных, поскольку предметы данной семантической группы могут находиться в условной принадлежности как к тем, так и к другим: например: *нан. Олгиан симуксэнгуси хони-да би-дэ балапчи* 'А свиное сало (твое) все-таки старое' [24]; *Жучка... мэнэ гирмаксангои чиндахани* 'Жучка... свою кость выпустила' [19]; *эвенк. Тадук нехэңилвэр авуксал, Гарпавулчан бу алан чэнэхинчэтын* 'Омыв пот, они отравились в места Гарпавулчана' [39]; *ороч. Бу икохому лалава нуңаты умуксэңити ана* 'Мы сварили кашу без их жира' [1]; *Инаки доббо гамди хакиңими жэңити* 'Ночью собаки сожрали всю нашу печень' [4].

Когда существительные обозначают предметы, являющиеся органической частью самого субъекта обладания, то суффикс косвенной принадлежности отсутствует, например: *нан. соли дилини* 'голова лисы', *то бэгдини* 'нога лося', *мапа хэутэни* 'легкое медведя', *мапа миавани* 'сердце старика', *арчокан сэксэни* 'кровь девочки' и т. п.

Вторую семантическую группу существительных этого же класса составляют слова, которые обозначают предметы, относящиеся к категории лица. Сюда можно отнести слова, обозначающие названия профессий, некоторые социальные термины, возрастные названия людей и т. п. К числу таких слов принадлежат: *нан. мама* 'старуха, жена', *мапа* 'старик, муж', *наондэкан* 'юноша', *мэргэн* 'герой', *жтэ* 'женщина', *элчи* 'слуга', *дярисо* 'певец', *эден* 'хозяин', *амбан* 'черт', *байгоан* 'враг', *модян* 'плотник', *пакси* 'мастер', *саман* 'шаман', *батор* 'богатырь', *вайчамди* 'охотник', *нимэн* 'сосед', *холамди* 'читатель', 'чтец', *дянгван* 'начальник' и т. п.

Особенность этой семантической группы существительных заключается в том, что первым членом притяжательной конструкции, т. е. субъектом обладания, здесь чаще всего является опять-таки социальное существо. В этом случае существительное, обозначающее предмет

обладания, должно быть оформлено суффиксом косвенной принадлежности, который указывает на косвенный, условный характер принадлежности: нан. *Гэ, ичэусу мэна амбанговари!* 'Ну, смотрите на своего черта!'; *Таванки Пимэкэн мэна паталангоди мориндиари нямнямари энэхэчи* 'После этого Пимэкэн вместе со своей девушкой поскакали на конях' [2]; *Буэ танкистасалнгопу чу бонгоду Ленин памятникавани ичэхэчи* 'Первое, что увидели наши танкисты, — это памятник Ленину' [36]; эвен. *Тар'эл өрил'эр, асий'элт'эн нод'эл, хурк'эн'эл'т'эн чак'т'ыл* 'Женщины у тех кочевников красивые, парни — смелые'; *Өжин'зэ гэнни аса'элт'эк'ий* 'Уиндя сказал тем своим женщинам'; *Но'эн нут'эн чак'т'ий н'арй* 'Его сын (букв.: ребенок) — ловкий мальчик' [69]; орок. *Ча хотонду эдэ(н) гйдади паталаңулу битчини* 'В том городе царь, имеющий единственную дочь, жил'; *Мама-нуни итэүитэхэни* 'Жена (букв.: старуха) его стала искать'; *Гетта маңгаңуни муротчихани* 'Богатырь (из рода) Гетта думал' [71].

Следует отметить, что возможности употребления существительных в качестве выразителей субъекта обладания, обозначающих животных и даже неодушевленные предметы, не исключены и здесь, хотя эти возможности несколько ограничены, например: нан. *Симбирскэй гимназия дянгангодоани выговорба бухэчи бичин* 'Начальству симбирской гимназии был объявлен выговор' [30]; *Советской Союз Геройнгони Михаил Водопьянов* 'Герой Советского Союза Михаил Водопьянов' [45]; эвенк. *Мит уранкай а'и бэйэчин* 'Мы, уранкай — люди тайги' [63].

Оформление суффиксом косвенной принадлежности существительного, обозначающего предмет обладания, происходит во всех случаях, когда необходимо подчеркнуть косвенный характер принадлежности, независимо от того, является первый член притяжательной конструкции «социальным» или не является. Как правило, существительные этой семантической группы, находясь в составе притяжательной конструкции, получают оформление суффиксом косвенной принадлежности, т. е. притяжательным формантам у них предшествует суфф. *-нго/-нгу*. Если же характер принадлежности для понимания смысла предложения особой роли не играет, то существительные, обозначающие предмет обладания, суффиксом

косвенной принадлежности не оформляются, например: эвенк. *Советской страна итыгадячан, мэнигиви ученайви юбилейэни торжественнэит праздновайдави* 'Советская страна готовилась торжественно отпраздновать юбилей своего ученого'; *Большевикил партиятын минэвэ синдулэ унгээн — синги бэлэмнис одав* 'Партия большевиков направила меня к вам — быть вашим помощником' [55].

Прямое притяжательное оформление получают существительные этой семантической группы и в том случае, если последние обозначают предмет, составляющий часть некоего целого, например: нан. *школа учительни* 'учитель школы', *колхоз согдямдини* 'рыбак колхоза', *бригада паксини* 'мастер бригады' и т. п.

В третью семантическую группу имен этого же класса входят слова, обозначающие названия растений или их составных частей, названия деревьев, кустарников, плодов, ягод: нан. *мо* 'дерево', *урэктэ* 'прут', *паякта* 'сено', *диэктэ* 'чумиза', *хасикта* 'ель', *сиучихин* 'шишка', *синулиэктэ* 'груша', *муксултэ* 'виноград', *амтака* 'ягода', *кэжукэн* 'цветок', *сиси* 'лиственница', *хабдата* 'листья', *гара* 'сук', 'ветка', *хоракта* 'кора', *дачан* 'корень', *муиктэ* 'мелкие корни' и т. п.

В притяжательной конструкции перечисленные существительные оформляются суффиксом косвенной принадлежности в том случае, если их принадлежность к субъекту обладания является условной, косвенной. Субъектом обладания этой семантической группы существительных может быть человек, животное, а в некоторых случаях растение же. Но и в последнем случае предмет обладания не является органической частью субъекта обладания, т. е. принадлежит ему косвенно: нан. *Эй ми монгои биэсини гоани* 'Да ведь это не мое дерево' [36]; *Си хасиктакансалнгоси урэйчи* 'Твои елочки вырастут' [21]; *Хэрэдекэ амтаканговани энэрэ сияхачи* 'Ягоду лягушки они пошли и съели' [2]; *Эй си сиучихингудуэсэй амтала бини* 'Это повкуснее будет твоих (имеется в виду белка) шишек' [21]; эвенк. *Ilan an'ani-duk iraktəyməsun gēgdažiqāw, jaŋuražeyān, nolturažeyān* 'Через три года лиственницу вашу ударю так, что сломается, развалится' [39]; *Сегикатчэрэксун-дэ, чукаңисун оланигин!* 'Пока копытами роете, трава ваша пусть завянет!' [63]; эвен. *Тэвтэнгээнты чулбарган. Умта-*

чангканы будуласнан. Химтэчэнгкэнтэ хулаласнан. Болгитангканы бокатканди ургэчилрэн 'Голубика (наша) синее'. Шикша (наша) торчит. Брусника (наша) покраснела. Кедровый стланник (наш) от шишек отяжел' [68]; *Магзүймэй мэн эбдэрхэнтэ'и' м'ирхэн* 'Червяк ползет к своему листку'.

Отмечены примеры, где принадлежность предметов, выраженных существительными данной семантической группы, субъекту обладания выражается без помощи суффикса косвенной принадлежности, несмотря на то, что принадлежность эта носит косвенный характер. Подобное явление объясняется, вероятно, тем, что в этих примерах характер принадлежности достаточно ясен и без употребления суффикса косвенной принадлежности и знаменует собой начало разложения первоначально строгой системы, например: эвенк. *Этэнни-гу гуна, эдаси мингилвэ розалвэ дёкончэдэнни?* 'Не скажете ли, чем вас так розы мои привлекли?' *Мэнгилдукви молдукви «китайкадукви» упката яблококорво... хивинчадяна тавчан...* 'Заботливо он собрал со своих деревцов «китайки» все яблочки'; *Виноградвэ эмудем униедерэ... Нги-вэлкэ виноградвэ балдыгатмудянган, — таду би гаралва будеденгэв* 'Своим виноградом торговать не собираюсь... Но если кто-нибудь пожелает разводить мой виноград, тем буду давать черенки' [55]. Характерно, что подобные случаи встречены лишь в переводной литературе.

Средствами прямого притяжения оформляются и существительные, обозначающие предметы, которые являются неотъемлемой частью другого предмета, выраженного существительным и выступающего в качестве субъекта обладания в составе притяжательной конструкции. Форма косвенного притяжения в данном случае неупотребительна, например: нан. *пиагдан хабдатани* 'лист березы', *мо муиктэни* 'корни дерева', *хасикта сиучихини* 'шишки ели' и т. п.

Четвертую семантическую группу второго класса имен существительных образуют слова, обозначающие названия диких животных, птиц, рыб, насекомых, пресмыкающихся и т. п.: нан. *наото* 'енот', *нэктэ* 'кабан', *сингэрэ* 'мышь', 'крыса', *гиу* 'косуля', *соли* 'лиса', *гормазон* 'заяц', *сэпэ* 'соболь', *бэюн* 'зверь', *поро* 'тетерев', *куку* 'лебедь', *пиму* 'рябчик', *гаса* 'птица', *ханго* 'карась', *гучэн* 'щука', *согдата* 'рыба', *пэнтэ*

'червяк', гармакта 'комар', сунгжэн 'жук', кокони 'бабочка', олгома 'змея' и т. п.

Принадлежность предметов данной семантической группы субъекту обладания может быть выражена посредством формантов косвенного притяжения, если, конечно, характер принадлежности является косвенным. В связи с этим уместно привести следующее замечание В. А. Аврорина: «Такого рода словосочетания обозначают прежде всего дикое животное, уже поступившее в обладание человека в результате сознательного действия последнего, но может обозначать в равной мере и животное, еще не поступившее в обладание человека, но являющееся целью его действия, то есть животное, преследуемое человеком, такое, в которое человек целится, за которым наблюдает, которое находится в поле его зрения»¹⁶. Здесь мы обнаруживаем истоки более поздней функции косвенно-притяжательной формы — выделительной.

Субъектом обладания предметов рассматриваемой семантической группы слов может выступать человек, животное и вообще любое одушевленное существо, например: нан. *Долбо уй-ну, уй-ну буэ поронгопова чолагохани* 'Ночью кто-то нашего тетерева украл'; *Соболько, буэ кукунгуну хайхани?* 'Соболько (кличка собаки), а где наш лебедь?' [21]; эвенк. *Оликакур вэктчэрэ — бакакатчул мотынгматын.* 'Каркают вороны — нашли они лосей' [42]; *Акия, би чивкэчэньлби, нийкйльби дэуиллэ, улукй-цйв хуктыллэн* 'Братцы, братцы, мои птичка и утка улетели, белка убежала' [63]; *Сингил упкат сэрэптурингис дэгилиттэ* 'Все шмели твои разлетелись' [49].

Отмечены случаи, когда субъектом обладания предметов, выраженных существительными рассматриваемой семантики, выступают существительные, обозначающие неодушевленные предметы, например: эвенк. *Мит д'ури, аүи бэйцэцин бксэл, дулин сивир ойодун бскажкар он балдичайл?* 'Мы оба, в зверей леса превратясь, на средней сивир — земле живя, откуда произошли?' [63].

Прямое притяжательное оформление возможно для рассматриваемой семантической группы существительных в тех случаях, когда предметы данной группы составляют принадлежность их естественной среды, например: *дунтэ мапани* 'медведь тайги' или 'таежный медведь',

¹⁶ В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 157.

амоан согдатани 'рыба озера', 'озерная рыба', намо кин-чини 'чайка моря', 'морская чайка', аодан солини 'лисица луга', 'луговая лисица' и т. п.

У существительных, обозначающих названия домашних животных, в большинстве тунгусо-маньчжурских языков принадлежность человеку обычно также выражается средствами прямого притяжения, поскольку они непосредственным образом входят в быт человека, например: нан. *Сингэрэнгуэси кэскэи варини бидерэ* 'Твою крысу моя кошка, наверное, убивает' [2]; *Понгсана моримбари паяктанговани посиндагачи* 'Понгса и его семья поехали косить сено для своего коня' [4]. Действительно, рассматриваемая группа слов в языках эвенкийском, эвенском, негидальском, ульчском, орокском и орочком должна быть отнесена к числу имен первого класса. В этих языках имена существительные, обозначающие названия домашних животных, получают только прямое притяжательное оформление.

Но для нанайского и удэгейского языков это положение не будет до конца последовательным, поскольку в нанайском языке отмечены случаи, когда принадлежность домашних животных человеку выражается средствами косвенного притяжения: *Уседом тотаниа мэндүи гой нямянго морингогои гачини* 'Уседом потом купил себе другую лошадь'; *Олиакангои минду буру* 'Дай мне своего поросенка'; *Морингоси-ка хавой?* 'Который твой конь?'; *Хусэ ихангои ми чу улэн хонингодиива дуючиру* 'Поменяй своего вола на лучшего моего барана' [25]; *Буэ кэксэнгупу хамача-да ебэ анани* 'Наша кошка никуда не годится' [19].

В удэгейском языке, как сообщает Б. Р. Шнейдер, «... с помощью суффикса -*үи* (-*уи*) образуются притяжательные формы имен — названия представителей фауны (в том числе и домашних животных, за исключением собак), флоры и предметов неорганической природы...»¹⁷ Это явление, по всей вероятности, можно объяснить сравнительно недавним проникновением домашних животных в быт этих народов, занимавшихся в прошлом лишь охотой и рыболовством. Единственным домашним животным у этих народов была собака, и принадлежность ее челове-

ку во всех тунгусо-маньчжурских языках (в том числе в нанайском и удэгейском) выражается средствами прямого притяжения. С прочими же названиями домашних животных дело обстоит в разных языках по-разному.

Пятую семантическую группу существительных второго класса составляют географические названия. Сюда можно отнести следующие слова: нан. *хурэн* 'гора', *хонко* 'утес', *мангбо* 'река', *биран* 'ручей', *дуэнтэ* 'тайга, лес', *намо* 'море', *нярон* 'болото', *на* 'земля, недра', *аодан* 'луг', *амоан* 'озеро', *боа* 'вселенная, мир, местность', *боачан* 'остров', *хэвэн* 'залив', *да* 'устье', *кира* 'опушка, берег' и т. п.

Чтобы выразить принадлежность предмета данной семантической группы социальному существу, животному, а иногда и неодушевленному предмету, существительное, обозначающее данный предмет, должно получить косвенно-притяжательное оформление. Оформление суффиксом косвенной принадлежности и здесь указывает на временный, условный, относительный характер принадлежности данного предмета субъекту обладания, например: нан. *Тэй най албан дуэнтэнгуэни этухэни*. 'Этот человек охранял лес государства'; [36]; *Ми боаи дуэнтэнгуни лугди* 'Леса моего края дремучи' [17]; *Мапа мэне дуэнтэнгуши энугини* 'Пусть медведь идет в свою тайгу' [27]; *Украина тэнг даи мангбонгои — Днепр* 'Главная река Украины — Днепр' [12]; *Буэ странапу чу баян. Нёани дуэнтэнгудуэни эгди усэлтэ, нёани нангодоани эгди айсин* 'Наша страна самая богатая. В ее лесах множество зверя, в ее недрах много золота' [17]; эвенк. *Тадук-ка семьянуми Герасимовкала конгиладярилдула Урал дуннэнгилдулэн эмэчэн* 'А потом переехал с семьей в Герасимовку на пустующие земли Урала' [50]; *Нуңартын Олокно дэрэнцидин эмэчэл бэйэл бичэтын*. 'Они были пришлыми людьми с вершин Олёкмы' [62]; *Эр-ты нунган мэнгиливи дуннэнгудуливи нгэнэлчэн* 'И вот он отправился путешествовать по своему краю' [55].

Употребляются существительные этой семантической группы и в прямой притяжательной форме, если требуется выразить их отношение к территориальным же понятиям, к более обширному целому или к собственному их наименованию. Например: нан. *нярон аодани* 'луг болота', 'болотный луг'; *хурэн хэвэни* 'озеро горы', 'горное озеро'; *хурэн дуэнтэни* 'тайга горы', 'горная тайга'; *мангбо*

¹⁷ Б. Р. Шнейдер. Краткий удэгейско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.—Л., 1936.

боачани 'остров реки', 'речной остров'; хурэн хонкони 'утес горы', 'горный утес'; Болан хэвэни 'Болонское озеро', Май хонкони 'утес Май' и т. п.

В шестую семантическую группу существительных второго класса входят слова, обозначающие названия различных веществ: нан. дяхар 'галька', хоромса 'пепел', сиян 'песок', айсин 'золото', тохала 'глина', дюкэ 'лед', хаосан 'бумага', боракта 'кремень', окто 'порошок', лекарство, дёло 'камень', сэлэ 'железо' и т. п.

Неорганическая принадлежность предметов этой семантической группы субъекту обладания, в частности человеку, выражается косвенно-притяжательной формой: нан. Эрдэнэ, маси октонголоси хайди симбивэ баниалагодямби? 'Интересно, чем тебя за твое сильное лекарство благодарить?' [35]; Хайду айсингоси бини? 'Где твое золото?' [25]; Эйневэ дюкэнгуну тойнга километрба энэхэни. 'Сегодня наша льдина прошла пять километров' [15]; эвенк. Курбэлтун курбэйттнн гарандавкн 'Курбэлтун бросил свою глыбу'; Ге богатыр кадаринтви уркэвэ нйча. 'Второй богатырь глыбой (своей) открыл дверь' [63]; ороц. Мэггэгдэ, түү мапача, одуками, золоцилати цэнэхэн'и 'Герой пошел к камню (их), не обращая внимания на старика'; Тэи сэлэвнн багйхани 'То железо (свое) поискал' [70].

Оформление существительного, обозначающего объект обладания, суффиксом косвенной принадлежности определяется опять-таки характером соотношения между субъектом и объектом обладания. Мы разбирали случаи, когда суффикс косвенной принадлежности указывал на то, что данные вещества не являются составной, органической частью их обладателя, а являются благоприобретенными. Когда же объект обладания является органической частью субъекта обладания, то существительное, обозначающее предмет обладания, получает прямое притяжательное оформление, например: нан. нутэ октони 'порошок серы', ёсо сэлэни 'железо замка', пава таохани 'стекло окна', дангса хаосани 'бумага книги', намс сияни 'песок моря', мангбо дяхарни 'галька реки' и т. п.

В той же семантической группе существительных рассматриваемого класса находятся слова, обозначающие названия продуктов питания и различных блюд: нан. депури 'пища, продукты'; бианси 'пельмени', силэ 'бульон', силон 'пашлык', опа 'мука', диэктэ 'чумиза', лала 'каша', дамахи 'табак', араки 'водка', энэн 'лепешка', та-

ла 'кушанье из свежей рыбы', сиата 'сахар'. Сюда же относятся существительные, заимствованные из русского языка: колбаса, конфета, бутерброд, хлеб, молоко, пирог, консервы и т. п.

При выражении неорганической принадлежности предметов этой семантической группы существительных субъекту обладания последние оформляются косвенно-притяжательными формантами. Субъектом обладания предметов рассматриваемой семантики может выступать любое одушевленное существо: нан. Тотара Ваня энэнгувэни гэсэ сияхачи 'Потом вместе съели лепешку Вани' [2]; Гэ, Иван Дмитриевич, биансингоси хони такани? 'Что, Иван Дмитриевич, пельмени-то твои куда делись?' [15]; Тотара индакан мэнь бутербродангои хэм сиара... 'Потом собачка свой бутерброд весь съела...' [29]; эвенк. Бурдукиңв-да манавдэран 'И мука (моя) уже кончилась'; Тар эмэксэ, нуңан чайиңми умулан 'Придя, он начал пить чай (свой)' [63]; эвен. Ноңиң омъккэн зэл'эңгэ гэлэттэттэн 'Он один ищет себе пищу'; Өр'л'дэризуң, тэбэк'ингэвур қол'эйлр' 'Обрадовавшись, стали глотать табак (свой)' [69].

Существительные интересующей нас семантической группы принимают прямое притяжательное оформление в том случае, если они обозначают предметы, составляющие органическую часть их субъекта обладания: нан. чай сиатани 'сахар чая', согдата силэни 'бульон рыбы', 'рыбный бульон', хлеб опани 'хлеба мука', 'хлебная мука'; бутерброд колбасани 'колбаса бутерброда', 'бутербродная колбаса' и т. п.

В седьмую семантическую группу входят существительные, обозначающие различные промежутки времени. Их условная принадлежность субъекту обладания выражается оформлением существительного суффиксом косвенной принадлежности. В эту семантическую группу входят слова: нан. айнгани 'год', биа 'месяц', уни 'день', долбо 'ночь', сиксэ 'вечер', чими 'утро', эрин 'время', боло 'осень', туэ 'зима', нэнгнэ 'весна', дёа 'лето' и т. п.

Субъектом обладания этой семантической группы существительных могут выступать социальные существа, животные и неодушевленные предметы, например: нан. Буэ инингуну мэнь удурдии бидерэ! Буэ долбонгону мэнь биалтондии бидерэ! 'Наши дни самыми солнечными будут! Наши ночи самыми лунными будут!' [17]; Эси буэ зернонгопу мэнь боло эрингуи сивэндини. 'Сейчас наше зерно

В восьмую семантическую группу существительных второго класса можно объединить существительные, обозначающие названия некоторых явлений природы и небесных светил: нан. *сиун* 'солнце', *биа* 'луна', *тудэ* 'дождь', *симата* 'снег', *боно* 'град', *хэдун* 'ветер', *хосикта* 'звезда', *тэвэксэ* 'облако, туча', *тамня* 'туман', *вата* 'волна' и т. п.

Необходимо отметить, что целый ряд существительных второго класса трудно объединить в какую-либо единую семантическую группу. Оформление этих существительных косвенно-притяжательными формантами обусловлено различными факторами. В одних случаях косвенно-притяжательное оформление существительных диктуется необходимостью подчеркнуть условную принадлежность предмета субъекту обладания: нан. *Большевикасал газетанговачи якчилогохачи, напалолохачи* 'Газеты большевиков закрывали, запрещали'; *Неваду большевикасал крейсержуци 'Аврора'* *тэнг даиди накиган бичини*. 'На Неве темной громадой выился крейсер большевиков "Аврора"' [36]; эвенк. *Туги дялдатчэнэ, нюркунан, чакилирингми бурирэн* 'Задумавшись он споткнулся и уронил свой сверток' [48]; *Бэйңэ синңивэ аяңмас эки тыллэ* 'Зверь твоей

красоты (твоей) не понимает' [51]; *Дёнчадым, умнэ клет-кангдун чипича «реполов» бичэн* 'В его клетке была как-то, помню, птичка реполов' [52].

В других случаях суффикс косвенной принадлежности указывает на то, что предмет обладания не является органической частью субъекта обладания: нан. *Талеко, сангар-нгои симатади ликпиргурэ* 'Талеко забил снегом (свою) дыру' [26]; *Чимичиа бими, нёани чонгдонгони нээн очогохани* 'К утру от его ямки и следов не осталось' [21]. Если бы названные существительные не были оформлены суффиксом косвенной принадлежности, то характер принадлежности предмета субъекту обладания изменился бы и эти предложения следовало бы перевести соответственно: 'Талеко забил снегом отверстие (т. е. какое-либо отверстие своего тела)'; К утру от его ямки и следов не осталось (т. е. от ямки на его теле)'.¹⁹

Наконец, в третий класс входят слова, способные принимать косвенно-притяжательное оформление, но не употребляющиеся в прямом притяжательном оформлении.

Первую семантическую группу слов этого класса составляют имена существительные, являющиеся собственными именами. Субъектом обладания предметов здесь чаще всего выступают одушевленные существа: нан. *Чаду илира, Костылингуи тэвэнкини* 'Затем встав, посадил своего Костылина' [6]; ульч. *Titamardi Mominguri wəncini* 'Когда так говорили, наш Моми сказал' [73]; орок. *Бу Тэрэкэнду Чипавунаңопу солоһопу* 'Мы с Тэрэкэ нашей (рекою) Чипавуна вверхплыли' [71]; эвен. *Эрэк окат гэрбэн Дулагангканти*. 'Эта река называется их Срединная' [68]; нан. *Ми Еремкангои-тани лалава тэнг улэсими сиарини* 'А мой Еремка (кличка собаки) очень любит есть кашу' [21]; *Ми Казбекнгоица вахачи* 'Моего Казбека (ко-ня) убили' [16]; *Лилитэнгуи пэйнгэмби оялани тэвэнкини* 'Своего Лилита (кличка собаки) посадил к себе на колени' [26]; Буэ Серконгопу! 'Наш Серко (кличка животного)' [46]. Эти примеры свидетельствуют о том, что косвенно-притяжательное оформление способно принимать любое имя собственное, независимо от реалии, которую оно обозначает (даже клички домашних животных, тогда как нам известно, что они в подавляющем числе рассматриваемых языков суффиксом косвенной принадлежности обычно не оформляются).

Однако оформление имен собственных суффиксом косвенной принадлежности осуществляется лишь тогда, когда опущено определяемое, т. е. нарицательное имя существительное, ну и, конечно, когда имя собственное входит в состав притяжательной конструкции. Если определяемое опущено, то имя собственное выполняет его синтаксическую функцию, обозначает и предмет, и его наименование, принимает косвенно-притяжательную форму. В случае, если определяемое не опускается, имена собственные притяжательного оформления не получают. Наличие или отсутствие у определяемого суффикса косвенной принадлежности зависит от соотношения семантических особенностей как субъекта, так и объекта обладания, например: нан. *Неваду большевикасал крейсирнгочи «Аврора» тэнг даиди пакайган бичини* 'На Неве темной громадой высылся крейсер большевиков «Аврора»' [36]. При опущении слова 'крейсер' косвенно-притяжательное оформление должно было бы получить собственное имя Аврора (большеви-касасал «Аврорангочи...» 'Аврора' большевиков').

Употребление имен собственных в косвенно-притяжательном оформлении во многом сходно с употреблением в том же оформлении окказионально-субстантивированных прилагательных, числительных, местоимений и междометий.

Во вторую семантическую группу слов третьего класса входят окказионально-субстантивированные прилагательные, употребляемые при анафорическом опущении их определяемых. Характеристику анафорического опущения на материалах английского и русского языков можно найти в работах В. П. Кобкова. Автор определяет это опущение как «явление, при котором повторяющийся смысловой компонент вторично не выражается, но может быть восстановлен в предложении благодаря опоре сохраняющихся в нем элементов (т. н. слов-представителей) на контекст»¹⁹.

С нашей точки зрения, В. П. Кобков проводит достаточно обоснованное разграничение между эллипсом и

¹⁹ В. П. Кобков. О способах сжатия текста при сохранении смысла. «Исследование по языку и фольклору», вып. II. Новосибирск, 1967, стр. 50; *Он же*. Анафорическое опущение в современном английском языке (в сопоставлении с русским). Там же, 1965; *Он же*. Совмещение в современном английском языке (в сопоставлении с русским). «Вопросы языка и литературы», вып. I, ч. II. Новосибирск, 1966.

анафорическим опущением: «Если в предложении или словосочетании отсутствует член, употреблявшийся здесь на ранней ступени развития языка..., или подсказываемой здесь логико-семантическими закономерностями современного языка..., или же его формально-грамматическими закономерностями..., то такое отсутствие члена предложения принято называть эллипсом»²⁰. Анафорическое же опущение обусловлено стремлением избежать повторения в последующем предложении смыслового компонента предшествующего предложения. Как справедливо отмечает В. П. Кобков, «возможность эллипса объясняется опорой на ситуацию...», а возможность анафорического опущения — «опорой на языковой контекст, на ранее высказанные языковые единицы...»²¹.

В рассматриваемых нами языках тунгусо-маньчжурской группы анафорическое опущение более всего свойственно имени существительному. При анафорическом опущении существительного в любой притяжательной форме, прямой и косвенной, определяющее его прилагательное получает косвенно-притяжательное оформление. В этом случае прилагательное подвергается окказиональной субстантивации, не выходящей, однако, в отличие от узуальной субстантивации, за пределы данного контекста. При окказиональной субстантивации прилагательное принимает на себя семантические, синтаксические и некоторые морфологические функции анафорически опущенного существительного. Вслед за В. А. Аврориным можно сказать, что в подобных случаях прилагательное заместительным путем обозначает предмет вместе с присущим ему признаком. Таким образом, при оформлении косвенно-притяжательными формантами прилагательное подвергается окказиональной субстантивации, в этом случае суффикс косвенной принадлежности указывает на условный характер принадлежности субъекту обладания не признака предмета обладания (что невозможно), а самого предмета, вместе с характеризующим этот предмет признаком.

Оформление прилагательного косвенно-притяжательными формантами и дальнейшая его субстантивация определяются самим фактом анафорического опущения существительного, обозначающего объект обладания, и

употребления в качестве его заместителя окказионально-субстантивированного прилагательного, а семантика как опущенного существительного, так и прилагательного в заместительном употреблении никакого влияния на оформление окказионально-субстантивированных прилагательных суффиксом косвенной принадлежности не оказывает, как совершенно справедливо отмечает В. А. Аврорин, «форма косвенной принадлежности прилагательных служит специально для того, чтобы обозначать обладающий данным признаком предмет как принадлежащий другому предмету. При этом всегда имеется в виду признак не обладающего субъекта, а объекта обладания, т. е. признак, который никак не может быть предцифрован субъекту обладания»²². Иначе говоря, оформление окказионально-субстантивированных прилагательных суффиксом косвенной принадлежности продиктовано необходимостью указать на то, что признак, выраженный данным прилагательным, не составляет принадлежность субъекта обладания, а является признаком принадлежащего ему предмета, известного из предшествующего контекста.

Поскольку любое качественное и некоторые близкие к ним прилагательные могут употребляться заместительно, а, следовательно, подвергаться окказиональной субстантивации и в результате этого обозначать объект обладания, постольку для наших целей не имеет смысла выделять какие-либо семантические группы из числа этих прилагательных. Суффиксом косвенной принадлежности с соответствующим притяжательным формантом может быть оформлено любое качественное прилагательное, употребляемое заместительно, т. е. вместо анафорически опущенного существительного, например: нан. *Си оркингоси мимбэвэ сэжпэнкини* 'Твоя злая (имеется в виду собака) меня укусила'; Минду джэр карандаш бичини, ми диии гэлэхэни: *Буру минду сэгденгуи!* 'У меня было два карандаша, мой друг попросил: «Дай мне красный (свой)!»; [3]; эвенк. *Эр ая, си, миннги сагдынганми, дисучивчала Крымдула нан мучунни!* 'Как хорошо, что ты, моя старенькая, снова вернулась в освобожденный Крым!'; [50]; Би джлави эмэксэ, абданнаңилби нэптэңилим: *улариңилби — умун бугаду, сиңариңилби — бугаски, чутуриңилби би эмэнчэв корбақадү, би гудеиңилби синмакса, мэн акиндүви бум* 'Ког-

²⁰ В. П. Кобков. Анафорическое опущение..., стр. 150.

²¹ Там же, стр. 151.

²² В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 216.

да я пришел домой, я начал раскладывать свои листья: красные (свои) — в одну сторону, желтые — в другую, зеленые я оставил в коробке, я выбрал красивые и отдал их моему брату» [1]; *Ухаңмй (оронмй) этэм гара* 'Худшего своего (оленья) не возьму!' [61]; эвен. *хутэн зэр. Эжэңэн асй, гхэңн н'ари* 'Детей у него двое, старшая (его) девочка, другой (его) мальчик' [69]; орок. *Тар соримари, оркимба наррэ эси вара битчичи, нбчи масиңчори, бајаңчори вари битчичи.* 'Враждуя, они слабых людей не убивали, старались убить сильного, богатого' [71]; *Нони мамаңуни то улиэни мэнэ колхозтакки бухэни: унингаңуби мапаритай, поңулби мэнэ эжэңултэкки* 'Его жена раздала мясо сохатого в своем колхозе: самое лучшее старикам, остальное — своим женщинам' [1]; орок. *Бу школадуму сагдынку, чичиңку дэрэ, мэнэ сэгдыңкуңибэй бу айчигихаму, су чичиңкуңивасу — красиғихаму* 'У нас в школе большие и маленькие столы, свои большие мы починили, ваши маленькие — покрасили' [1]; нег. *Nadan boxon, auiṣun taṅga-ṣisun bisin yukkosūn!* 'Семеро горбатых, который из нас самый сильный есть, (того) выпустите!' [72].

В литературе до сих пор не было отмечено, что окказиональной субстантивации могут подвергаться и относительные прилагательные, однако такой способностью они обладают. Подтверждением служат первое и четвертое предложения из приведенных примеров. Но все эти употребления строго контекстуальны, поскольку вне контекста окказиональная субстантивация невозможна.

Субъектом обладания предметами, выраженными окказионально-субстантивированными прилагательными, могут выступать социальные существа, животные и неодушевленные предметы. Но оформление прилагательных косвенно-притяжательными формантами не всегда обусловлено явлением окказиональной субстантивации. Подобное же оформление прилагательные (качественные и относительные) могут получать и в том случае, если возникает необходимость обратить особое внимание на признак определяемого ими предмета, т. е. в том случае, если логическое ударение падает на определение, например: эвенк. «Астраль», «Буйтур», «Голиаф», «Каскад» — *эргэчир гэрбичилвэ сорта́льва Мичу́рин гангкин, се́вердыңми виногра́двн аяндави* '«Астраль», «Буйтур», «Голиаф», «Каскад» — вот какие были названия сортов, которые выписал Мичурин, чтобы улучшить свой северный вино

град' [55]; *Мунгивэ кутучингмэвун семьявэвун элэксипты ургэңчу кэсэ тырэрэн* 'Нашу счастливую семью постиг первый тяжелый удар' [52]; *Иркаттук hagdamariṣitin aḱintin gacā rāktirāwunmi* 'Самый старший брат взял ружье' [39]; орок. *Ајаңиси асанси хитэи мўлэ вāхани* 'Твоя любимая жена погубила ребенка в воде' [70]; нег. *Би сэндйчāв диң цэнэмуңйтйн гёшулва* 'Я выбрал самое длинное весло'; *Эдў диң гогдаңйтйн мэл балдйја* 'Здесь растут самые высокие деревья' [74]; эвен. *Aiṣatan poḱtirāo, n't'an e'ün-dula* 'Самое лучшее (их) ружье у ламута' [66]; *Нбдэңу, н'бчэңу эмткэн нэпкэр!* 'Не хватайте красивый (мой), цветок мой!'; *Ями-да белгаранган атыкан тадук-та эг-дэдмэру гасчиваттан* 'Но жадная старуха требует все больше и больше' [67].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что определения, оформленные косвенно-притяжательными формантами, употребляются с заметным повышением их смысловой значимости, здесь определения несут основную смысловую нагрузку. Следует обратить внимание и на тот факт, что прилагательные в рассматриваемом употреблении получают косвенно-притяжательное оформление независимо ни от их семантики, ни от семантики существительных, определениями которых они являются. Следовательно, в рассматриваемом употреблении может выступать любое имя прилагательное, получая при этом косвенно-притяжательное оформление. Определяемое же существительное в этом случае может быть оформлено косвенно-притяжательными формантами, но может и не получить такого оформления, поскольку его оформление зависит от соотношения семантических особенностей слов, обозначающих субъект и объект обладания, иначе говоря, косвенно-притяжательное оформление существительное получит в том случае, если возникнет необходимость указать на условный, косвенный характер принадлежности предмета субъекту обладания.

В эвенском языке отмечены случаи косвенно-притяжательного оформления определений, выраженных числительными, указательными местоимениями и причастиями. И здесь подобное оформление вызвано необходимостью усиления смысловой значимости определения, необходимостью выделения соответствующего качества предмета: *Эрэв аңгэңу би диңиңгэј пулатјагај ун'иръм* 'В этом году я купила четвертое (для себя) платье (для себя)'; *Таргэң,*

ол'ик'иңи, *хинду бөрив* 'Ту (свою) белку (свою), дал тебе'; *Этуриңыл'тын, бэјиңыл'тын, йл'ин б'исит'эн* 'Охраняющих (их) людей (их), было трое'; *Атйқан, эмриңгэј бэјиңгэј қарқ'ид'нйқан, чәјн'йк'й һуји чиддин* 'Старуха, ожида едущего (своего) мужчину (своего), кипятила чайник' [69].

Третью семантическую группу слов третьего класса составляют окказионально-субстантивированные числительные, их субстантивация обусловлена теми же факторами, что и окказиональная субстантивация прилагательных, например: нан. *Эмдимэнгуи Лилитэчи нангалахани* 'Одну из них (рыбу) он бросил Лилиту (кличка собаки)' [26]; эвенк. *Упкат гунчэтын, бу Шишкиннун дюрингилвэр тэлиннэ ачиннгидаву* 'Все сказали, чтоб мы с Шишкиным (свой) двойки ликвидировали в самое короткое время' [54]; *Нуңардутын илан утэн бичэл: уму кэңитын — омонгичан, геңитын — аүаткан, илиңитын — нян омонгичан*. 'У них было трое детей: первый — мальчик, вторая девочка, третий — тоже мальчик'; орок. *Бара миниңи туксаңулби, борилами дуңуби нимэсилты* 'Как много у меня зайцев, надо отдать двух (своих) соседям'; *Мунду жон бојо бичичи: илаңкорибу зоопарктай худасиҥапу, тундаңкори буҥэпу осколатай, дуңкори, гидалаҥапу* 'У нас было десять медведей: трех (своих) мы продали в зоопарк, пятерых (своих) отдали в школу, двух (своих) закололи'; орок. *Нуңатыду ила наса бичичи: омоничиты — сакаи, жувиңиты — чэккэ, илавиңиты — согжо*. 'У них было три шкуры: первая — черная, вторая — белая, третья — рыжая' [1].

Необходимо отметить, что обычно окказиональной субстантивации подвергаются числительные — порядковые и количественные — до трех. Не исключена возможность субстантивации и для остальных числительных, но возможность эта реализуется очень редко. Кроме того, в нанайском языке окказиональная субстантивация числительных происходит очень редко.

В четвертую семантическую группу входят окказионально-субстантивированные указательные местоимения. Особенно часто окказиональной субстантивации подвергаются указанные местоимения в эвенкийском, эвенском, орокском, негидальском языках: эвенк. *тар* 'тот'; эвен. *пар* 'id; орок. *тари* 'id; нег. *тау* 'id; в нанайском и орокском субстантивация этих местоимений практически не наблюдается. Как известно, во всех тунгусо-маньчжурских язы-

ках личные местоимения третьего лица ед. и мн. числа служат лишь для обозначения предметов, относящихся к категории лица. Когда же речь идет о животных и неодушевленных предметах, используются не личные, а указательные местоимения. И всегда, когда указательное местоимение употребляется как окказионально-субстантивированное, оно имеет косвенно-притяжательную форму: эвенк. *Эмјерэн умјун амам бэйунмэ, тариңитпар нуңартын сивайбара* 'Принес жирного лося, этим (своим) они угостились'; *Тариңилин оёлин киңлэлд'ивэр гэлэктэлчэл, эчэл бакара*. 'Те (его) ходили на лыжах по поверхности осыпи, искали, не нашли'; *Улэрэкин, тариңин туктывун оча* 'Когда бросил, тот (гребень его) лестницей стал'; *Авдувун бихин елан оорор. Тариңилбар-да келн эхив эхсэрэ оңоло* 'В хозяйстве у нас всего три оленя, но даже и их (своих) не можем гонять на пастбище' [59]; *Хм'й өм'эн өл'ик'и тэүэт'т'эн, тар'ңипакт'эрн'эм* 'Оказывается одна белка сидит, в ту (свою) выстрелил' [69]; орок. *Гэ, тариңули нбмбони гадумари нэңухэчи-тэни* 'Те (ее) привели его'; *Тариңуни галнами хоҗ иүатчи унҗини* 'Тот (его), стрелять кончивши, говорит' [71]; нег. *Tau asiwá d'awayén..., tauji oldoxsodun pougiyen*. 'Ту женщину взял..., ту (свою) в гроб (ее) положил опять' [72].

Из примеров видно, что окказионально-субстантивированное указательное местоимение включилось в парадигму личных местоимений и служит заместительным обозначением для всех предметов, не относящихся к категории лица. Не исключено, что подобный путь прошли и личные местоимения третьего лица ед. и мн. числа, служащие для обозначения предметов, относящихся к категории лица, т. е. местоимений. Эвенк. *нуңан* 'он, она, оно' и *нуңартын* 'они', могут быть расшифрованы так: ну — основа, *ң* — суффикс косвенной принадлежности; *-н* и *-тын* — лично-притяжательные форманты ед. и мн. числа соответствующих местоимений, *-а* — соединительный гласный, *-р* — формант мн. числа.

Реже субстантивации подвергается эвенкийское указательное местоимение *эр* 'этот': *Эр бэјэңин бимй Умјс-нйкэнмэ девдэви укчүруң. Эриңин бимй авахи* 'Этот человек (его) набросился на Умусникона, чтобы убить. Этот (его) оказался авахи'; *Эриңдуви тухакйңми тутэвн дьд'эңэв дяхиқандүви* 'В этот (свой) ящик зайца (своего) посажу' [63].

Отмечен случай окказиональной субстантивации эвенкийского указательного местоимения *тавар* 'тот самый': *Си эүэкэс атылāсча тавариццас гәротту* 'Твой дедушка купил ее (твою) в городе' [1].

К этой же семантической группе примыкают окказионально-субстантивированные вопросительные местоимения: эвенк. *Экуңив, эмэкэ, айдиңан?* 'Кто же из моих придет и спасет меня?' [59]; *Екунҗитве туктиҗиүās, екунҗитвиҗиҗиүās?* 'Чем(своим)влезешь, чем(своим)подробишь?' [39]. Сюда следует отнести и нанайское окказионально-субстантивированное местоимение *хамача* 'никакой, ничто': *Туй Иваныч хамачанго-да ана дәрәдигухэни*. 'Так Иваныч ни с чем и остался' [28]. В приведенном примере форма косвенной принадлежности сочетается с отрицательной формой обладания.

В пятую семантическую группу слов третьего класса входят окказионально-субстантивированные причастия. Правда, в нанайском и удэгейском языках нам их обнаружить не удалось. О. П. Суником же приводятся примеры окказионной субстантивации причастий нанайского языка (*ми энэй-нго-и* 'мой ходок', 'тот, кто для меня ходит'; *Ми халай-нго-и* 'мой чтец', 'тот, кто для меня читает'; *Ми вари-нго-и* 'мой убиватель', 'тот, кто для меня убивает, охотится'; *ми энэ-хэ(н)-нгу-и* 'мой прошлый ходок, тот, кто в прошлом для меня ходил'; *ми энэ-гилэ(й)-нгу-и* 'мой обязательный ходок, тот, который должен идти для меня')²³.

В наших материалах подобного употребления суффикса косвенной принадлежности обнаружить не удалось²⁴.

В эвенкийском языке окказиональной субстантивации могут подвергаться причастия законченного действия, образованные при помощи суфф. *-ча/-чэ/-чо*, например: *Бу уллэңивун мунчэ, бу мунчэңңэр гарандарав* 'Наше мясо протухло, протухшее (свое) мы выкинули'; *Бу этыркэңңивун остол дагадун тэүэтчэ, тэүэтчэңивун екун-мака сэгәргәдечән* 'Наш старик сидел около стола, сидевший (наш) что-то рассказывал' [1].

²³ О. П. Суник. Очерки по синтаксису..., стр. 182—183.

²⁴ Из частных бесед с исследователями нанайского языка Н. Б. Киле и С. Н. Оненко мы выяснили, что подобные формы теоретически возможны, но в практической речи они не реализуются.

Возможна окказиональная субстантивация причастий в форме на *-ри*, обозначающих процессуальное действие, и причастий обычного действия, например: *Мōва гāми хукулōдерīmми хусуҗинэн* 'Палку взял, лежащего (своего) ткнул'; *Тэгәтчәриңин хокориңмāк бōдан* 'Сидящий (его) внезапно исчез' [65]; *Нунан мәнңиве хулуку-кәнмэ ңәнэлдыдериңми бәрәкэмудечән* 'Ему хотелось успокоить своего маленького спутника' [51]; *Уһәдәwкинit mohorән* 'Их больной расхворался' [39].

Отмечено явление окказиональной субстантивации причастий в орокском языке: *Би әктәңуби муты тухэни, тухэңнәри балабал тәндүҗану* 'Моя женщина упала в воду, упавшую (свою) мы быстро вытащили' [1].

Удалось отметить случай окказиональной субстантивации междометия: эвенк. *Модунгилтын ултандяран* 'Их моду (окрик на оленей, заходящих за близстоящие деревья) эхом отдаются' [42].

О. А. Константинова и К. А. Новикова указывают на возможность образования глагола от основы имени существительного, содержащей суффикс косвенной принадлежности.

О. А. Константинова приводит следующий пример: *Аминйн амаски индечән дуннэңтычән бира даптудйн* 'Его отец раньше жил на своей земле в верховье реки'. Она считает, что при этом значение косвенной принадлежности предмета, который назван в основе данного глагола, сохраняется²⁵.

С этим трудно согласиться. Прежде всего необходимо отметить, что суфф. *-ң* как показатель косвенной принадлежности в основу имени существительного входить не может, поскольку относится к числу формантов смешанного формообразования, а, как известно, формообразующие аффиксы могут находиться только вне основы слова. Кроме того, указанный глагол (если согласиться с утверждением о том, что суфф. *-ң* относится к основе существительного) образован при помощи суфф. *-ты*, который О. А. Константинова в своем исследовании считает суффиксом, образующим такие слова, как: *улэты* 'есть мясо' (*уллэ* 'мясо'), *уматы* 'есть костный мозг' (*уман* 'костный мозг'), *уңтуты* 'бить в бубен' (*уңтувун* 'бубен'),

²⁵ К. А. Новикова. Очерки диалектов..., стр. 148; О. А. Константинова. Эвенкийский язык, стр. 68.

турэты 'говорить' (турэн 'слово')²⁶. Эти примеры не обнаруживают значения, которое присуще глаголу дуннэты 'владеть чем-то'. Суффиксом же, обозначающим владение предметом, является формант *-та/-та/-то*. Компонент *-н* естественнее было бы считать глагольным словообразовательным формантом, или составной частью суффа. *-нты*.

И, наконец, если считать суффа. *-н* рассматриваемого глагола формантом косвенной принадлежности, то придется предположить существование глагола дуннэты 'владеть землей', где принадлежность предмета носила бы органический, неотчуждаемый характер, но подобного глагола в эвенкийском языке не существует.

Имеются случаи, когда суффикс косвенной принадлежности, находящийся в составе слова, утратил свое значение и выделяется лишь посредством сравнительно-этимологического анализа. К числу таких слов в нанайском языке относятся *элэ-нгу-ди-и* 'изо всех своих сил (при ед. ч. субъекта)' и *элэ-нгу-ди-эри* 'изо всех своих сил (при мн. ч. субъекта)'. По аналогии с другими словами того же морфологического строения все форманты этих слов без труда могут быть выделены: показатели *-и* и *-эри* являются возвратно-притяжательными суффиксами ед. и мн. числа; *-ди-* — суффикс твор. падежа; *-нгу-* — суффикс косвенной принадлежности. Интересующее же нас значение основы *элэ-* обнаруживается не в нанайском, а в эвенкийском языке, где для него отмечено значение 'последнее усилие'²⁷. В современном нанайском языке эти слова следует признать морфологически нечленимыми наречиями, например: *Вайчай най оланчи элэнгудии пагдиалахани* 'Охотник изо всех сил кинулся к полынье' [21]; *Нёанчи... элэнгудииэри уйкэва дукталухэчи* 'Они изо всех сил принялись колотить в дверь' [36].

Морфологически нечленимыми следует признать и наречия ороцкого языка *маңаңижи* 'сильно, изо всех сил'; *ајаңижи* 'внимательно', 'хорошенько', в которых суффа. *-ңи-* утратил свое бывшее значение — указание на условную, косвенную принадлежность предмета субъекту обладания. Отнести рассматриваемые слова к числу существительных,

²⁶ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 199.

²⁷ Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, стр. 554.

оформленных суффиксом косвенной принадлежности и показателем творительного падежа, невозможно, поскольку в современном ороцком языке они должны были бы рассматриваться грамматически незавершенными ввиду отсутствия у этих слов притяжательных формантов, указывающих на лицо и число (лично-притяжательные), или на число (возвратно-притяжательные) субъекта обладания, например: *Мапāча, сй-дэ ајаңижи иңэчиү!* 'Старик, и ты смотри внимательно!'; *Тэи илāн'жи дилики иңгури батүндүла исиви, ајаңижи нэдэси* 'Добравшись до того самого Гремящего богатыря, держи себя осмотрительно'; *Мэггэ тādүтан'и чэжэ маңаңижи хүхэн'и* 'Герой тогда дунул поистине изо всех сил'; *Гэрэ н'й ајаңижи жүктāкитида* 'Все люди внимательно проверили' [70]. Особо отметить следует использование формы косвенной принадлежности для уточнительной характеристики предмета с указанием на то, что он ранее упоминался соответствующим лицом или был предметом его мысли. Впервые на возможность использования суффикса косвенной принадлежности в подобном употреблении указал исследователь удэгейского языка Е. Р. Шнейдер, который по этому поводу писал: «С помощью суффа. *-ңи (-ңи)* образуются притяжательные формы и тогда, когда обладание носит, так сказать, условный характер, например: *minti Bəliḥə-ṇi-fi* — наша Боле (название героини удэгейских сказок), т. е. та Боле, о которой идет речь; как и в русских сказках: «И вот пошел наш Иван...» В этом значении может быть образована притяжательная форма и от слова 'собака', например: *minti in'ai-ṇi-fi* — наша собака. Эта форма может употребляться также по отношению к чужой собаке ее временными хозяевами»²⁸.

О подобном использовании суффикса косвенной принадлежности в негидальском языке говорят К. М. Мыльников и В. И. Цинциус: «Если же обладание предметом носит более отдаленный или временный характер, или если оно понимается в переносном смысле, как, например, в сказках, подобно русскому „как пошел наш козел“ — притяжательные аффиксы присоединяются с помощью суффа. *-ңи-*»²⁹.

²⁸ Е. Р. Шнейдер. Указ. соч., стр. 101.

²⁹ К. М. Мыльникова, В. И. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка. «Тунгусский сборник», I. Л., 1931, стр. 149.

По сообщению О. А. Константиновой и в эвенкийском языке «имена существительные, для которых характерно употребление прямой притяжательной формы, могут выступать в форме косвенной принадлежности в тех сравнительно редких случаях, когда принадлежность носит условный или выделительный характер, например: *Атыркэчэйн урэдү цй-вэл авунмэйн бакаран, авунцйвэй хутакандүйвэй дйрэн* 'Старушонка нашла на сопке чью-то шапку; свою (т. е. найденную ею) шапку сунула в (свою) сумку'; *Этыркэндүлэ синэ эмэвдецэн. Этыркэмми — сапкэ, вэ-лэйн*. 'Он сведет тебя к старику. А (тот) мой старик умелый опытный охотник'. Такой же оттенок значения могут иметь имена существительные, обозначающие промысловых животных, например: *Хуркэжэн багдэжэвэ пэктырэнэн, багдэжэцэйн супирэлдү сокориаван* 'Мальчик выстрелил в дикого оленя, а его дикий олень убежал' ³⁰.

Суффикс косвенной принадлежности в рассматриваемом значении используется и в нанайском языке. К. А. Новикова не отделяет уточнительно-выделительное значение от основного значения суффикса косвенной принадлежности — указывать на относительный, неорганический характер принадлежности предмета субъекту обладания. По рассматриваемому вопросу она пишет: «Аффикс *-н* указывает на неорганическую, непостоянную, условную связь между именами в притяжательном словосочетании» ³¹.

Смешение двух различных значений суффикса косвенной принадлежности в эвенском языке обусловило и вывод К. А. Новиковой о том, что «два способа притяжательного оформления охватывают в ольском говоре все имена, за исключением служебных слов» ³². Как было показано выше, сфера употребления суффикса косвенной принадлежности, в том случае, если он указывает на неорганический, косвенный характер принадлежности предмета, на все имена не распространяется. Что касается второго значения суффикса косвенной принадлежности, значения уточнительно-выделительного, то вслед за В. А. Аврориным можно отметить, что в этом случае суффиксом косвенной принадлежности может оформляться любое имя су-

ществительное: *Ми энгурнгуи чоп аба очогохани* 'Мой волк (т. е. волк, о котором я говорил) совсем исчез (отсутствующий стал)'; *Гэй, мэргэн исюочиани, буэ мэргэнгуи миохранкини* 'Когда тот герой пришел (достиг), наш герой (герой, о котором мы говорили, герой нашего повествования) поклонился'; *Нёани дёнгони кубдукэн очогохани* 'Его дом (то, что он принял за дом) холмиком оказался'; *Гэ, си огдангоси!* 'Вот она твоя лодка (вот что ты ошибочно принял за лодку)!'³³

См. также материалы эвенского языка: *ор-эң-э-т* 'наш (всех) олень', 'тот олень, который считался нашим'; *мут хут-э-н-ун* 'наш сын', 'тот, кто считается нашим сыном'; *Тйм'йн кйцақан хутэңэн, ол'ик'иңгэј гэл'нэн. Нок'ичил'рэкэн, ирэтл'э чйқачан дбн, гонни, кйцаңт'к'иј: Амэңэс экэн'зи атиқанрэн* 'На следующий день мальчик, тот который считался его сыном, пошел охотиться на белок (досл.: «пошел искать для себя белок»). Когда он стал стрелять из лука, на молодую лиственницу села птичка, говорит тому своему мальчику: «Тот, кто считается твоим отцом, женат на своей старшей сестре» (из сказки) ³⁴.

Как видим, здесь суффиксом косвенной принадлежности с уточнительно-выделительным значением оформлен ряд имен существительных (шапка, дом, лодка, олень, сын, отец), которые мы рассматривали на предшествующих страницах как неспособные принимать суффикс косвенной принадлежности в его основной функции.

В. А. Аврорин вполне справедливо указывает на то, что уточнительно-выделительное значение суффикса косвенной принадлежности явилось «дальнейшим развитием... наиболее распространенного и вместе с тем наиболее древнего употребления косвенной притяжательной формы, заключающегося в выражении косвенной принадлежности как таковой» ³⁵.

К уточнительно-выделительному значению форманта косвенной принадлежности тесно примыкает еще одно, неотмеченное в литературе употребление этого же суффикса для выражения метафоричности значения оформляемого им существительного, например: нан. *Ми си индангоси биэсимби* 'Я не твоя собака (т. е. я человек, а не со-

³⁰ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 67.

³¹ К. А. Новикова. Очерки диалектов..., стр. 147.

³² Там же, стр. 150.

³³ В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 160—161.

³⁴ К. А. Новикова. Очерки диалектов..., стр. 147, 148.

³⁵ В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 160.

бака)³ [4]; *Гэ, суэ олгиангосу* 'Вон ваша свинья (т. е. человек, или еще кто-либо похожий на свинью)³; эвенк. *Кэ, ир-кэ сунги мурингисун?* 'Ну, где же ваша лошадь (т. е. тот, кто изображает лошадь)!'³ [54].

Известная близость между последними двумя значениями и большая отвлеченность второго по сравнению с первым позволяют думать, что метафорическая функция суффикса косвенной принадлежности представляет собой естественное дальнейшее развитие функции выделительно-уточнительной. Однако окончательное решение этого вопроса затруднено тем, что употребление интересующей нас формы в последней из отмеченных функций зарегистрировано нами лишь в двух языках: нанайском и эвенкийском, да и в них оно практически в речи встречается очень редко.

Глава III

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУФФИКСА КОСВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Категория косвенной принадлежности выражается специальным суффиксом, который в рассматриваемых нами языках имеет форму: Эвенк. *-н(и)*, эвенк. *-н*, нег. *-н(и)*, нан. *-но/-ну*, улч. *-ну*, орок. *-ну*, ороц. *-ни*, удэг. *-ни* (*-но/-ну*).

Нетрудно заметить, что по форме суффикса косвенной принадлежности рассматриваемые языки можно разделить на три группы. В языках первой группы (эвенкийском, эвенском, негидальском) интересующий нас формант имеет форму *-н(и)* или *-н*, а если признать, что соединительный гласный в состав суффикса не входит, то суффикс для первой группы языков имеет единую форму *-н*.

В эвенкийском языке соединительного гласного не бывает в тех случаях, когда после суффикса косвенной принадлежности следуют согласные, с которыми он может вступать в сочетания. Как показали исследования А. А. Горцевского¹ и А. Ф. Бойцовой², звук *-н* может сочетаться в позиции первого компонента с десятью согласными: *г, д, д', к, л, м, н, н', т, ч, н'*.

В эвенкийском языке суффикс косвенной принадлежности имеет форму *-н*, если после него следует: возвратно-притяжательный суффикс ед. или мн. числа; форманты косвенных падежей — винительного, дательного, предложного, отложительного, местного; суффиксы формы сравнения, совместности, например: *Этыркэн сулаки-нми дюлави эксэрэн* 'Принес старик лису (свою) домой' [59]; *Илэл герои-н-мар аявукил* 'Народ любит героя (свое-

¹ А. А. Горцевский. Фонетические трудности при обучении эвенков (тунгусов) русскому языку. Л., 1939, стр. 67.

² А. Ф. Бойцова. Сочетаемость согласных в эвенкийском языке. «Языки и фольклор народов сибирского Севера». М.— Л., «Наука», 1966, стр. 153.

го)³ [47]; *Хэрэкэ цинакин колобо-ң-мов ункатпан* манаран 'Чужая собака съела мой хлеб' [64]; *Тэли си бумага-ва почта авса-ң-дун дыкэл* 'Тогда ты опусти бумагу в почтовый ящик' [57]; *Эр-ты нунган мэннгиливи дуннэ-нэ-дуливи нгэнэлчэн* 'И вот он отправился путешествовать по родному краю' [55]; *Мэнцидукви дун-нэ-ң-дукви туксами эчэ ая биси* 'Нехорошо от своей земли бежать' [59]; *Этыркэн атыркаң-унми нимэвурэн* 'Старик с женой (своей) пошел в гости' [1]; *Хоктол эду хэгдыл, митңидын бира-ң-дынты албичил* 'Дороги здесь большие, шириной с нашу реку' [51].

Нетрудно заметить, что суффикс косвенной принадлежности имеет форму *-ң*, если после него следует формант, состоящий из одного или двух слогов, которые по своему строению могут быть открытыми (согласный + гласный) и замкнутыми (согласный + гласный + согласный).

Если же после суффикса косвенной принадлежности следуют форманты, состоящие из одного согласного, то он присоединяется посредством соединительного гласного *-и-*. К числу таких формантов можно отнести: суффикс мн. числа *-л*, лично-притяжательный суффикс 1-го лица ед. числа, притяжательный суффикс 3-его лица ед. числа, суффикс твор. падежа. Подобным же образом присоединяется суффикс косвенной принадлежности, если после него следуют: лично-притяжательные суффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица мн. числа, суффикс формы обладания, например: *Нунгартын-ка аннгани-нэ-и-л-дуквар хэгдытмэ-сэлгэчир* 'И для своих лет даже довольно рослые' [48]; *Нуңан гау и-ң-и-л-нунми йрэн гулэгэ* 'Он вместе со своими лебедями вошел в свой дом' [58]; *Тар минңи бэјэ-ң-и-в* 'Это мой человек' [39]; *Эр-ты синнги улукиткэн-нэ-и-с!* 'Вон твой бельчонок!' [49]; *Нунган туннгин аннгани-нэ-и-н нгэнэјечэн* 'Ему пятый год (его) шел' [47]; *Тари-нэ-и-тви элдяни?* 'Что ты станешь ею (своею) делать?' [43]; *Ири сулаки-ң-и-т?* 'Где же наша лиса?' [59]; *Бу уллэ-ң-и-вун мунчэ* 'Наше мясо протухло' [1]; *Чука-ң-и-сун оланигин!* 'Трава (ваша) пусть завянет!' [59]; *Туннга аннгани-нэ-и-чи бингэсиви, Володя тангдави эниндукви алагувачан* 'Читать Володя выучился пяти лет у матери' [52].

В том случае, если показатель косвенной принадлежности имеет форму *-ң*, наблюдается явление ассимиляции

согласных, входящих в состав формантов, которые следуют после суффикса косвенной принадлежности. Обычно эта ассимиляция носит прогрессивный характер и распространяется на форманты, начинающиеся со звуков: в, г, н. К числу этих формантов относятся: возвратно-притяжательные суффиксы ед. и мн. числа (*-ви* и *-вар/-вэр/-вор*); показатель вин. падежа (*-ва/-вэ/-во*); суффиксы формы совместности (*-нун* и *-гали/-гэли/-голи*). Ассимиляция при этом может быть частичной, затрагивающей только часть признаков звука *ң*, например: *Би вәм гэр-бэй-ң-ми (гэрбэй-ң-ви)*³ 'Я побила работницу (свою)'; *Чанмйча, имурэ-ң-мэ-н (имурэ-ң-вэ-н) гадэви некэчэ* 'Вы варила кости, собиралась получить жир' [63]; *Эчэвэ ая биси мата-ң-мар (мата-ң-вар) асундала омчочотын* 'Неприятного соседа (своего) на время как бы забыли' [51]. Но в ряде говоров (сахалинский, учурский) наблюдается полная ассимиляция; *Бу уллэ-ң-ңэр (уллэ-ң-вэр) тэвуксэ машиналду, колхостулавэр ңэнрэв* 'Погрузив (свое) мясо на машины, мы отправились в колхоз'; *Мэн энэуиргу накита-ң-ңюн-и (накита-ң-ңюн-ми) охотаран* 'С самым сильным (своим) медведем пошел на охоту'; *Нуңан мэн аүи-ң-ңали-ви (аүи-ң-гали-ви) колхозла ңэнэ-ңтытын* 'Он со своей женщиной поедет в колхоз' [1].

Возможны случаи взаимной ассимиляции, т. е. когда наблюдается изменение обоих соседних звуков под влиянием друг друга, например: *мөва гәми хукулөде-ри-м-ми (хукулөдери-ң-ви) хусуҗинэн* 'Палку взяв, лежащего (своего) ткнул' [65].

При присоединении суффикса косвенной принадлежности к основам, оканчивающимся на согласный *н*, возможны следующие варианты: а) конечный согласный основы опускается: *Имурэ-нэ-и-тын (имурэн-нэ-и-тын) кэтэ бичэл* 'У них было много масла' [46]; б) конечный звук основы уподобляется согласному суффикса косвенной принадлежности: *Ахи этиркэң-ңи (этыркэн-ң-ви) кумлэрэн* 'Женщина обняла (своего) мужа'; *Этыркэң-ң-и-н (этыркэн-ң-и-н) тәдү сөма аят нуңанман дебүкәниттән* 'Его старик очень хорошо его угостил' [63]; в) суффикс косвенной принадлежности присоединяется к неусеченной основе на согласный: *Эр-ты-синнги улукиткэн-нэ-и-с!*

³ В скобках даны неассимилированные суффиксом косвенной принадлежности формы.

‘Вон твой бельчонок!’ [49]; *Этыркэн-ң-и-н, эмэхэ, ахиви тэдэбдерэн* ‘Муж (ее), придя, предупредил жену’ [63].

Присоединение суффикса косвенной принадлежности к основам, оканчивающимся на остальные согласные, происходит при помощи соединительного гласного, например: *Чукалая амуд-и-ң-и-т этыеду угэвдерэн* ‘Наше синее озеро в ветер волнуется’ [60]; *Тар эмэксэ, нуңан чай-й-ң-ми умуллан* ‘Придя, он начал пить чай (свой)’ [63]; *Этыркэнги чукаг-и-ң-ду-н авдурдувар сингэрэкэр кикэтчэрэ, дявматчэрэ* ‘На стариковском лугу (его) мыши в норах (своих) свистят, перекликаются’ [49].

Подобные фонетические закономерности характеризуют и эвенский язык, где при присоединении суффикса косвенной принадлежности к основе, оканчивающейся на согласный *н*, последний опускается: *Н’өл’тэ-ң-кэн-ти* (*н’өл’тэн-ң-кэн-ти*) *н’ин, г’эва-ң-қан-туй* (*г’эван-ң-қан-туй*) *г’эванр’эн* ‘Солнышко (наше) взошло, заря (наша) засветилась’ [69].

Суффикс косвенной принадлежности к основам, оканчивающимся на остальные согласные, присоединяется посредством соединительных гласных (*э, а*), которые обычно редуцируются и, по словам К. А. Новиковой, звучат *ы*-образно (*э, ё*)⁴. К основам «с конечными среднеязычными согласными *ч, ж, н’, ј*» суффикс косвенной принадлежности присоединяется посредством соединительных гласных *и, й*, например: *Мин нес-э-ң-у мугчин эснэн* ‘Мой пот как вода течет’; *Мин чурит-э-ң-у ојдү дэсчин* ‘Мои бусы лежат сверху’ [68]; *Окат-э-ң-э-сэн эч модэрэ*. ‘Ваша река еще не разлилась’; ... *н’ин’ик’ил’ мут тёр-э-ң-нэ-т тугэссэттэ* ‘...рябчики проводят зиму в наших местах’; *Жүлај эмри-жи каб’эв-э-ң-э-л-би нүтқандүк’й нурив* ‘Придя домой, я вынул куропаток (своих) из мешка (своего)’; *Ноңэн бэј-и-ң-э-н* ‘Его человек’ [69].

Соединительные гласные могут следовать и после суффикса косвенной принадлежности, но в том случае, если после него следуют форманты, состоящие из одного согласного звука. Без соединительных гласных получались бы недопустимые сочетания трех согласных в середине слова или двух согласных в конце слова: *нунэ-ң-э-т*

⁴ К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка, ч. I. М.—Л., 1960, стр. 78—79.

н’ам онн’и ‘Буря (наш) стал теплее’; *н’ин нүн-ң-э-с обдй-күн бйсин* ‘Тот лук, который считался твоим, был слабый’; *Этури-ң-э-л’-тын, бэј-и-ң-э-л’-тын йл’эн б’исит’эн* ‘Охраняющих (их) людей (их) было трое’ [69].

При присоединении суффиксов, начинающихся на согласный звук, к основе с суффиксом косвенной принадлежности они подвергаются прогрессивной ассимиляции, но, естественно, лишь в том случае, если эти суффиксы присоединяются без посредства соединительных гласных: *Кунгаякан, качиякан амкачангавур* (*амкачан-ң-ла-вур*) *ес-са* ‘Ребенок и щенок дошли до сопочки (своей)’ [68]; *Н’өмнин-тэ, нитк’ил’эј оқат’эңнај* (*оқат-э-ң-ла-ј*) *күман эңаникл’иј* ‘Как только вышел, около юрты своей через реку (свою) вброд перешел по поясу’ [69]. Ассимилятивно-му влиянию в приведенных примерах подвергся показатель местного падежа *-ла* в словах *амкачангавур* и *оқат’эңнај*.

О тех же фонетических закономерностях сообщают исследователи негидальского языка: «При присоединении притяжательных суффиксов с помощью суфф. *-η-*, этот последний вставляется между основой и притяжательным аффиксом. При этом к основам на гласный он присоединяется непосредственно, например: *oloxi-η-i-w* ‘Моя белка’ от *oloxi* ‘белка’. К основам же на *-n-* суфф. *-η-* также присоединяется непосредственно, но конечный *n* основы при этом сливается с *-η-* суффикса, например: *sama-η-i-w* ‘мой шаман’ от *saman* ‘шаман’⁵.

Далее К. К. Мыльникова и В. И. Цинциус сообщают о том, что к основам, оканчивающимся на другие согласные, *-η-* присоединяется с помощью соединительного гласного, например: *dət-i-η-i-w* ‘моя марь’ от *dət* ‘марь’, *es-i-η-i-w* ‘моя лиственница’ от *es* ‘лиственница’. С помощью соединительного гласного *i* присоединяются к суффиксу косвенной принадлежности и форманты притяжательные: 1-го лица ед. числа (*-w*); 1-го лица мн. числа включительные (*-t*); 2-го лица ед. и мн. числа (*-s* и *-sun*); 3-го лица ед. и мн. числа (*-nin* и *-tin*) например: *oloxi-η-i-w, oloxi-η-i-t, oloxi-η-i-s, oloxi-η-i-sun, oloxi-η-i-nin, oloxi-η-i-tin*.

⁵ К. К. Мыльникова, В. И. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка. «Тунгусский сборник». I., Л., 1931, стр. 152—153.

отряхнула, его рукавицы залатала¹; *Титами гуи котити аракуңгуи сирхэни* 'Потом еще в рюмку (своего) вина налил' [2].

Не подвержен влиянию закона гармонии гласных показатель косвенной принадлежности *-ну* и в орокском языке, например: *Эси би ситтэи боюңулласи таммэви* 'Теперь я тебе за твоего медведя плачу'; *Ча хотонду ээ(н) гйдаи паталуңулу битчини* 'В том городе царь, имеющий единственную дочь, жил'; *Ночи дэпиңуи ма-ниптукани* 'Их продукты кончились' [71].

Однако иллюстративный материал, приведенный в исследовании Т. И. Петровой, обнаруживает, что форма косвенной принадлежности выражается в рассматриваемом языке и при помощи показателя *-но*, например: *Бу Тэрэжэнду Чипавунаңону солоһону* 'Мы с Тэрэжэ рекою Чипавуна (нашей) вверх плыли'; *Маңаңори өпис'с'а, дукутаккэри йчимэри исукил битчини* 'Когда богатыря (своего) убьют, к своему дому с победоносным криком возвращались' [71].

Отмечен суффикс косвенной принадлежности в форме *-но* и в наших материалах: *Гедэңори но́чи детской саттай бухочи* 'Одну (свою) они подарили детскому саду'; *Нуй сундатаңонне си улосиси?* 'Чью рыбу ты варишь?' *Сэксэ но́чи мэңэ туксаңори дэптуличи* 'Вечером они съедят своих зайцев' [1]. Примеры свидетельствуют о том, что до настоящего времени в орокском языке, так же как, по-видимому, и в ульчском, суффикс косвенной принадлежности продолжает в отдельных случаях подвергаться влиянию гармонии гласных, постепенно вытесняясь единой формой *-ну*, что объясняется, по всей вероятности, тем, что в области гласных в орокском и в ульчском языках, по сравнению с нанайским отмечается более энергичная лабиализация: в ульчском и орокском имеем *-у*-там, где в нанайском *-о*- (закрытое).

В языках орокском и удэгейском суффикс косвенной принадлежности имеет форму *-ни*: *Има^hаду кэптэ^h эни бу тукчаңу* 'В снегу лежали наши зайцы'; *Ни эй улэ^hөңиэни?* 'Чье это мясо?'; *Нуани сулаиңини капкади гёда чуауи^hани* 'Его лиса убежала вместе с капканом'; *Утиүтадиуаңити бисэ сэуни алагдира* 'Их дочь была очень красивой' [1].

В редких случаях суффикс косвенной принадлежности в удэгейском языке выступает в форме *-ну*: *Бу ни^h аңуңу*

'Наш волк'; *Бу не^hэну* 'Наш соболь'; *Бу мафаңу* 'Наш медведь'. Подобная форма суффикса косвенной принадлежности, видимо, обусловлена губным сингармонизмом гласных, т. е. ассимилятивным влиянием на предшествующий гласный последующего губного гласного. Подтверждением этому является пример, когда те же существительные могут быть оформлены и суффиксом косвенной принадлежности в форме *-ни*: *Бу ни^hаңуңу* 'Наш волк'; *Бу не^hэни* 'Наш соболь'; *Бу мафаңу* 'Наш медведь'. Следовательно, считать, что в удэгейском языке для выражения косвенной принадлежности существуют две фонетические разновидности рассматриваемого форманта, едва ли можно. Точнее было бы считать, что единый суффикс в особых комбинаторных условиях может употребляться в факультативном, даже для подобных случаев чисто фонетическом варианте *-ну*. О. П. Суник и Е. Р. Шнейдер сообщают также, что в удэгейском языке названный формант может иметь форму *-ну*⁹. Ни тот, ни другой исследователь, однако, примеров с употреблением суфф. *-ну* не приводят.

Необходимо отметить, что, несмотря на разнообразие вариантов суффикса косвенной принадлежности в рассматриваемых тунгусо-маньчжурских языках (*-н*, *-ни*, *ңго/-ңгу*, *-ну*), это генетически один и тот же суффикс. Доказательством тому может послужить следующее.

1. Начальный согласный показателей косвенной принадлежности в рассматриваемых языках является одним и тем же. О том, что звуку *-н* одного тунгусо-маньчжурского языка во всех других рассматриваемых языках, как правило, соответствует тот же *-н*, отмечается и в исследовании В. И. Цинциус¹⁰.

2. Как уже отмечалось, в составе суффикса косвенной принадлежности северной группы тунгусо-маньчжурских языков (эвенкийском, эвенском и негидальском) гласный отсутствует вообще или является соединительным, т. е. в состав суффикса косвенной принадлежности не входит,

⁹ О. П. Суник. Удэгейский язык. «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., «Наука», 1968, стр. 216; Е. Р. Шнейдер. Краткий удэгейско-русский словарь, с приложением грамматического очерка. М.—Л., 1936, стр. 101.

¹⁰ В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Учен. зап., Л., 1949, стр. 239—240.

в то время как в рассматриваемых языках южной группы (нанайском, ульчском, орокском, ороцском и удэгейском) наличие гласного (-и- или -у-) в составе суффикса косвенной принадлежности является обязательным. К этому в основном и сводится главное различие в фонетической структуре суффикса косвенной принадлежности языков северной и южной групп.

Рассматриваемая фонетическая закономерность — наличие гласного (о, у, и) в конце слов южной группы языков и его отсутствие в соответствующих словах северной группы языков — является довольно распространенной и охватывает значительное количество слов и некоторых формальных показателей. Как отмечает В. И. Цинциус, «редукция, а затем и отпадение (апокопа) или выпадение (синкопа) нормальных (недолгих) гласных в тунгусо-маньчжурских языках — характернейшая особенность северной подгруппы [этих языков]. Самым общим и самым ранним для этой подгруппы следует, как нам кажется, считать отпадение и выпадение нормальных узких гласных -и-, -у- первых слогов...: «эвенк. *адил* 'сеть', эвен. *адал*, нег. *адел*, ороц. *адули*, уд. *адили*, орок. *адули*, нан. *адоли*; эвенк. *дил* 'голова', эвен. *дел*,... нег. *дел*, ороц. *дили*, уд. *дили*, орок. *дили*, нан. *жели*...; эвенк. *бэр* 'лук для стрельбы'; нег. *бэј*, ороц. *бэји*, уд. *бэи*, орок. *буриккэ*, ульч. *бури*, нан. *бури*»¹¹.

Фонетически закономерным является и соответствие -о-, -у- в суффиксах косвенной принадлежности нанайского, ульчского и орокского языков гласному -и- ороцского и удэгейского языков. Данное фонетическое соответствие прослеживается в целом ряде слов и суффиксов соответствующих языков:

нан., ульч. *хэдун*; орок. *хэдү* // уд. *эди*; ороц. *эдин* 'ветер'

нан. *чумчун*; ульч. *чумчун* // ороц. *чимдака*; уд. *чимча* 'палец'

нан., ульч. *тукпэн*; орок. *тукпэ* // уд. *тикпэ*; ороц. *тинэ* 'гвоздь'

нан., ульч. *туңгэн*; орок. *туңэ* // уд., ороц. *тиңэ* 'грудь'

нан., орок. *ту-*; ульч. *туку-* // уд. *тиңмэ*, ороц. *ти-* 'падать'

нан., ульч., орок. *тугдэ* // уд., ороц. *тигдэ* 'дождь'

нан. *мујки*; ульч. орок. *муи* // уд. *мики*; ороц. *мйки* 'змея'

нан. -*ко* / -*ку*; ульч. -*чу*; орок. -*лу* ∞ -*ллу* // уд. -*хи*, ороц. -*ки* ∞ -*кки* — суффикс формы обладания;

нан. -*со* / -*су*; орок. -*со* // уд. -*си* / -*си*; ороц. -*чи* ∞ *си* — суффикс вида длительности;

нан. -*го* / -*гу*; ульч. -*зү* / -*зү*; -*до* / -*ду* // уд. -*гэ* / -*гэ*; ороц. -*ги* — суффикс вида повторного действия;

нан. -*ло* / -*лу*; ульч. -*ло* / -*лу*; орок. -*лу* // уд. -*ли* / -*ли*; ороц. -*ли* — суффикс вида начала действия;

нан. *уј*; ульч. *ңуј*; орок. *ңуј* ∞ *ңуи* // уд. *нй*, ороц. *нй* — вопросительное местоимение 'кто?'

Таким образом, различия в огласовке суффикса косвенной принадлежности в языках тунгусо-маньчжурской группы являются закономерными, не выходящими за пределы фонетических закономерностей рассматриваемых языков.

3. Закономерным является соответствие сочетания звуков -*ңг-* в суффиксе косвенной принадлежности нанайского и ульчского языков звуку -*ң-* того же суффикса в других тунгусо-маньчжурских языках. Это же соответствие прослеживается и в целом ряде других слов и формальных показателей интересующих нас языков:

нан., ульч. *соңго-* // эвенк., нег., ороц., уд. *соңо-*; эвен. *һоң-* 'плакать'; нан. *саңгар*; ульч. *саңгали* // эвенк. *саңār*; эвен. *һаңār*; нег. *саңā*; ороц., уд., орок. *саңā* 'отверстие, дыра, яма';

нан. *оңголо* // эвенк. *оңоло* 'душло'; нан., ульч. *мэңгун* // эвенк. *мэңун*; эвен. *мэңэн*; ороц. *мэңун*; уд. *мэңу*; орок. *мэңу* 'серебро';

нан., ульч. *н'уңгун* // эвенк. *н'уңун*; эвен. *н'уңэн*; уд. *н'уңу* 'шесть';

нан. *тојңга* // эвенк. *тун'ңа*; эвен. *тун'ңан*; нег. *тон'ңа*; ороц., уд. *туңа* 'пять';

нан. *аңгажа* // эвенк. *аңажаkāн*; нег. *аңажахāн*; эвен. *аңатkāн*; уд. *аңажа*; орок. *аңада* 'сирота';

нан. *сиңгактэ* // эвенк. *иңэктэ*; нег. *инэктэ*; орок. *сиңэктэ* 'черемуха' нан., ульч. *миңган* // нег. *миңан* 'тысяча';

¹¹ В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика, стр. 125, 129.

нан., ульч. *моңгон* // эвенк., нег. *моңон*; уд. *моңоли*; орок. *моңо* 'шея'.

нан., ульч. *-ңи* // эвенк., эвен. *-ңи*; уд., ороц. *-ңу* — показатель предикативно-притяжательной формы.

Следовательно, основное различие формантов косвенной принадлежности в рассматриваемых языках сводится к наличию (южная подгруппа) или отсутствию (северная подгруппа) гласных в их составе. Однако В. И. Цинциус пишет: «Как известно, соединительным гласным называется лишенный какой бы то ни было самостоятельной морфологической и семантической значимости гласный, который появляется в тех случаях, где при стыке одних морфем с другими говорящие, например, по эвенкийски или по эвенски, стремятся избежать стечения согласных, непривычного по сложившимся нормам сочетания звуков. Как это было показано выше, соединительный гласный должен рассматриваться... как сохранившийся в данной форме слова гласный основы или корня или суффикса»¹². Суффикс косвенной принадлежности северной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков, по ее мнению, генетически восходит к * *-ңи* (эвенкийский и негидальский языки) или * *-ңа/-ңэ* (эвенский язык).

Значительным числом примеров В. И. Цинциус устанавливает «факт соответствия узких негубных *-и*-, *-е*-северной подгруппы узким губным *-у*-, *ү(о)* южной подгруппы»¹³. При этом автор сообщает, что в рассматриваемом соответствии языки ороцкий и удэгейский примыкают к северной подгруппе.

Таким образом, можно прийти к заключению о том, что различия в фонетической структуре показателей косвенной принадлежности языков тунгусо-маньчжурской группы обусловлены закономерными фонетическими соответствиями и генетически восходят к одному и тому же формальному показателю.

¹² В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика, стр. 131.

¹³ В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика..., стр. 92.

Глава IV

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУФФИКСА КОСВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Среди специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам нет единого мнения относительно морфологической природы суффикса косвенной принадлежности. Так, О. П. Суник утверждает, что суффикс косвенной принадлежности следует рассматривать среди основообразующих суффиксов, «посредством которых образуются особые формы существительных, не меняющие, как правило, основных лексических значений соответствующих слов»¹. Та же мысль приводится О. П. Суником в другой работе: «Основы введенных типов могут быть названы первыми основами слова. Им противопоставляются так называемые вторые основы, содержащие кроме морфем, составляющих первые основы (корневые и некоторые суффиксальные), еще и морфемы формальные — показатели именного формообразования. В своей совокупности они образуют одну общую основу слова, всегда обладающую, в отличие от корня слова, как известным вещественным, так и определенным формальным значениями»².

Здесь одно утверждение противоречит другому. Ведь если суффикс косвенной принадлежности является основообразующим, то он образует не формы существительных, а их основы, если же он является формообразующим, то образует формы существительных, но не их основы, и в таком случае его нельзя называть основообразующим.

Как нам кажется, отнесение суффикса косвенной принадлежности к числу основообразующих формантов не является обоснованным, поскольку этот суффикс указывает лишь на косвенный, условный характер принадлеж-

¹ О. П. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958, стр. 62.

² О. П. Суник. Именные основы и окончания в языках тунгусо-маньчжурской группы. «Вопросы грамматики». М.— Л., 1960, стр. 153.

ности предмета субъекту обладания, но не сообщает слову решительно никакого нового лексического значения и даже его оттенка, например: нан. *Нѣанчи мосалнгочи-тэнг улэн мосал бичичи* 'Их шесты — очень хорошие шесты были' [35]; *Тотара Лэтэркэнгуи ичэгуйни* — *ана-на, Лэтэркэн гучкули очохани* 'Взглянул на своего Лэтэркэна — вот так-так, Лэтэркэн красивый стал' [2]; эвенк. *Шоциңма, илмактава ичэгэ, кэмбэллэлкүн шоциңцитын!* 'Я видел молодого сонинга (богатыря). В красивом белом кафтане их сонинг (богатырь)' [63].

Сравнение слов, оформленных и неоформленных суфф. *-нго / -нгу*, не позволяет найти в их семантике даже малейших различий.

«В некоторых случаях наблюдается различие между смысловыми (лексическими) значениями имен в зависимости от вида (способа) их притяжательного оформления; ср. эвен. *мо-у* 'мои дрова', *мо-нгу* 'мое дерево', *хайта-у* 'моя травяная стелька', *хайта-нгу* 'моя трава', эвенк. *аси-в* 'моя жена', *аси-нги-в* 'моя женщина'»³. О том, что в ряде случаев суффикс косвенной принадлежности «меняет значение слов» сообщает и О. А. Константинова, подкрепляя это примером *бэйнэксэ* 'шкура', *бэйнэксэн-гилви* 'моя пушнина'⁴.

Различие в лексическом значении приведенных существительных, с нашей точки зрения, обусловлено не оформлением их суффиксом косвенной принадлежности, а многозначностью этих существительных. Так, в эвенском языке слово *мо* имеет значение 'дерево' и 'дрова', слово *хайта* 'стелька' и 'трава для стелек'⁵, а в эвенкийском языке слово *аси* имеет значение 'женщина' и 'жена', слово *бэйнэксэ* значит 'шкура' и 'пушнина'.

Чтобы выразить принадлежность субъекту обладания растений, как уже упоминалось, необходимо оформление существительных, обозначающих эти предметы, суффиксом косвенной принадлежности. Его мы и видим в выражениях 'мое дерево' и 'моя трава'. При выражении же

принадлежности субъекту обладания предметов домашнего обихода, одежды существительные получают прямое притяжательное оформление. Поэтому существительные в прямой притяжательной форме и имеют значения 'мои дрова' и 'моя стелька', а никак не 'мое дерево', 'моя трава'.

Этим же причинами обусловлено и различие в лексическом значении слов *аси-в* 'моя жена' и *аси-нги-в* 'моя женщина'. И в том, и в другом случае объектом обладания выступает один и тот же предмет 'женщина', но в первом случае обладание органическое (т. е. это — женщина, которая принадлежит только мне, иначе говоря, это — моя жена), во втором случае обладание условное (т. е. это женщина, о которой я говорил, или которая была предметом моей мысли, иначе — это не моя жена).

Кроме того, суффикс косвенной принадлежности нельзя относить к числу словообразовательных или основообразующих также и потому, что «оформленное этим суффиксом существительное еще не представляет собой самостоятельного слова. Чтобы получить характер грамматической законченности, оно... должно сочетать в себе форму косвенной принадлежности с притяжательной формой обладания»⁶, положительной или отрицательной. Грамматическую завершенность существительное может получить и в том случае, если после суффикса косвенной принадлежности следует суффикс совместности *-молиа / -мулиэ*.

Известно, что в тунгусо-маньчжурских языках основа любого существительного материально совпадает с его формой им. падежа ед. числа, т. е. с самостоятельным, законченным словом.

Правда, можно найти ряд существительных, образованных при помощи словообразовательного суфф. *-нго / -нгу*, который ничего общего с суффиксом косвенной принадлежности не имеет и является лишь его грамматическим омонимом. К тому же, этот формант полностью омертвел и выделяется лишь путем этимологического анализа, например: нан. *димаңго* 'гость' (ср. *димаори* 'пойти в гости'); *нуктэнгу-нуктэмди* 'кочевник' (ср. *нуктэури* 'поселяться, кочевать'); *боатонго* 'охотник' (ср. *боатовори* 'идти охотиться за соболем'); *нямнянго-нямнямди*

³ См.: О. П. Суник. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1947, т. VI, вып. 5, стр. 444.

⁴ О. А. Константинова, Е. П. Лебедева. Эвенкийский язык. Л., 1953, стр. 80.

⁵ Русско-эвенкийский словарь. В. И. Цинциус и Л. Д. Рипес. М., 1952, стр. 142, 130, 591, 619.

⁶ В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. I. М. — Л., 1959, стр. 156.

‘всадник’ (ср. *нямляори* ‘ехать верхом’); *чочанго-чочакту* ‘беглец’ (ср. *чочаори* ‘убегать, спастись бегством’); *омонго* ‘стог’ (ср. *омовори* ‘собрать в кучу, сметать стог’). То, что этот формант никак не связан с суффиксом косвенной принадлежности, подтверждается и тем, что в эвенкийском языке он имеет вид *-нга* / *-нгэ* / *-нго*, например *бэйнгэ* ‘зверь’ (ср. *бэй-ми* ‘охотиться’); *дённга* ‘вспоминание, мысль’ (ср. *дён-ми* ‘вспоминать, думать’); *дёронго* ‘вор’ (ср. *дёроко-ми* ‘украсть’); *дяванга* ‘тиски’ (ср. *дява-ми* ‘схватить’), в то время как суффикс косвенной принадлежности в этом языке имеет вид *-нг(и)*.

Словообразовательные суффиксы эвенкийского (*-нга* / *-нгэ* / *-нго*) и нанайского (*-нго* / *-нгу*) языков, по-видимому, следует поставить в связь с суфф. *-нга/-нгэ* маньчжурского языка, где он оформляет «причастия, выступающие как отвлеченные предметные имена со значением ‘тот, который’ (‘те, которые’) и ‘то, что’ (‘те, что’))»⁷.

Некоторые исследователи (О. А. Константинова, Г. М. Василевич, Т. И. Петрова) рассматривают суффикс косвенной принадлежности среди притяжательных формантов, личных и возвратных, т. е. формантов релятивного формообразования, служащих для выражения зависимых грамматических значений и выражающих отношения между словами. Подобное решение вопроса также нельзя считать обоснованным, поскольку суффикс косвенной принадлежности передает независимое от других слов данного высказывания грамматическое значение, например: нан. *Эй-ми дилингои* ‘Это моя голова’ (т. е. голова, принадлежности которой мне носит условный, косвенный характер). С синтаксической точки зрения такое предложение идентично с предложением *Эй-ми дилии* ‘Это моя голова’ (часть моего тела). В обоих предложениях отношения между словами выражаются лично-притяжательным суфф. *-и*, суффикс же косвенной принадлежности передает независимое грамматическое значение — значение условной, косвенной принадлежности.

С точки зрения В. И. Цинциус, суффикс косвенной принадлежности эвенского языка должен быть отнесен к группе показателей особых логико-грамматических отношений. Автор справедливо отмечает, что эти показатели

не следует относить к числу форм словообразования, «служащих средством выражения отдельных понятий», не относятся эти показатели и к числу форм словоизменения, «служащих для выражения отношения между словами — понятиями в речи»⁸.

Однако концепция В. И. Цинциус, согласно которой «роль этих форм служит в предложении целям логических и грамматических сопоставлений одного слова с другими словами»⁹, не отражает грамматической специфики данных форм, поскольку и все прочие словоизменительные показатели служат тем же целям. Кроме того, суффикс косвенной принадлежности выражает, как уже неоднократно говорилось, независимое грамматическое значение и потому не может служить в предложении целям «грамматических сопоставлений одного слова с другими словами».

Вернее определяет сущность грамматической формы косвенной принадлежности в эвенском языке К. А. Новикова, относя данный суффикс к числу суффиксов, «которые служат для выражения грамматических значений, не связанных с синтаксической функцией слова»¹⁰. Она считает, что эти форманты занимают промежуточное место между основообразующими и словоизменяющими, не указывая, однако, к числу каких формантов; основообразующих или словоизменяющих, относится суффикс косвенной принадлежности.

Наиболее точную характеристику суффикса косвенной принадлежности, с нашей точки зрения, дает В. А. Аврорин. Он относит рассматриваемый формант к числу морфем смешанного формообразования, которые «передавая независимые грамматические значения, ... по поведению в слове и отчасти по значению обнаруживают сходство с морфемами зависимого формообразования, но сохраняют вместе с тем существенное отличие от последних. Их переходный и несколько неустойчивый характер позволяет назвать их морфемами смешанного формообразования»¹¹.

⁸ В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского языка. Л., 1947, стр. 234.

⁹ В. И. Цинциус. Указ. соч., стр. 234.

¹⁰ К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка, ч. I. М.—Л., 1960, стр. 105.

¹¹ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 76.

⁷ Б. К. Пашков. Маньчжурский язык. Изд-во восточной литературы. М., 1963, стр. 38.

Морфемы смешанного формообразования наряду с морфемами релятивного образования относятся В. А. Аврорин к числу словоизменительных морфем. Морфемы релятивного образования противопоставляются морфемам основообразующим, которые, в свою очередь, подразделяются на морфемы словообразования и морфемы деривативного формообразования. К словообразующим морфемам В. А. Аврорин относит все морфемы, служащие для выражения и изменения лексических значений. Морфемами деривативного формообразования он считает морфемы, служащие «для выражения и изменения грамматических значений, наиболее тесно смыкающихся со значениями лексическими»¹². К этого рода морфемам им относятся такие показатели имен существительных, как суффиксы уменьшительности, собирательности, сопроводительности.

Следует указать на значительную близость между морфемами деривативного и смешанного формообразования. Довольно часто между ними затруднительно провести четкое разграничение, поскольку и те и другие передают независимые грамматические значения, и те и другие следуют после словообразующих морфем, но между ними имеются и значительные различия: если первые из них способны модифицировать лексическое значение слова, придавать ему какие-то дополнительные оттенки, то последние никаких дополнительных значений оформляемому слову не сообщают, передавая лишь независимое грамматическое значение. Между прочим суффиксы деривативного и смешанного формообразования, несмотря на их значительную близость, в языках тунгусо-маньчжурской группы по своей грамматической функции не всегда совпадают. Если в языках эвенкийском, нанайском и некоторых других суффиксы уменьшительные и увеличительные относятся к числу морфем деривативного формообразования, то в эвенском языке эти форманты относятся скорее к числу показателей смешанного формообразования, о чем свидетельствует их место в составе слова: они следуют после суффикса косвенной принадлежности, относящегося к числу словоизменительных формантов смешанного формообразования.

Много общего и между морфемами релятивного и смешанного формообразования: и те и другие являются словоизменительными морфемами, и те и другие не изменяют лексического значения основ, к которым присоединяются. Но между ними также есть существенное различие: первые — выражают синтаксические связи между словами в предложении или словосочетании, вторые — выражают независимые грамматические значения.

Для тунгусо-маньчжурских языков уже не требуется доказывать, что порядок расположения морфем в составе слова определяется степенью обобщенности выражаемых ими значений. На первом месте всегда стоит корень слова, грамматическое значение которого наиболее конкретно, за ним следуют основообразующие форманты, значение которых более обобщенно, поскольку они приложимы уже к определенному кругу слов, причем среди них морфемам деривативного формообразования предшествуют морфемы словообразования, так как грамматическое значение последних менее обобщенно и употребительно с гораздо меньшим кругом слов. За основообразующими морфемами следуют словоизменительные морфемы, из которых на первом месте стоят морфемы смешанного формообразования и уже после них — морфемы релятивного формообразования. Грамматическое значение словоизменительных морфем наиболее обобщенно, ими может быть оформлено почти любое слово определенной части речи. Наличие всех перечисленных морфем в составе одного слова не является обязательным, вполне возможно употребление слова, в составе которого имеется лишь корневая морфема, которая в этом случае является и основой слова, возможно употребление слова, в состав которого входят основообразующие морфемы, причем в одном слове можно наблюдать и морфемы словообразования, и морфемы деривативного формообразования, а возможно употребление слова, в составе которого наблюдаются или морфемы деривативного формообразования, или морфемы словообразования. То же можно сказать и о словоизменительных морфемах, присоединяемых к основе слова, к которой могут быть присоединены морфемы смешанного формообразования и морфемы релятивного формообразования, причем они могут оформлять основу и вместе и порознь. Кроме того, в составе слова возможно присутствие нескольких морфем смешанного формообразования, как наряду с морфемами

¹² В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 76.

релятивного формообразования, так и без них (количество их в составе слова также не ограничивается).

Поскольку суффикс косвенной принадлежности относится к числу морфем смешанного формообразования, в составе слова он следует после основообразующих формантов: эвенк. *Этыркэн чукагингдун* (чука 'трава' — основа, -г — основообразующий суффикс собирательного значения, -и — соединительный гласный, -нг — суффикс косвенной принадлежности, -ду — суффикс дат. падежа, -н — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *авдурдугар сингэрэкэр кикэтчэрэ, дьаматчэрэ* 'На стариковском лугу (его) мыши в норах свистят, перекликаются' [49]; *Мэнирлээр аяткулвар пэтырулэнчилвар* (пэ-тыру — глагольная основа 'стрелять', -лэн — основообразующий суффикс со значением 'мастер своего дела', -н — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -вар — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч.) *бултадатын уңиңкитын* 'На пушной промысел выделяли своих лучших стрелков' [51]; *Бу сулакиксаңилбун* (сулаки 'лиса' — основа, -кса — основообразующий суффикс со значением 'шкура', -н — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -бун — лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) *со гузоил* 'Наши лисьи шкуры очень красивы' [1]; *Эргэчир гэрбирилвэ сорталва Мичурин гангкин, севердынгни виноградви аяндави* 'Вот какие были названия сортов, которые выписал Мичурин, чтобы улучшить свой северный виноград' [55]; эвен. *Намънқаңт һуну најърэн, өткән' кусидэ* 'Приморский житель (наш) вас вызывает, чтобы драться саблями; *Нақтисъңтһанпръңтһанист'энэлэноқуттһан* 'Его медвежья шкура висит на стене' [69]; эвенк. *Эрты синги улукиткәннгис!* 'Вот твой бельчонок!' [49].

Предшествуют суффиксу косвенной принадлежности и морфемы деривативного формообразования: эвенк. *Уксукин'д'аңин* (уксуки 'орел' — основа, -н'д'а — суффикс деривативного формообразования со значением увеличительности, -н — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -н — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *эмэксэкән оёдун хәрйлдан* 'Подлетев, его орлище начал парить над ним'; *Авангин'д'аңин* (авахи 'черт' — основа, -н'д'а — суффикс деривативного формообразования со значением увеличительности,

-н — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -н — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *тэпкэлчэн* 'Его чертище закричал'; *Мурын сәуинчә урәкчәнңиви* (урә 'гора' — основа, -кәчән — суффикс деривативного формообразования со значением уменьшительности, -н — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -ви — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) 'Конь пнул ногой (свою) горку' [63]; *Муду мут никичәнңилты* (ники 'утка' — основа, -чән — суффикс деривативного формообразования со значением образования названий животных, -н — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -ты — лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) *уйганчатын* 'На воде плавали (наши) дикие утки' [1].

Как уже упоминалось, к числу формантов деривативного формообразования в некоторых языках тунгусо-маньчжурской группы относится и уменьшительный суфф. -кан, который обычно предшествует суффиксу косвенной принадлежности, например: нан. *Суэ дамахиғаносу-буэ тавақангопу!* 'Ваш табачок — наш огонек!' [46]; *Наондөкан гасақангои тәнг мангади кайранкини* 'Мальчик из-за (своей) птички очень опечалился' [22]; эвенк. *Аги дяп-кадун диктәкәңитэй доран* 'На опушке леса с ягодкой села' [60]; *Эда си миннгилвэ сингэрэкәрнгивэв нунгандун анидьянни?* 'Что же ты ей моих мышей даришь?' [54].

В эвенском же языке уменьшительно-ласкательный суфф. -кан относится к числу морфем смешанного формообразования и следует после показателя косвенной принадлежности: *Мут н'бл'тәңкәнти* 'наше солнышко'; *Г'ә-ваңканти г'әванрән* 'Зоренька (наша) засветилась' [69]; *Дюганинганты манун. Монтәнсәнгкәнты мокип-тан* 'Летушко (наше) кончилось. Осенька (наша) заметна стала' [68].

Если в составе слова, наряду с суффиксом косвенной принадлежности, окажется еще один суффикс смешанного формообразования, то последний может предшествовать ему, но может следовать и после него. Конечно это не значит, что один и тот же формант может в составе слова переключиваться с места на место, обычно подобные форманты занимают в составе слова определенное место, но в различных языках тунгусо-маньчжурской группы их распределение в составе слова может не совпадать.

Так, если в составе существительного кроме суффикса косвенной принадлежности находится суффикс мн. числа, то в языках эвенском, эвенкийском, негидальском, орокском, ульчском и удгейском первый из них предшествует последнему, например: эвенк. *Омолгиңилин* (омолги 'сын' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -и — соединительный гласный, -н — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *дйолавэр эмэрэ* 'Сыновья (ее) пришли домой' [63]; *Урэткэел дяврадексал, оллонгилвар* (олло 'рыба' — основа, -нг — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -вар — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч.) *нэжудерэ* 'Таежники, приплыв в лодке, (свою) рыбу вешают сушить' [43]; *Эхэңилин* (эхэ 'медведь' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -и — соединительный гласный, -н — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *бэюңилвэн* (бэю(н) 'дикий олень' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -и — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -вэ — суффикс вин. падежа, -н — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *тэвэридувэр нуңанманда эчэл сарэ* 'Медведи (его) ловили брошенных им оленей (его) и не заметили его' [63]; эвен. *Тар'эл өрил'эр, асий'эл'т'эн* (асй 'женщина' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -э — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -т'эн — лично-притяжательный суффикс 3-го лица мн. ч.) *нбд'эл, нурк'эн'эл'т'эн* (нурк'и(н) 'парень' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -э — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -т'эн — лично-притяжательный суффикс 3-го лица мн. ч.) *ча'к'тил, орт'эн бэрг'эл'* 'Женщины у тех кочевников красивые, парни (их) — смелые, олени — жирные'; *каб'эв'иң'элби* (каб'эв 'куропатка' — основа, -э — соединительный гласный, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -э — соединительный гласный, -л — показатель мн. ч., -би — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *һүт'кандүк нуриэ* 'Я вынул куропаток (своих) из мешка (своего)' [69]; *Нонган аил дуктангални* (дукта 'произведение' — основа, -нг — суффикс косвенной принадлежности, -а — соединительный гласный, -л — суффикс мн. ч., -ни — лично-притяжательный суффикс 3-го

лица ед. ч.) *хо хоя* 'у него много хороших произведений' [67]; орок. *Ча сироңулбари* (сиро 'дикий олень' — основа, -ңу — суффикс косвенной принадлежности, -бари — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч.) *лэкэди галпанатчичи* 'Тех диких оленей (своих) стрелами постреляли'; *Эдэ салдаңуллн* (салда 'воин' — основа, -ңу — суффикс косвенной принадлежности, -л — суффикс мн. ч., -ни — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *дуку-дуку тавумбани гэллйчи* 'Воины вождя обыскивали каждый дом'; *Би сундаталба нэттэлбэ су униңултаису* (уни 'река' — основа, -ңу — суффикс косвенной принадлежности, -л — суффикс мн. ч., -таи — суффикс направит. дат. падежа, -су — лично-притяжательный суффикс 2-го лица мн. ч.) *хэвэрэңултэису* (хэвэрэ 'озеро' — основа, -ңу — суффикс косвенной принадлежности, -л — суффикс мн. ч., -таи — суффикс направит. дат. падежа, -су — лично-притяжательный суффикс 2-го лица мн. ч.) 'Я рыбу, нерпу не посылаю в ваши реки, в ваши озера' [71]; ульч. *Титами жу эээн мапача кэкэңгусэлтии* (кэкэ 'служанка' — основа, -ңгу — суффикс косвенной принадлежности, -сэл — суффикс мн. ч., -ти — суффикс направит. падежа, -и — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *иэндини* 'Потом старик, хозяин дома, говорит (своим) служанкам' [2]; удэг. *Ули ки'алани явадала хэутэси'эты си ба'атаңинаи* (ба'ата 'сын' — основа, -ңи — суффикс косвенной принадлежности, -на — суффикс мн. ч., -и — лично-притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч.) 'У реки что-то кричали (твой) сыновья' [1].

Подобное же оформление принимают окказионально-субстантивированные прилагательные, местоимения, причастия и междометия: эвенк. *Мэннигилви-дэ эрунгилви этэнни ачиннгира* 'И плохое (свое) не исправили' [54]; эвен. *Этуриң'эл'тын, бэјиң'эл'тын й'эл'н бисит'эн* 'Охраняющих (их) людей (их) было трое' [69]; орок. *Гэ, тариңуллн нбмбони гадумари нэнухэчи-тэни* 'Ну, те (его) привели его к дому вождя' [71].

В ороческом же языке суффикс косвенной принадлежности следует после показателя мн. числа: *Бу мамача-саңидуму жа туңа мапа насани бичини* 'У наших старух было 15 шкур медведей' *Бу мапачасаңиму, асантасаңиму аямичала* 'Наши старики и женщины хорошие стрелки' [1].

Что касается нанайского языка, то, если в слове, наряду с суффиксом косвенной принадлежности, окажется

еще один суффикс смешанного формообразования — суффикс мн. числа, то, как отмечает В. А. Аврорин, «тут уже нет установившегося порядка их расположения по отношению друг к другу. Вполне допустимы оба возможных случая: сначала суффикс косвенной принадлежности, затем суффикс множественного числа и наоборот»¹³: *Ми школьниксалнгои* (школьник 'школьник' — основа, -сал — суффикс мн. ч., -нго — суффикс косвенной принадлежности, -и — лично-притяжательный суффикс 1-го лица ед. ч.) *нѣанчиани молокова, эпэмбэ, сугарьсалба ирахачи* 'Мои школьники наташили ему молока, хлеба, сухарей' [21]; *Тэй коверсалба Туркмения паксисалнгои* (пакси 'мастер' — основа, -сал — суффикс мн. ч., -нго — суффикс косвенной принадлежности, -ни — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *ангохачи* 'Эти ковры мастера Туркмении делали' [32]; *Нгонимиди Опороку Гармакта мэнэ гармактасалнгоичи* (гармакта 'комар' — основа, -сал — суффикс мн. ч., -нго — суффикс косвенной принадлежности, -чи — суффикс направит. падежа, -и — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *дэгдэгухэни* 'Полетел комар с длинным носом к своим комарам' [27]; Но вместе с тем *Боатонго гасангосалку* (гаса 'утка' — основа, -нго — суффикс косвенной принадлежности, -сал — суффикс мн. ч., -ку — суффикс формы обладания) *поктола дуэрэхэни* 'Охотник с утками шел по дороге' [3]; *Тотанари гасасал Дэуруэнгусэлдиэри* (дэуруэ 'выводок' — основа, -нгу — суффикс косвенной принадлежности, -сал — суффикс мн. ч., -ди — суффикс твор. падежа, -эри — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч.) *Студенаячи онѣандамари энэйчи* 'А потом утки с детенышами (своими) на Студеную отправляются плавать' [21]; *Наондѣкан хабдатангосалку* (хабдата 'лист' — основа, -нго — суффикс косвенной принадлежности, -сал — суффикс мн. ч., -ку — суффикс формы обладания) *дуэнтэдиэди агбинкини* 'Мальчик с листьями вышел из лесу' [5].

В нанайском же языке отмечен случай, когда суффикс косвенной принадлежности находится в составе слова между двумя формальными показателями мн. числа, что, по всей вероятности, объясняется утратой одним из суффиксов мн. числа своей грамматической функции, напри-

мер: *Буэ полярный баторсалнгосалпу хэми тункуй дюкэду кадаракולי бичи* 'Наши полярные богатыри смело дрейфуют'; *Буэ баторсалнгосалпу — Севернэй полюсаду* 'Наши богатыри — На Северном полюсе' [15].

Необходимо сказать, что материалы по нанайскому языку, которыми мы располагали, обнаруживают, что чаще суффикс косвенной принадлежности в составе слова следует после показателя мн. числа, случаи же обратного их расположения исчерпываются указанными примерами.

Наличие в составе одного слова двух формальных показателей мн. числа, между которыми находится суффикс косвенной принадлежности, удалось обнаружить и в материалах по эвенкийскому языку. Обычно это бывает в тех случаях, когда суффиксу косвенной принадлежности предшествует формант деривативного формообразования -кан / -кэн / -кон или когда основа существительного оканчивается на согласный -н-. Как известно, формы мн. числа от подобных основ в эвенкийском языке образуются путем замещения согласного -н- суффиксом мн. числа -р-. При присоединении к основам этих существительных показателя косвенной принадлежности, наряду с суффиксом мн. числа, следующего после него, сохраняется и показатель мн. числа, предшествующий суффиксу косвенной принадлежности, например: *Заозеркин хелакиткарнгилин хулукуэр, Подковкинъянгилдук, Бровкинъянгилдук хулутмэрил бичэтын* 'Заозеркинские куропатки очень мелкие, а из Подковкино и из Бровкино еще мельче' [49]; *Нэкунниви Олянгива мудана ачирнгилван мангичана рояльду эвирвэн долчудякса, умнэ минтыки гунчэн* 'Прислушиваясь раз к бесконечным (букв. конца отсутствие (его), чрезвычайно нетерпеливым упражнениям на рояле младшей сестры Оли, он сказал мне' [52].

Наконец, в эвенкийском языке отмечен случай, где единственным показателем мн. числа является формант, предшествующий показателю косвенной принадлежности: эвенк. *Эда си миннгилви сингэрэкэрнгивэв нунгандун аниданны?* 'Что же ты ей моих мышей даришь?' [54].

Приведенные примеры с двумя показателями мн. числа не являются общераспространенными, чаще подобные существительные оформляются одним показателем мн. числа, следующим после суффикса косвенной принадлежности. Примеры же с двумя формальными показателями мн. числа, с нашей точки зрения, следует рассматривать как

¹³ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 161.

исключения, в которых показатель мн. числа, предшествующий суффиксу косвенной принадлежности, является реликтовой формой, утратившей в современном эвенкийском языке свои грамматические функции.

Несколько отвлекаясь от темы, можно указать, что во всех рассматриваемых языках мн. число имен существительных может не получать формального выражения. А в языках удэгейском и ороцком оформление суффиксом мн. числа получают, как правило, только существительные, обозначающие предметы, относящиеся к категории лица; остальные же существительные оформления им не получают. Если существительное обозначает множество предметов, но не имеет формального показателя мн. числа, то в этом случае отсутствие суффикса числа компенсируется другими средствами: контекстом, количественными числительными или другими словами с количественным значением.

Но следует помнить и то, что в ряде случаев значение множественности не передается ни формальными показателями мн. числа, ни другими грамматическими и неграмматическими средствами. Подобное явление наблюдается в случаях, когда информация о числе предмета является несущественной для данного высказывания. Особенно характерны подобные явления для удэгейского и ороцкого языков, где, как говорилось, формальные показатели числа оформляют лишь один класс существительных, т. е. для тех языков, где категория числа не получила достаточного развития. Но и в языках тунгусо-маньчжурской группы, где суффикс мн. числа может быть присоединен к любому существительному (естественно, что это не относится к существительным, не образующим форм мн. ч. по своим семантическим или морфологическим особенностям), специалисты указывают на факультативность его употребления. Так, Т. И. Петрова сообщает, что «ульчи, как и нанай, в тех случаях, когда ясно, о каком количестве идет речь, опускают суффикс мн. числа»¹⁴. Даже в языках ороцком и удэгейском, где сфера употребления формальных показателей мн. числа и без того охватывает незначительный круг существительных, специалисты обращают внимание на то, что «формы множественного

числа употребляются крайне редко, лишь при необходимости подчеркнуть множественность и отсутствие других указаний на нее»¹⁵.

Подобные наблюдения высказывает и исследователь удэгейского языка Е. Р. Шнейдер. Он пишет, что «употребление форм мн. числа существительных в удэгейском языке не является строго обязательным»¹⁶. Суффиксом мн. числа ороки пользуются для имен существительных редко. Не составляет исключения в этом отношении и нанайский язык, в котором, как сообщает В. А. Аврорин, «употребление мн. числа является в одних случаях обязательным, а в других — лишь факультативным, при большей или меньшей предпочтительности употребления форм ед. числа»¹⁷. Подобное же положение наблюдается в негидальском языке, где слово в форме ед. числа может обозначать множество одноименных предметов. Наконец, даже в языках эвенкийском и эвенском, где категория числа является универсальной и наиболее развитой из всех тунгусо-маньчжурских языков, исследователи отмечают случаи употребления формы ед. числа для обозначения множества»¹⁸.

Все эти факты свидетельствуют о сравнительной «молодости» в тунгусо-маньчжурских языках категории мн. числа, выражаемой суффиксальными показателями, что дало основание В. А. Аврорину высказать предположение о том, что «современные случаи факультативного употребления форм мн. числа относились в прошлом к случаям регулярного выражения множественности формами ед. числа»¹⁹.

Само собой разумеется, что при необходимости подчеркнуть идею множественности существительные получают оформление формантами мн. числа или эта идея выражается какими-либо другими способами.

¹⁵ В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Ороцкий язык. «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., «Наука», 1968, стр. 195.

¹⁶ Е. Р. Шнейдер. Краткий удэгейско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.—Л., 1936.

¹⁷ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 140.

¹⁸ О. А. Константинова. Эвенкийский язык. стр. 44; К. А. Новикова. Эвенский язык. «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., «Наука», 1968, стр. 126.

¹⁹ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 140.

¹⁴ Т. И. Петрова. Ульчский диалект нанайского языка. Л., 1936, стр. 29.

Но возвратимся к рассмотрению места суффикса косвенной принадлежности в составе слова среди других формальных показателей. Как выяснилось, в тунгусо-маньчжурских языках суффиксу косвенной принадлежности предшествуют все основообразующие суффиксы, а в некоторых случаях и форманты смешанного формообразования.

В эвенкийском стихосложении используются фонетические элементы *-ja -jə -jo*, организующие ритмический рисунок строки, но не сообщающие оформляемому слову никакого дополнительного значения. Эти, по выражению Г. М. Василевич, «суффиксы ритма» обычно предшествуют в составе слова всем словоизменительным формантам, в том числе и суффиксу косвенной принадлежности, например: *Болони дагамаракин, дуннэңит донотодёрон* 'Осень когда подходит, земля (наша) замерзает'; *Тамнаксял доядутын, дэҕиэгдэл тэпкэденэл, амутэңит оёелин сэсирдивар илтэндэрэ* 'В тумане птицы только крича над (нашим) озером стаями прилетают' [60].

Нужно сказать, что место рассматриваемого форманта в составе слова отнюдь не случайно: «суффиксы ритма» обычно следуют после основообразующих морфем. Подобное расположение суффиксов ритма не затрудняет понимания основы слова и не вызывает затруднений при анализе морфем словоизменения.

Не строго обусловлен порядок чередования в составе слова и другой пары морфем смешанного формообразования — суффикса выделительной формы и суффикса косвенной принадлежности.

Выделительная форма «служит для выделения одного предмета из пары (редко из большого числа) разноименных, но тем или иным образом связанных между собой предметов. Такое выделение имеет целью подчеркнуть, что речь в данном случае идет именно о предмете, носящем данное наименование, но при этом имеется в виду его связь по противоположению с другим предметом (или с другими предметами)»²⁰.

В рассматриваемых языках тунгусо-маньчжурской группы этот показатель имеет форму: нан. *-дима / -димэ*, ульч. *-дўма / -думэ*, ороч. *-дўма / -думэ*, удэг. *-дима / -димэ*, эвен. *-дмър / -дмър*, нег. *-нма / -нмэ*, орок. *-дўма / -думэ*.

²⁰ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 196.

Следует отметить, что не все исследователи рассматривают суффикс выделительной формы среди формантов смешанного формообразования. Так, Т. И. Петрова относит этот суффикс к числу словообразовательных, она пишет: «Внутри категории прилагательных имеются словообразовательные суффиксы, несколько изменяющие значение слова. Это суфф. *-ка* и суфф. *-дўма / -думэ*»²¹. Последний сообщает оформляемому слову дополнительное значение выборочности. Т. И. Петрова называет слова, оформленные суффиксом выделительной формы, «самостоятельными именами прилагательными»²².

Та же мысль вытекает и из утверждения О. П. Суника о том, что в кур-урмийском диалекте нанайского языка при помощи этого форманта образуется «особый вид имен прилагательных» от «основ ед. числа существительных, указательных и вопросительных местоимений, числительных»²³.

Положение о том, что суффикс выделительной формы является словообразовательным, с нашей точки зрения, ошибочно, поскольку, как справедливо отмечает В. А. Аврорин, выделительная форма придает оформляемому слову «оттенок значения, выходящий за пределы семантики отдельного слова (*бочан* 'изюбрь', *бочандима* — тоже 'изюбрь', но с подчеркнутой его противоположностью чему-то другому, зависящей от условий контекста) и устанавливающий определенную связанность (но не грамматическую зависимость) этого слова с другим словом или другими словами. Поэтому выделительная форма относится к смешанному формообразованию и действует в области словоизменения»²⁴.

А. Т. Путинцева рассматривает данный формант как суффикс, образующий сравнительную степень имен прилагательных²⁵, что не соответствует действительности, поскольку суффикс выделительной формы оформляет не только имена прилагательные, но и существительные, а также

²¹ Т. И. Петрова. Язык ороков, стр. 61.

²² О. П. Суник. Указ. соч., стр. 70.

²³ Т. И. Петрова. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1960, стр. 43.

²⁴ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 198.

²⁵ А. Т. Путинцева. К изучению имени прилагательного в нанайской школе. «В помощь учителю школ Крайнего Севера», вып. 6. Л., 1966, стр. 131.

некоторые разряды местоимений и числительных, к которым категория степени сравнения абсолютно неприменима.

Как уже говорилось, суффикс выделительной формы может присоединяться к именам существительным, но возможно его употребление и с именами прилагательными, а также с некоторыми разрядами местоимений и числительных. Последние при присоединении суффикса выделительной формы в сочетании с суффиксом косвенной принадлежности и соответствующими притяжательными формантами обычно подвергаются окказиональной субстантивации.

Во всех рассматриваемых языках суффикс выделительной формы, как правило, предшествует суффиксу косвенной принадлежности, например: удэг. *Буја минду улиг-дыдимахи* 'Дай мне то, что покрасивее' [1]; орок. *Мапа димба бо омбо вазани: дайдумаңоби нбни хагду дбдуни вазани* 'Старик убил четырех медведей, того (своего), который большой, он убил в берлоге' [1].

В нанайском же языке этот суффикс может следовать после суффикса косвенной принадлежности: *Буйгунгудимэи минду буру* 'Дай мне того, который пожирнее'; *Буйгунгудимэси хавой?* 'Который из твоих пожирнее?' [3], но может и предшествовать ему: *Эмдимэнгуи Лилитачи нангалахани* 'Одну из них (свою) бросил Лилиту' [26]; *Парпидимангои буру!* 'Дай то, что посвежее!'; *Улэнди-мэнгуи буру!* 'Дай то, что у тебя красивее' [3]. Подобное явление можно объяснить лишь тем, что обе морфемы — и суффикс выделительной формы, и суффикс косвенной принадлежности — относятся к числу морфем смешанного формообразования, порядок чередования которых в составе слова, как уже упоминалось, не является строго обязательным.

В эвенкийском языке рассматриваемому суффиксу выделительной формы соответствует суффикс сравнительной степени качественных имен прилагательных *-тмар/-тмэр* и его фонетические варианты *-дмар/-дмэр/-дмор* и *-мар/-мэр/-мор*, который, в отличие от суффикса выделительной формы, может присоединяться лишь к основам имен прилагательных, сообщая при этом им не выделительное значение, а степень качественного признака предмета. Правда, отмечены случаи оформления данным суффиксом и основ имен существительных, что обусловило вывод Г. М. Василевич о том, что «сравнительная степень в эвенкийском языке не является только категорией прила-

гательных» и что «в этой степени... могут быть имена существительные и наречия»²⁶, но относить данные слова к числу имен существительных не приходится, так как в подобном оформлении они теряют присущее им предметное значение и приобретают значение адъективное, иначе говоря, в этом случае рассматриваемый суффикс образует от основ некоторых имен существительных прилагательные. К числу таких существительных относятся слова: *акин* 'старший брат', *экин* 'старшая сестра', *нэжун* 'младший брат', 'младшая сестра'. Как справедливо отмечает О. А. Константинова, эти существительные с интересующим нас формантом не выражают значения сравнительной степени, они соотносятся с прилагательными 'старый' и 'молодой'²⁷. Таким образом, считать данный суффикс формантом, образующим сравнительную степень от основ имен существительных, не приходится.

Казалось бы, что форму типа *акйндымар*, *экйндэмэр*, *нэжундымэр* можно рассматривать как выделительную форму имен существительных, однако значение, которое сообщает перечисленным словам суфф. *-дымар* / *-дымэр*, не дает тому оснований. Действительно, буквальный перевод названных форм будет следующий: *акйндымар* 'тот, который старший', причем совсем не обязательно, чтобы этим старшим был брат, им может быть любой человек мужского пола; иначе говоря, слово *акйндымар* означает 'тот, который старший из какой-то группы людей', слово *экйндэмэр* '(та, которая) старшая из какой-то группы людей', слово *нэжундымэр* '(тот, который младший) или '(та, которая) младшая (из какой-то группы людей)'. Эти слова можно было бы считать выделительной формой имен существительных только в том случае, если бы они означали соответственно: 'тот, кто старший брат'; 'та, которая старшая сестра'; 'тот, который младший брат' или 'та, которая младшая сестра'. Но такого значения эти слова, как мы видим, не имеют.

Рассматриваемые прилагательные могут подвергаться окказиональной субстантивации, но в этом случае их значение не идентично значению существительного, от которого они образовались, например: *Миндук акйндымарду*

²⁶ Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского языка. М.—Л., 1940, стр. 29.

²⁷ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 107.

бум 'Я дал тому, который постарше меня' [63]; но *Акин дуви бум* 'Я дал своему старшему брату'.

Можно присоединиться к мнению О. А. Константиновой, согласно которому выделительное значение было свойственно и эвенкийской форме с рассматриваемым суфф. *-тмар*, *-дымар*, лишь по отношению к некоторым говорам, в которых такое значение наблюдается до сих пор, об этом же свидетельствуют и названные выделительные формы имен прилагательных.

Если в слове, наряду с суфф. *-тмар*, *-дымар* (независимо от его значения), присутствует суффикс косвенной принадлежности, то последний всегда находится в постпозиции по отношению к первому, например: *Urkattuk hagdamarigitiin akintin gasā pēktirēwīnmi* 'Самый старший брат взял ружье' [39].

Предшествует в составе слова суффиксу косвенной принадлежности и формант *-ргу*, обозначающий усиление признака; *Букэл минду гузоиргуңи* 'Дай мне то, что у тебя есть покрасивее' [1].

Если в составе слова, наряду с суффиксом косвенной принадлежности, имеются какие-либо словоизменительные суффиксы релятивного формообразования, то последние во всех тунгусо-маньчжурских языках, кроме маньчжурского, всегда следуют после суффикса косвенной принадлежности. В маньчжурском языке формы косвенной принадлежности нет, поэтому он в настоящей работе не рассматривается. К релятивным суффиксам относятся прежде всего форманты косвенных падежей, которые могут быть представлены в следующем виде: (см. табл. 5). Основные особенности их образования сводятся к следующему: 1) как видим из таблицы, им. падеж во всех рассматриваемых языках выражается отсутствием формального показателя (нулевая форма), что позволяет противопоставлять существительное в им. падеже всем остальным косвенным падежам, каждый из которых имеет свой, только ему присущий, формальный показатель; 2) во всех рассматриваемых языках имеется суффикс виш. падежа, который, однако, употребляется лишь со словами в простой (непритяжательной) форме и при лично-притяжательном склонении, например: эвенк. *Оликакур эвктчэрэ* — *бакакатчул мотынгматын* 'Каркают вороны — нашли они их лосей' [42]; *Дуннэңлээтын шйрэн* 'Он знал их места' [39]; нан. *Понгсана моримбари паяктанговани посиндахаги*

Таблица 5*

Язык Падеж	Эвенкийский	*Эвенский	Ногиндальский	Нанайский	Ульчский	Орокский	Орокский	Ульчский	Орокский	Ульчский
Именительный	-0	-0	-0	-0	-0	-0	-0	-0	-0	-0
Винительный	-ва, -ма, -на, -ка	-ва, -у, -м, -бу	-ва, -ма, -ба	-ва, -ба	-ва, -ба	-ва, -бу	-ва, -ба	-ва, -ба	-ва, -ба	-ва, -ба
Винительный-неопределенный	-а	-а	-а	-а	-а	-а	-а	-а	-а	-а
Дательный	-тж, -тжи	-тж, -тж	-тж, -тж	-тж, -тж	-тж, -тж	-тж, -тж	-тж, -тж	-тж, -тж	-тж, -тж	-тж, -тж
Направительный	-ла, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула
Местный	-ай, -дуай, -туай	-ай, -на, -дуай, -туай	-ай, -на, -дуай, -туай	-ай, -на, -дуай, -туай	-ай, -на, -дуай, -туай	-ай, -на, -дуай, -туай	-ай, -на, -дуай, -туай	-ай, -на, -дуай, -туай	-ай, -на, -дуай, -туай	-ай, -на, -дуай, -туай
Продольный	-ла, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула
Направительный-местный	-ла, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула
Направительный-продольный	-ла, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула
Отложительный	-ла, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула
Исходный	-ла, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула
Творительный	-ла, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула
Назначительный	-ла, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула	-ла, -на, -дула, -тула

* В целях упрощения из фонетических вариантов надежных суффиксов, зависящих от гармонии гласных, здесь приводятся лишь те, которые связаны с первой серией гласных.

‘Понгса и его семья поехали косить сено (для) своего коня’ [4]; *Тэй най албан дуэнтэнгуэни этухэни* ‘Этот человек лес государства охранял’ [36].

При возвратно-притяжательном склонении форма вин. падежа является нулевой, что оказывается возможным потому, что возвратно-притяжательная форма не имеет в системе своего склонения им. падежа, например: эвенк. *Этыркэңни їдяван їдымї элэ эмэм!* ‘По следам мужа (своего) сюда прилетела!’ [63]; *Арқиңмї умївна-умївна, н’эжэңмэн гэлэлчэ* ‘И, спавая его спиртом (своим), стал просить соболя (его)’, [61]; *Илэл героингмар аявукил* ‘Народ любит своих героев’ [47]; нан. *Тотам-да эм на-ондэкан нэамбани хангпанда, мэнэ монгои алохани* ‘По один мальчик догнал ее и протянул свой шест’ [36]; *Эси нэанчи странаду хайва-да хэм калагилайчи-гоани, странаду мэнэ социалистической порядокнгоари оповонгилайчи-гоани* ‘И теперь им нужно переделать все в стране, навести в ней свой, социалистический порядок’ [23]; *Гэрэн гурун мэнэ гуангоари мэнэ ангойчи* ‘Народ свои законы сам делает’ [36].

Форму винительного неопределенного падежа находим в эвенкийском и негидальском языках, в остальных рассматриваемых языках этот падеж отсутствует. Как отмечает О. А. Константинова, одной из функций винительного неопределенного падежа в сочетании с притяжательными формантами является обозначение предмета, который предназначается определенному лицу»²⁸. Таким образом, выясняется, что винительный неопределенный падеж эвенкийского языка выполняет в частности те функции, которые в других языках выполняет назначительный падеж, в свою очередь отсутствующий в языках эвенкийском и негидальском. При этом необходимо сказать, что назначительный падеж, так же, как и винительный неопределенный (если он употребляется в предназначенительной функции), употребляется лишь в сочетании с притяжательными формантами.

Как отмечает В. А. Аврорин, суффикс назначительного падежа «представляет собой по сути дела особый вариант винительного падежа. В отличие от последнего он не только выражает прямой объект, но и указывает комбинацией своего суффикса с суффиксами притяже-

ния на предназначенность этого прямого объекта»²⁹. Можно предположить, что суффикс винительного неопределенного падежа эвенкийского и негидальского языков некогда выполнял в предложении те же функции, что и назначительный падеж в других рассматриваемых языках, позднее же он стал употребляться в этих языках для выполнения и других функций: выражения прямого объекта, выражения значения части целого. Свидетельством тому служит и общность формы винительного неопределенного падежа с формой назначительного падежа в ороцком языке, а последнюю, в свою очередь, можно поставить в связь с аналогичными формами нанайского и эвенского языков.

Дательный, направительный и местный падежи в интересующих нас языках более или менее идентичны. То же можно сказать и о продольном падеже, который отсутствует лишь в нанайском языке, где его функции выполняются местным падежом.³⁰

Направительно-местный падеж отмечается исследователями в эвенкийском и эвенском языках, в остальных языках его функции выполняет частично назначительный, частично местный падеж.

Только в эвенском и в некоторых говорах эвенкийского языка имеется направительно-продольный падеж, функции которого в остальных языках возложены на направительный падеж.

Отложительный падеж находим во всех рассматриваемых языках, кроме нанайского и ульчского, здесь он, по предположению В. А. Аврорина, выпал из падежной системы, «поскольку у него не оказалось таких функций, которые не могли бы выполнять другие падежи (в нанайском языке его падежные функции распределились между местным и исходным падежами). Но в одной функции, в функции второго члена сравнительного оборота,... форма отложительного падежа сохранилась, но приобрела новое, узко специализированное назначение. Она стала восприниматься как сравнительная форма, находящаяся за пределами падежной системы, но вплотную к ней примыкающая»³¹.

²⁹ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 165.

³⁰ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 182.

³¹ Там же, стр. 185—186.

²⁸ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 49.

Как уже упоминалось, падежные показатели всегда следуют в составе слова после суффикса косвенной принадлежности: эвенк. *Эрдэт диласаггас* (*dilasa* 'солнце' — основа, -г — суффикс косвенной принадлежности, -га — ассимилированный вариант суффикса вин. падежа (-ва), -s — лично-притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч.) *кайзэлм!* 'Сейчас солнце (твое) загорит!' [39]; *Эдэл вара бэеүмэт* (*бэе* 'человек' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -мэ — ассимилированный вариант суффикса вин. падежа, -т — лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) 'Не убили нашего мужика' [63]; *Би-да гараңжави* (*гара* 'сук' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -ја — суффикс вин. (неопределенного) падежа, -ви — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *гакта!* 'Возьму-ка и я (свой) сук!' [63]; орок. *Би мэнэ асанзии нуңани мапасаңидуни* (*мапа* 'старик' — основа, -са — суффикс мн. ч., -ңи — суффикс косвенной принадлежности, -ду — суффикс дат. падежа, -ни — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *биви* 'Я со своей женой живу у ее стариков' [41]; *Си амбаңиваси* (*амба* 'черт' — основа, -ңи — суффикс косвенной принадлежности, -ва — суффикс вин. падежа, -си — лично-притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч.) *вахами* 'Я убил твоего черта' [70]; *Мэггэгдэ, ту мапача одуками, зоолоңилати* (*золо* 'камень' — основа, -ңи — суффикс косвенной принадлежности, -ти — лично-притяжательный суффикс 3-го лица мн. ч.) *цэнэхэни* 'Герой пошел к (их) камню, не обращая внимания на старика' [70]; орок. *Эси би ситтэи боюңуласи* (*бою* 'медведь' — основа, -ңу — суффикс косвенной принадлежности, -ла — суффикс местн. падежа, -си — лично-притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч.) *таммэви* 'Теперь я тебе за твоего медведя плачу'; *Би сундатталба, пэттэлбэ эсу цэнэүндэ су униңултасу* (*уни* 'река' — основа, -ңу — суффикс косвенной принадлежности, -л — суффикс мн. ч., -таи — суффикс направит. падежа, -су — лично-притяжательный суффикс 2-го лица мн. ч.), *хэвэрэңултэсису* (*хэвэрэ* 'озеро' — основа, -ңу — суффикс косвенной принадлежности, -л — суффикс мн. числа, -тэи — суффикс направит. падежа, -су — лично-притяжательный суффикс 2-го лица мн. ч.) 'Я рыбу, нерпу не посылаю в ваши реки, в ваши озера' [71]; *Би мапаңудуви* (*мапа* 'старик' — основа, -ңу — суффикс косвенной принадлежности, -ви — лично-

притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч.) *бара сули наттани* 'у моего старика много шкур лисиц' [41]; нан. *Мапачангочии* (*мапача* 'старик' — основа, -нго — суффикс косвенной принадлежности, -чи — суффикс направит. падежа, -и — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *энуру* 'Поезжай к своему старику' [22]; *Маңгаңгочани* (*маңга* 'сила' — основа, -ңго — суффикс косвенной принадлежности, -ва — суффикс вин. падежа, -ни — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *хэм байгоани* *жапах* 'Всю силу (ее) враг взял' [2]; *Нёани нечэн омонгодоани* (*омо* 'клетка' — основа, -нго — суффикс косвенной принадлежности, -до — суффикс дат. падежа, -а — суффикс косвенных падежей, -ни — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *реполов бичин* 'В клетке (его) у него был реполов' [30]; *Уседом тэтанна мэндугой нямняори морингогой* (*мори*(н) 'конь' — основа, -нго — суффикс косвенной принадлежности, -го — суффикс назначит. падежа, -и — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *гачини* 'Уседом потом купил себе другую верховую лошадь' [25]; удэг. *Городала бу мэнэ детской сададу* *улэһэңинэни* (*улэһэ* 'мясо' — основа, -ңи — суффикс косвенной принадлежности, -нэ — суффикс назначит. падежа, -ни — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *ила тангу килэвэ гадаһаму* 'В городе мы купили для своего детского сада 300 килограммов мяса'; *Ни сугзаһаңивани* (*сугзаһ* 'рыба' — основа, -ңи — суффикс косвенной принадлежности, -ва — суффикс вин. падежа, -ни — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *си жаваһиһаи?* 'Чью рыбу ты забрал?' *Анта би нинтаңиңии* (*нинта* 'мужчина' — основа, -ңи — суффикс косвенной принадлежности, -ңи — суффикс твор. падежа, -и — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *эсини эмэүи* 'Женщина с моим мужчиной не приехала' [41]; эвен. *Авүсү антириңгэј* (*антири* 'глухарь' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -гэ — суффикс назначит. падежа, -ј — возвратно-притяжательный суффикс ед. числа) *мәҗина остҕаһай бэргүчэн'е* 'Мой зять глухаря (себе) заживевшего до костей убьет'; *Нөсэүчэрэптук'и аңңыңыңдүк'и* (*аңңың* 'год' — основа, -ң — суффикс косвенной принадлежности, -дүк — суффикс отложит. падежа, -и — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч.) *би энэјэл'дүл'э гургэвчизэтитив* 'С юных лет (своих) я работал у богатых' [69]; *Дэҕикэр кемадилра*

нэгэннингтакивур (*нэгэни* 'весна' — основа, *-нг* — суффикс косвенной принадлежности, *-таки* — суффикс правит. падежа, *-вур* — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч.) 'Птички начали готовиться к весне (своей)' [68].

Предшествует суффикс косвенной принадлежности и такой морфеме релятивного формообразования, как суффикс формы совместности: эвенк. *-нун*, эвен. *-н'ун / -н'ун*, орок. *-ндо / -нду*. Рассматриваемый формант некоторые специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам (Г. М. Василевич, В. И. Цинциус, Т. И. Петрова) относят к числу падежных показателей. Но, как справедливо отмечает исследователь эвенкийского языка О. А. Константинова, форма совместности «имеет существенные отличия от падежных форм. Прежде всего, она не выражает отношений, определяющих категорию падежа в эвенкийском языке: имя с суфф. *-нун* выражает отношения между предметами, тогда как падежной форме имени свойственно выражение отношений между предметом и действием в широком смысле слова»³². Не менее убедительным свидетельством того, что суффикс формы совместности не является падежным формантом, служит и замечание О. А. Константиновой о том, что «имена с суфф. *-нун* могут присоединять к себе падежные суффиксы в том случае, если помимо отношения между предметами должны быть выражены и падежные отношения»³³.

К числу формантов релятивного формообразования, как нам кажется, следует отнести и форму совместности нанайского (*-молиа / -мулиэ*), орокского (*-мйна / -мунэ*), ороцкого (*-мйна / -мунэ*) и удэгейского (*-мйла / -мулэ*) языков, которую одни исследователи относят к числу основообразующих формантов³⁴, другие — к числу частиц³⁵.

Суффикс формы совместности нельзя считать основообразующим уже по одному тому, что в составе слова он следует после суффикса косвенной принадлежности, а последний в состав основы слова уже не входит. Не может

быть отнесен этот суффикс и к числу частиц, которые, как известно, сообщают оформляемому слову какие-то дополнительные оттенки значений, но никогда не выражают отношений между словами, в то время как суффикс формы совместности служит как раз для выражения подобных отношений.

Приводим примеры на употребление описанных суффиксов: эвенк. *Гауицилин дбра и нуан гауицилнунми прэн гулэлэ* 'Лебеди сели, и он вместе с (своими) лебедями вошел в свой дом' [58]; *Этыркэн атыркэннунми нимэвурэн* 'Старик с женой пошел в гости' [1]; нан. *Наодёкан паталангомолла гириала пулсикэчи* 'Парень с девушкой гулял в лесу'; *Ботамди этэнгумулиэ онила энэхочи* 'Рыбак с женщиной плыли по реке' [2]; орок. *Гэ, тари нари апкатчичи ча боюмйна* 'Ну, тот человек с тем медведем и залегли спать' [71]; удэг. *Ма^ни ни мафаңимула ва^нани ма^ни нивэ кутэңимулэ гедэ* 'Богатырь с медведем убил богатыря с тигром'; *Анта ба^натаңимула эсини мутэ^нэ цэнэкэми* 'Женщина с сыном не могла больше идти' [1].

В некоторых говорах эвенкийского языка, наряду с общераспространенной формой совместности (*-нун*), употребляется аналогичная по значению форма с суфф. *-гали / -гэли / -голи*, которую, по всей вероятности, можно поставить в связь с формой совместности нанайского, орокского и удэгейского языков: эвенк. *Нуан мэн ауиңаливи колхозла цэнэнтын* 'Он со своей женщиной поедет в колхоз'; *Ауи би бэјэңэлиэ эчин эмэрэ* 'Женщина с моим мужчиной не приехала' [4].

Суффикс косвенной принадлежности предшествует и ряду других морфем релятивного формообразования, к числу которых относится суффикс предикативно-притяжательной формы *-нги*, в эвенкийском языке — суффиксу сравнительной формы *-дын*, а также суффиксу формы подобия *-гачин / -гэчин / -гочин*, которому в эвенском языке соответствует *-гачин / -гэчин*, *-качин / -кэчин*, *-нгачин / -нгэчин*. В составе слова рассматриваемые суффиксы следуют после суффикса косвенной принадлежности, но предшествуют другим словоизменительным морфемам, например: эвенк. *Ни оллоңин?* *Ауаңилңивун* (*ауа* 'женщина' — основа, *-ң* — суффикс косвенной принадлежности, *-и* — соединительный гласный, *-л* — суффикс мн. ч., *-ңи* — суффикс предикативно-притяжательной формы, *-вун* —

³² О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 70.

³³ Там же.

³⁴ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 113; Он же. Орокский язык, стр. 198; О. И. Суник. Кур-урмийский диалект, стр. 162.

³⁵ Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта), стр. 51, 87; Она же. Орокский язык, стр. 187—188.

лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) 'Чья это рыба? Наших женщин' [4]; *Ни уллэңиң? Этыркэңиңиңиң* (*этыркэң* 'старик' — основа с ассимилированным конечным согласным, *-ң* — суффикс косвенной принадлежности, *-и* — соединительный гласный, *-л* — суффикс мн. ч., *-ңи* — суффикс предикативно-притяжательной формы, *-еун* — лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) 'Чье это мясо? Наших мужей' [4]; *Хоктол эду хэгдыл мит-цидын бираңдынты* (*бира* 'река' — основа, *-ң* — суффикс косвенной принадлежности, *-дын* — суффикс сравнительной формы, *-ты* — лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) *албицил* 'Дороги здесь большие, шириной с нашу реку' [51]; *Омакта умукта таргачин-да хулукукэн бичэн Пеструшка дыгин умуктангилгачинин* (*умукта* 'яйцо' — основа, *-нг* — суффикс косвенной принадлежности, *-и* — соединительный гласный, *-л* — суффикс мн. ч., *-гачин* — суффикс формы подобия, *-и* — соединительный гласный, *-н* — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) 'Новое яйцо было такое маленькое, как четыре яйца Пеструшки' [49].

Как сообщает В. И. Цинциус, суффикс формы подобия и другие аналогичные форманты «характеризуются тем, что занимают в слове место перед суффиксами словоизменительными, т. е. перед суффиксами числа, падежа и притяжения, но после суффиксов словообразовательных»³⁶, это позволяет сделать вывод о том, что суффикс формы подобия эвенкийского языка *-гчин*, *-гачин* / *-гэчин* не может быть отнесен к числу частиц, как это делает К. А. Новикова³⁷, поскольку частицы в составе слова всегда следуют после всех словоизменительных морфем: эвен. *Нгалчами чивкачан хуткэчинни* (*хут* 'ребенок' — основа, *-кэчин* — ассимилированный вариант суффикса формы подобия, *-ни* — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *нэбдэлдэникэн* 'Ручонками (своими) как птенчик (букв. птица ребенок ее) размахивая...'; *Тэтычэни олинды тадангагчинни* (*тада* 'рвать' — основа, *-нг* — суффикс косвенной принадлежности, *-а* — соединительный гласный, *-гчин* — суффикс формы подобия, *-ни* — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *насалран* 'Его одежда, как будто вороном порванная, дерется' [68].

³⁶ В. И. Цинциус. Очерк грамматики..., стр. 234.

³⁷ К. А. Новикова. Очерки диалектов..., стр. 108.

Суффиксу формы сравнения (*-дын*) эвенкийского языка в эвенском языке соответствует послелог *-дын* (*-дин*), который связан со знаменательным словом словосочетания через притяжательную форму, отражающую лицо и число знаменательного слова, например: эвенск. *Нонган мин дыс* 'Он с меня ростом' (букв. он моя величина); *Би хин дыс бисэм* 'Я с тебя ростом' (букв. я твоя величина есть) [68].

В нанайском языке суффиксу сравнительной формы эвенского языка соответствует уподобительная частица *-мат* / *-мэт*, которая в составе слова всегда находится в постпозиции по отношению ко всем морфемам словоизменения, например: нан. *Суэ солингосу эмуту буэ энгурнгу-пу-мэт даи* 'Ваша лиса величиной с нашего волка' [4]. К числу частиц в нанайском языке относится и показатель *-качи* / *-кэчи*, функции которого в эвенкийском и эвенском языках выполняет суффикс *-гачин* / *-гэчин*. В этих языках, как отмечает В. А. Аврорин, «мы находим уже не аффиксальную частицу уподобления, сохраняющую какие-то следы бывлой лексической самостоятельности, а особый суффикс именной формы подобия, занимающий в слове место перед лично-притяжательными суффиксами и имеющий, несомненно, общее происхождение с нанайской частицей-суффиксом *-качи* / *-кэчи*»³⁸: нан. *Нёанчи муэн-гучи эмуту буэ сэгден аракингопо-качи амтаси* 'Их вода подобно вину (букв. красной водке) вкусная' [4].

Как упоминалось, чаще всего суффикс косвенной принадлежности оформляет существительные в сочетании с притяжательными формантами — личными и возвратными. Рассмотрим случаи употребления этого форманта с лично-притяжательными суффиксами: нан. *Си ми пэнтэнгудиивэ* (*пэнтэ* 'червяк' — основа, *-нгу* — суффикс косвенной принадлежности, *-ди* — суффикс твор. падежа, *-и* — лично-притяжательный суффикс 1-го лица ед. ч., *-вэ* — суффикс косвенных падежей) *лигдиру* 'Подалась ты моим червяком' [27]; *Суэ дамахижангосу* (*дамахи* 'табак' — основа, *-ка* (*н*) — суффикс уменьшительной формы с оттенком ласкательности, *-нго* — суффикс косвенной принадлежности, *-су* — лично-притяжательный суффикс 2-го лица мн. ч.) — *буэ тавакангону* (*тава* 'огонь' — основа, *-ка* (*н*) — суффикс уменьшительной формы с оттенком ла-

³⁸ В. А. Аврорин. Грамматика..., т. I, стр. 273.

скательности, *-нго* — суффикс косвенной принадлежности, *-ну* — лично-притяжательный суффикс 1-го лица мн. ч.) 'Ваш табачок — наш огонек' [20]; эвенк. *Чалбаткәнңылби* 'чалба' 'береза' — основа, *-ткән* — суффикс уменьшительной формы, *-ң* — суффикс косвенной принадлежности, *-и* — соединительный гласный, *-л* — суффикс мн. ч., *-би* — лично-притяжательный суффикс 1-го лица ед. ч.) *этэ-еңкэл* 'Покарауль (мои) березки' [63]; *Эр-ты синнги улукиткәннгис* (улуки 'белка' — основа, *-ткән* — суффикс, образующий названия детенышей, *-нг* — суффикс косвенной принадлежности, *-и* — соединительный гласный, *-с* — лично-притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч.), 'Вот твой бельчонок' [49]; эвенк. *Мин чуритэңу* (чурит 'бусы' — основа, *-э* — соединительный гласный, *-ң* — суффикс косвенной принадлежности, *-у* — лично-притяжательный суффикс 1-го лица ед. ч.) *ојду дэсчин* 'Мои бусы лежат сверху' [68]; *Атыканган* (атыка(н) 'старуха' — основа, *-нг* — суффикс косвенной принадлежности, *-а* — соединительный гласный, *-н* — лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. ч.) *уркэтми нюмэйлэн элаттан* 'На крыльце стоит (его) старуха' [67].

Лично-притяжательные суффиксы у существительных, обозначающих предметы обладания, отражают лицо и число субъекта обладания. Субъект обладания, кроме того, выражается первым членом притяжательной конструкции, который довольно часто опускается. В последнем случае плеонастичность обозначения субъекта обладания снимается и единственным указанием на него остается лично-притяжательный формант, который опущен быть не может.

Возвратно-притяжательные суффиксы, однако, различаются по числам, но не по лицам, например: нан. *Мэнэ пастушокнгоари* (пастушок 'пастушок' — основа, *-нго* — суффикс косвенной принадлежности, *-ари* — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч. обладателей) *дяпагосу* 'Своего пастушонка возьмите' [20]; *Лилитэнгуи* (Лилитэ — имя собственное, *-нгу* — суффикс косвенной принадлежности, *-и* — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч. обладателя) *пэйнгэмби оялани тэвэнкини* 'Своего Лилита посадил к себе на колени' [26]; эвенк. *Тымәннэ нулгйрэв, дагамарав бэюңгивэр* (бэюн 'лось' — основа, *-ң* — суффикс косвенной принадлежности, *-и* — соединительный гласный, *-вэр* — возвратно-притяжательный

суффикс мн. ч. обладателей) 'Утром мы откочевали и дошли до (своего) лося' [64]; *Бираңғи* (бира 'река' — основа, *-ң* — суффикс косвенной принадлежности, *-ғи* — ассимилированный вариант возвратно-притяжательного суффикса ед. ч. обладателя) *ичэжинэн иңарāгдан сулапча* 'Взглянул на реку (свою) — остался один песок' [63]; эвенк. *Гусэтэ хуличанги* (хулича(н) 'лиса' — основа, *-нг* — суффикс косвенной принадлежности, *-и* — возвратно-притяжательный суффикс ед. ч. обладателя) *тала тыкукэнни* 'Орлица (свою) лисицу туда бросила'; *Нонгартан инэнгур* (инэ 'выюк' — основа, *-нг* — суффикс косвенной принадлежности, *-ур* — возвратно-притяжательный суффикс мн. ч. обладателей) *инэлгэр* 'Они (свои) выюки развьючили' [68].

ФОРМА КОСВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ВНЕ СИСТЕМЫ ПРИТЯЖАНИЯ

Значительное число специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам рассматривают категорию косвенной принадлежности только в связи с притяжательными суффиксами и характеризуют ее как два различных способа оформления слов притяжательными формантами. Подобного мнения придерживался В. Г. Богораз, который писал по этому поводу следующее: «Суффиксы эти (т. е. притяжательные суффиксы.— Б. Б.) к основе присоединяются двояко: 1) непосредственно, напр. *min d'u-ŭ* 'мой дом' или 2) со вставлением суфф. -ŋ — напр. *min hălă-ŋ-u* 'мое железо' ¹. Разделяет данную точку зрения и К. А. Новикова; она считает, что в эвенском языке «притяжательные суффиксы присоединяются к основе имени непосредственно..., либо с добавлением к основе суфф. -ŋ» ².

Другие исследователи, хотя и приводят примеры сочетания в составе суффикса косвенной принадлежности с суффиксом формы обладания, но тем не менее продолжают писать о том, что «при образовании притяжательных форм часто употребляется суффикс относительной принадлежности...» ³ или, что притяжательные суффиксы «присоединяются к падежным формам имен... непосредственно или посредством суфф. -ŋŋ / -ŋŋу показателя отчуждаемой (или относительной) принадлежности» ⁴.

Первым исследователем, указавшим на необоснованность подобной концепции, был В. А. Аврорин, который

отметил, что «категория косвенной принадлежности имеет несомненную связь с категорией притяжания и чаще всего сочетается с нею, но связь эту нельзя считать неразрывной. Тем более нет никаких оснований считать косвенную принадлежность частной категорией притяжательности. Она может действовать и вне системы притяжания, сочетаясь с категорией обладания» ⁵.

Действительно, форма косвенной принадлежности может сочетаться с формой обладания, морфологическим показателем которой в рассматриваемых нами языках являются суффиксы: эвенк. -чи, -лкан -лкон, эвен. -лкан / -лкэн, негид. -лкан / -лкэн, нан. -ко / -ку, ульч. -чу, орок. -лу / -луу, ороц. -ки / -кки, удэг. -хи.

Среди специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам нет единодушного мнения относительно лексико-грамматической принадлежности рассматриваемого суффикса. Одни из них относят интересующий нас суффикс к числу основообразующих морфем. Подобную точку зрения разделяет К. А. Новикова ⁶ и Г. И. Рамstedт ⁷. Так, К. А. Новикова сообщает, что в эвенском языке «форма *ŋa* -лкан / -лкэн близка в семантическом отношении к падежной, хотя к числу падежных ее отнести нельзя — это словообразовательная форма, с помощью которой от именных основ образуются новые имена со значением обладания предметом» ⁸. Данную точку зрения нельзя признать правильной, так как рассматриваемый суффикс выражает чаще всего отношения между словами, в то время как основообразующие форманты подобных отношений не выражают, служа лишь для выражения и изменения лексического значения слова.

В. И. Цинциус считает, что от «основ существительных» при помощи данного суффикса «образуются прилагательные, выражающие обладание предметом или предметами» ⁹. Подобного взгляда придерживаются и другие

¹ В. Г. Богораз. Материалы по ламутскому языку. «Тунгусский сборник», I. Л., 1931, стр. 11.

² К. А. Новикова. Эвенский язык. «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., «Наука», 1968, стр. 92.

³ Т. И. Петрова. Орокский язык. Там же, стр. 175.

⁴ О. П. Суник. Ульчский язык. Там же, стр. 154.

⁵ В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. I. М.—Л., 1959, стр. 168.

⁶ К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка, ч. I, М.—Л., 1960, стр. 106.

⁷ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание (Перев. с нем.). М., 1957, стр. 73.

⁸ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание, стр. 182.

⁹ В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского языка. Л., 1935, стр. 110.

исследователи¹⁰. О том, что «суфф. -чи в эвенкийском языке в настоящее время является словообразовательным суффиксом, сообщает и В. А. Горцевская, указывая, что суфф. -чи образует прилагательные обладания, означающие, что-либо имеющий»¹¹. В ряде своих работ слова в форме обладания относит к числу прилагательных и Т. И. Петрова¹². Правда, при этом она указывает, что, «помещая суфф. -ку в группу словообразовательных суффиксов, мы все же должны сделать большие оговорки»¹³.

А. Н. Улитин относит рассматриваемую форму к числу падежных, определяя и как «сопроводительный падеж»¹⁴.

Ошибочность и первой и второй точек зрения отмечают в своих работах многие исследователи тунгусо-маньчжурских языков¹⁵, которые относят интересующий нас суффикс к числу морфем релятивного формообразования, именуя его суффиксом формы обладания.

Указывая на несостоятельность первой точки зрения, согласно которой от основ имен существительных посредством этой формы образуются имена прилагательные, В. А. Аврорин отмечает, что «слова в форме обладания, даже когда они обозначают явные признаки предметов, исключая, понятно, слова уже адъективировавшиеся, всегда

и обязательно сохраняют предметное значение. Это — признак, но не того типа, что выражается прилагательным. Он не является постоянным для определяемого предмета и никак не характеризует существа этого предмета. Это признак предмета по обладанию (в данный момент) другим предметом... здесь нет того, хотя бы минимального отвлечения от конкретно-предметного представления, которое необходимо для перехода существительного в прилагательное»¹⁶. Лишним свидетельством того, что слова в форме обладания не бывают именами прилагательными, является факт возможности сочетания в одном слове суффикса формы обладания и суффикса косвенной принадлежности, поскольку последний, как известно, способен присоединяться лишь к именам существительным и к окказионально-субстантивированным другим частям речи, оформление которых этим суффиксом предполагает наличие субъекта обладания, обладающего какими-либо предметами, а вовсе не качествами. Наконец, сам порядок следования в составе слова суффикса косвенной принадлежности и суффикса формы обладания свидетельствует о том, что суффикс формы обладания является морфемой релятивного формообразования, служащей для выражения отношения между словами, и не может быть относим к числу морфем словообразования, образующих от имен существительных имена прилагательные. Вспомним, что в составе слова морфемы словообразования всегда предшествуют словоизменительным морфемам. Как уже говорилось, суффикс косвенной принадлежности относится к числу формантов смешанного формообразования, т. е. формантов, передающих независимое грамматическое значение. После названного форманта могут следовать и форманты смешанного же формообразования или форманты релятивного формообразования. К числу последних как раз и относится суффикс формы обладания, выражающий отношения между словами.

Не следует упускать из виду и те оговорки, на которые указывают некоторые исследователи, считающие суффикс формы обладания словообразовательным формантом. Дело в том, что существительные с суффиксом формы обладания выступают в предложении чаще всего в функции определения, т. е. в функции, которую обычно выполняют име-

¹⁰ Г. М. Василевич. Учебник эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1934, стр. 62; А. В. Романова, А. Н. Миреева. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 34; В. И. Левин. Краткий эвенско-русский словарь Л., 1936, стр. 140; В. Котвич. Исследования по алтайским языкам стр. 342—343.

¹¹ В. А. Горцевская. Формы отрицания в эвенкийском языке. Л., 1941, стр. 80.

¹² Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л., «Наука», 1967, стр. 56—58; Она же. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1960, стр. 40—41.

¹³ Т. И. Петрова. Очерк грамматики..., стр. 41.

¹⁴ А. Н. Улитин. Материалы по гольдскому (нанайскому) языку. «Язык и мышление», 1933, № 1, стр. 132.

¹⁵ В. А. Аврорин. Указ. соч., О. П. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958, стр. 68—69; О. А. Константинова, Е. П. Лебедева. Эвенкийский язык. Л., 1953, стр. 71; О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 71—72; В. Д. Колесникова и О. А. Константинова. Негидальский язык. «Языки народов СССР», т. V, стр. 115; А. В. Романова, А. М. Миреева. Указ. соч., стр. 92—93; Т. И. Петрова. Орокский язык. «Языки народов СССР», т. V, стр. 177; Она же. Нанайско-русский словарь, стр. 180.

¹⁶ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 193.

на прилагательные, что и дало повод считать рассматриваемый суффикс суффиксом, образующим от основ имен существительных имена прилагательные. Однако нетрудно заметить, что имена существительные с суффиксом формы обладания, выступая в предложении в функции определения, резко отличаются от прилагательных, выступающих в той же функции. Как отмечает большинство специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам, существительные в форме обладания чаще всего помещаются после определяемого, в то время как обычно определения предшествуют определяемому. Кроме того, определения, выраженные существительными в форме обладания, довольно часто имеют при себе определения, выраженные числительными, наречиями и прилагательными. Близость синтаксических функций послужила причиной того, что некоторые существительные в форме обладания перешли в разряд качественных прилагательных, к числу которых В. А. Аврорин относит в нанайском языке: *мурунку* 'умный', *арганку* 'хитрый'; *делэнку* 'обманчивый, склонный обманывать'; *аяктаку* 'сердитый, злой'; *туйнкурку* 'подвижный, живой, быстрый в движениях'; *дурунку* 'красивый, видный, статный'; *кусунку* 'сильный'; *кэсику* 'счастливый'; *гэбуку* 'уважаемый, почетный, авторитетный'; *асику* 'женатый'; *эдику* 'замужняя', *пиктэку* 'детный, имеющий детей'¹⁷.

Группу адъективировавшихся существительных, оформленных суффиксом формы обладания, отмечает в орокском языке Т. И. Петрова: *муроллу* 'умный, сознательный, серьезный'; *улауаллу* 'оленный'; *асилу* — 'женатый' — эти слова «выражают признак предмета без представления о предмете обладания»¹⁸.

Аналогичные прилагательные отмечают исследователи эвенкийского языка: *орочи* 'оленный', *дяличи* 'умный', *асичи* 'женатый'¹⁹.

В случае адъективации указанных существительных они, выступая в качестве определения, как правило, предшествуют определяемому. Иначе говоря, адъективируясь, эти существительные утрачивают отличия в своих синтаксических особенностях от остальных разрядов прилагательных, выступающих в функции определения.

¹⁷ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 192—193.

¹⁸ Т. И. Петрова. Язык ороков, стр. 57.

¹⁹ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 72.

При окказиональной субстантивации названных прилагательных суффикс косвенной принадлежности, как и следовало ожидать, помещается после суффикса формы обладания, который в этом случае является словообразовательным формантом, например: нан. *Ми мурункунгуи еэвэсуру!* 'Умница моя, лей, лей!' [28]; орок. *Си асилу-ниси иландо ананинулу* 'Твой женатый тридцати лет' [71].

Ничего общего не имеет суффикс формы обладания и с падежными показателями, хотя бы потому, что имена существительные с суффиксом формы обладания сами могут изменяться по падежам: нан. *Боатонго дуэнтэвэ миочан-коди пулсини* 'Охотник по тайге с ружьем ходит'; *Огдапу талгала котолитоди энэйни* 'Лодка наша по водному простору с парусом идет'; *Ми си огдаковаси сарачимбитани...* 'Ведь я не знал, что ты с лодкой'; *Нёани миочанкодои тул-тул гасави миочаландами пулсинэни* 'Он когда был с ружьем, постоянно уток стрелять ходил' [2]. Как уже упоминалось, при сочетании в составе одного слова суффикса косвенной принадлежности и суффикса формы обладания это слово может быть не оформлено притяжательными суффиксами, что чаще всего и бывает: эвенк. *Гурумила уллидэви, кэтэ осаңичи бинэ, энинин ичэн* 'Вошла мать с ворохом заготовок для пошивки камусов' [51]; *Егорка, дяндыгин анганингичи-да хуркэкэн бинэ, мэннгичи пэктырэвучи бичэн* 'Егорка, будучи мальчиком 14 лет, имел свое ружье' [49]; *Эр-кэ мэнтэри будэрй инэңичий бид'инэн* 'Днем своей смерти сам распоряжается' [63]; эвен. 38 *анганангалкан биникэн, мапча бисин* '38 лет будучи, был убит' [67]; ульч. *Min agbi sugdata-ugisi žižiuhəni* 'Мой старший брат с добытой рыбой возвратился'; нан. *Гормахонгоку най ихэни* 'Человек с зайцем вошел'; *Соликангоку най фокусова эрдэлэхэни* 'Человек с лисой показывал фокусы'; *Боатонго гасангосалку поктола дуэрэхэни* 'Охотник с утками шел по дороге' [3]; *Нижегородскай мапа нгаладои даи монгоку пурэн мапавани дюддиэнди дяпачайни* 'Нижегородский мужик с большим колом в руках держит на цепи медведя' [25]; *Дуня чайнгоку дидюхэни* 'Пришла Дуня с чаем' [5]; орок. *Ча хотонду эдэн гйдажи паталаңулу битчини* 'В том городе царь, имеющий единственную дочь, жил'; *Чомэжики эдэн паталуңуни йхэни-тэни гйда нарижи мапаңулу* 'Вдруг входит дочь вождя со своим мужем'; *Тэң гёда жин*

ананицулу курбу, гѣда ваңгај нами ана битчини 'Только оленя четырех лет, самца, да самки не было' [71]; ороч. Эжиңики хусэ хитэ цэйхэни жкты 'Брат с сестрой возвратился домой'; Аса уктэңики 'Женщина с мясом'; Мунты мапача аякта мамачаңики эмэхэни 'К нам приехал старик со злой старухой' [1]; удэг. Абде^h аңихи ба^hата, согиоңихи адиҫа мунэвэ хокто ки^hалиани ба^hаси^hаты 'Мальчик с листьями и девочка с травой встретили нас около дороги'; Улэ^hэңихи анта эмэүи^hэни жүгдытыуи 'Женщина с мясом пришла домой' [1].

В эвенкийском языке, кроме суффикса формы обладания -чи, имеются и другие показатели с тем же значением и аналогичным употреблением. К их числу относятся суфф.: -тай / -тэй / -той, -лкан / -лкэн / -лкон и -лан / -лэн / -лон, например: Чилича цэлэллэн, диктэкэңитэй дэжиллэн. Аги дяпкадун диктэкэңитэй доран (досл.) 'Птичка испугалась, с ягодой улетела, на опушке леса с ягодой села' [60]; Нуңан мэн цвѣтокңилкэн агидук юрэн 'Со своими цветами она вышла из лесу'; Муннукаңилкэн бэе агидук юрэн 'Человек с зайцами вышел из лесу' [1]; Ороктэңлэн гүлэсэгдулэ эмэрэ 'С сеном приехали в поселок'; Упкат тухсамалчара мбңлэсэл 'Все побежали с палками' [75].

В эвенском языке в составе одного слова могут сочетаться суффикс косвенной принадлежности и суффикс формы обладания -нчи (в некоторых диалектах -нчун), который указывает на обладание большим количеством предметов. Как и суфф. -лкан / -лкэн, он относится к числу морфем релятивного формообразования и в составе слова всегда следует после показателя косвенной принадлежности, например: улукингэпчи буюсэмнэ 'охотник, у которого много белок'; олранганчи бэй 'человек, у которого много рыбы'; мунрукангэпчи этыкэн 'старик, у которого много зайцев'.

Отсутствие притяжательных формантов в этих примерах объясняется синтаксической ролью существительного, имеющего такую комбинированную форму, при которой, если оно служит определением, то субъектом обладания может быть только определяемое, если же оно служит обстоятельством, то субъектом обладания является субъект действия. Уже сам порядок слов не допускает сомнений в отношении того, какому другому слову подчинено данное слово. Поэтому надобность в притяжательном оформ-

лении, устанавливающим зависимость между словами, отпадает.

Следует отметить, что существительные с суффиксом формы обладания при необходимости могут, как и всякое другое существительное, иметь при себе качественные или количественные определения, что является лишним свидетельством того, что формы с суффиксом обладания не могут быть относимы к разряду имен прилагательных, которые таких определений при себе иметь не могут. Примеры с количественными определениями: эвенк. Гурумила уллидэви, кэтэ осаңичи бинэ, энинин ичэн 'Вошла мать со многими заготовками для пошивки камусов' [51]; эвен. 38 аннганангалкан биникэн, мапча бисин '38 лет будучи, был убит'; Умэн бэй, хусчакач тэтутты этыкэмкэр, бадун, елань улукингэлкэн 'Один человек, одетый в ровдужную куртку старик, верхом подъехал, с тремя белками' [68]; орок. Ча хотонду эдэн гйдази паталаңулу битчини 'В том городе царь с единственной дочкой жил' [71]. Примеры с качественными определениями: нан. Нижегородский мапа нгаладои даи монгоку... 'Нижегородский мужик с большой палкой в руках...' [25]; ороч. Мунты мапача аякта мамачаңики эмэхэни 'К нам приехал старик со злой старухой' [1].

В нанайском языке существительное в форме косвенного обладания способно получать оформление лично-притяжательными формантами. Для других рассматриваемых языков сочетание суффикса формы обладания и лично-притяжательного форманта, по имеющимся у нас данным, является недопустимым. Притяжательное оформление существительных в форме косвенного обладания происходит в нанайском языке в тех случаях, когда они служат в предложении простыми именными сказуемыми. Притяжательные суффиксы в этом случае имеют характер предикативных показателей²⁰. Ми бэгдингукуи, си дилингокоси, гэ дуюңигуэри! 'У меня есть ноги, у тебя есть голова, давай меняться!'; Буэ эгди согдтангокопу! 'У нас есть много рыбы!'; Нёанчи парпин уликсэнгукуи, буэ хомангокопу! 'У них есть свежее мясо, у нас есть мозговые кости'; Си пангокоси, мападу буру! 'У тебя есть печень, дай старику!'; Бэгдингукуси? 'У тебя есть ноги?'; Нёанчи эгди хабдтангококи 'У них есть много листьев'

²⁰ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 192.

[3]; *Си мамангокоси!* 'У тебя есть жена' [37]; *Мэнэ-мэнэ депурингукусу* [27].

Но если существительное в форме косвенного обладания входит в составное именное сказуемое, то лицо субъекта обладания отражается в личной форме вспомогательного глагольного слова, существительное же в этом случае притяжательным формантом не оформляется и завершается суффиксом формы обладания, например: *Ми дилингоко бичэи* 'У меня была голова (имеется в виду не моя собственная голова)'; *Си дилингоко бичэси* 'У тебя была голова'; *Нёани дилингоко бичэ* 'У него была голова'; *Буэ дилингоко бичэну* 'У нас была голова'; *Суэ дилингоко бичэсу* 'У вас была голова'; *Нёанчи дилингоко бичэл* 'У них была голова' [3].

Способны выступать в функции простого именного сказуемого существительные в форме косвенного обладания и в остальных рассматриваемых языках, но в этом случае они притяжательного оформления не получают: эвенк. *Би утэв жан анчанйичи* (анчанйикан) 'Моему сыну 10 лет (букв. Мой сын — десятилетний)'; *Минчи аким хэлэисэ* 'Мой старший брат имеет ружье' [58]; орок. *Боюнуни тунда ананицуллу* 'Медведь (его) был пяти лет' [74]. В этих же языках, в отличие от нанайского, существительные могут выступать в функции простого именного сказуемого и без суффикса формы обладания, в подобном случае эти существительные оформляются притяжательными суффиксами: эвенк. *Би егин анчанйичив* 'Мне девять лет'; *Минчи ечин дыльчй кульнйив* 'У меня есть девятиголовый змей' [63]; орок. *Эккэл-дэ-бимэри-маңаңулчи* 'Будучи женщинами, они — богатыри'; *Нарисал тундатуңаса пурэсэл, нарил маңаңулчи* 'Люди, все пятеро, молодые, богатыри' [74].

Если существительное в форме косвенного обладания входит в составное именное сказуемое, то оно, так же как и в нанайском языке, притяжательного оформления не получает и лицо субъекта обладания отражается в личной форме глагола: эвенк. *Нуңан накитаңичи бичэн* 'У него был медведь' [1]; *Туги туннга ангангичи бингэсиви, нунган умнэ экиннгиви линейкаван капутчан* 'В возрасте пяти лет он сломал однажды у старшей сестры линейку'; *Надан-дянкун ангангичи бингэсин, Володянги аяврин стихин бичэн* «Дяданг икэнин» 'Когда Володе было лет семь-восемь, его любимым стихотворением была «Песнь

бобыля» [52]; орок. *Нёчи жаңеңулу битчи* 'У них был начальник' [74].

Суффикс косвенной принадлежности сочетается также с формой необладания и выражается, в отличие от последней, аналитически, с помощью имени отрицания: эвенк. *-а́чин*, эвен. *-ач*, негид. *-а́йин*, нан. *-ана*, ульч. *-ана*, орок. *-ана*, орок. *-ана*, удэг. *-анчи*.

Особенности употребления существительных, оформленных суффиксом косвенной принадлежности, и отрицательного слова во многом совпадает с употреблением существительных, оформленных суффиксом косвенной принадлежности с суффиксом положительной формы обладания. Так, если в высказывании субъект действия и субъект отрицательного обладания совпадают, то существительное, обозначающее предмет отрицательного обладания, лично-притяжательным формантом в этом случае не оформляется: эвенк. *Сэвэки инэгиндун хакиңъя ачир эмэптэв* 'К празднику мы остались без печени'; *Аси уллэңье ачин агила нэ́нэрэн* 'Женщина без мяса пошла в тайгу'; *Нуңан сэгэбуңье ачин мучурэн* 'Он вернулся без соболя'; *Би акинми мучурэн дюлави уллэңье ачин* 'Мой старший брат возвратился домой без мяса' [4]; нан. *Киранго ана миочалами хони-да ачаси* 'Без кремня невозможно стрелять' [40]; *Нучи нурилби молоконго ана хони бигилэйчи* 'Как проживут малые дети без молока' [19]; *Туй Иваныч хамачанго-да ана дэрэди́гухэни* 'Так Иваныч (кличка кота) ни с чем и остался' [28]; *Чачаканго ана эди мочогора* 'Без цветов не возвращайся' [48]; орок. *Нони дукутакки ичухани бэгдиңулэ ана* 'Домой он вернулся без ног'; орок. *Они битэ улиңи ана багдыяпи* 'Как мы будем жить без реки'; удэг. *Бу ни^аңи (ла анчи) буа хуэндунисэ́му* 'Мы были в тайге без шкуры' [4]. Из примеров видно, что в рассмотренных языках (исключая нанайский и орокский), имя существительное, сочетающееся с именем отрицания, в служебной функции (в удэгейском языке факкультативно) получает дополнительное оформление суффиксами: эвенк. *-ја / -јэ / -јо*, эвен. *-ла / -лэ / -ло*, *-на / -нэ / -но*, негид. *-ла / -лэ / -ло*, орок. *-ла / -лэ*, удэг. *-ла / -лэ*.

Следует сделать оговорку, что здесь мы будем вести речь специально о тех случаях, когда интересующий нас суффикс употребляется в аналитических формах необладания, считая эти случаи принципиально отличными от других употреблений аналогично звучащего суффикса.

Рассматриваемые суффиксы в эвенкийском языке О. А. Константинова определяет как «суффиксы, выражающие соединение, сопричастность предметов, названия которых объединяются как в положительной форме совместности, так и в отрицательной форме неопределенности»²¹ и считает возможным отнесение этих суффиксов к числу формантов, сообщающих слову собирательное значение. Подобную же точку зрения разделяет В. Д. Колесникова, которая сообщает, что «имя отрицания *āchin* сочетается с именем существительным, оформленным суфф. *-я ∞ ∞ -а*, *-е ∞ -э*, выражающим сопричастность, совокупность предметов»²². Другие исследователи эвенкийского языка рассматривают интересующий нас формант как показатель винительного неопределенного падежа²³. Исследователи эвенского, негидальского, орокского и удэгейского языков аналогичные форманты выделяют без какой-либо их грамматической интерпретации²⁴.

Трудно согласиться с точкой зрения, согласно которой интересующий нас суффикс относится к числу собирательных формантов. Когда в эвенкийском языке суфф. *-ja / -jə / -jo* оформляет существительное при наличии отрицательного служебного слова *āchin*, последнее управляет связанным с ним существительным. Грамматическим выражением управления, как известно, является форма косвенного падежа, обусловленная лексико-грамматическим значением другого слова, в данном случае отрицательного служебного слова.

Нельзя согласиться и с утверждением О. А. Константиновой о том, что рассматриваемый суффикс эвенкийского языка «может быть сопоставлен с суфф. *-я ∞ -а* у имен существительных при обозначении сопричастности, совокупности предметов», например: *Пачэкия* 'Пачэки и его родственники, домочадцы; Пачэки и его товарищи'; *Корчагина* 'Корчагин и его родственники; Корчагин и

его товарищи»²⁵. Грамматический и семантический анализ существительных, оформленных этим формантом, убеждает в том, что здесь мы имеем дело с грамматической омонимией. Во-первых, различна морфологическая природа этих формантов. Если первый из них является суффиксом релятивного формообразования, т. е. скорее всего показателем винительного неопределенного падежа, то второй относится к числу суффиксов деривативного или смешанного формообразования, иначе, является показателем категории собирательной множественности. Об этом свидетельствуют синтаксические связи существительных, оформленных суфф. *-ja / -jə / -jo* в двух интересующих нас случаях: *Нуңан сэгэбуңҕэ āchin мучурэн* 'Он вернулся без соболя' и *Пачэки мучурэ* 'Домочадцы Пачэки вернулись'. В первом случае суфф. *-jə(e)* связывает оформленное им слово только со стоящим после него служебным словом *āchin* (других функций у него нет; он ничего не меняет в содержании оформленного им слова). Во втором случае он не выражает связи между словами, так как приведенное предложение в синтаксическом отношении идентично предложению: *Пачэки мучурэн* 'Пачэки вернулся', но вносит особую категорию множественности в содержание оформленного слова, поскольку один Пачэки не равен Пачэки + его домочадцы, как и Пачэки не равно сумме нескольких Пачэки. Естественно, что во втором случае категория множественности слова Пачэки отражается в числе сказуемого (*не мучурэн* 'вернулся', а *мучурэ* 'вернулись'). О том же говорят и следующие примеры: *Утыская наюва сурупкэнэ* 'Утыска и его родственники выгнали хвастуна'; *Марковья ороктоңилвэр косинасина* 'Марковы поехали косить свое сено'; *Кочергина хэрэкэлэ городтула сурурэ* 'Кочергины уехали в другой город' [75].

В эвенкийском языке отрицательное служебное слово *āchin* управляет винительным неопределенным падежом, в других рассматриваемых языках оно управляет местным падежом, поскольку в этих языках винительный неопределенный падеж или отсутствует вообще, или ему свойственны другие функции (негидальский). Таким образом, рассматриваемый суффикс относится к числу морфем релятивного формообразования и не может быть отнесен к

²¹ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 78.

²² В. Д. Колесникова. Синтаксис эвенкийского языка. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 36—37.

²³ В. А. Горцевская. Указ. соч., стр. 106; О. А. Константинова, Е. П. Лебедева. Указ. соч., стр. 82; Г. М. Василевич. Эвенко-русский словарь. М., 1958, стр. 799.

²⁴ В. И. Цинциус. Указ. соч., стр. 111; В. Д. Колесникова, О. А. Константинова. Негидальский язык. «Языки народов СССР», т. V, стр. 115; Т. И. Петрова. Язык ороков, стр. 57; В. И. Левин. Указ. соч., стр. 140.

²⁵ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 77.

числу морфем основообразования. В составе слова морфемы релятивного формообразования следуют после суффикса косвенной принадлежности, относящегося к числу словоизменительных морфем. Впрочем, суффиксы эти можно и не связывать с выражением падежных значений. Их можно считать лежащими где-то за пределами склонения. Но, очевидно, и об этом свидетельствуют все приведенные примеры, что их грамматическое назначение — выражать связь между словами, в данном случае — связь между существительным и словом отрицательного значения.

Как уже упоминалось, если в предложении субъект действия и субъект отрицательного обладания совпадают, то существительное, обозначающее объект отрицательного обладания, оформления притяжательными формантами не получает. Но если в высказывании субъект действия и субъект отрицательного обладания не совпадают, то существительное, обозначающее объект отрицательного обладания, требует притяжательного оформления, чем и разграничиваются эти два разных случая, например: эвенк. *Би накитаңиэ ачиндун нуңанман си этэнни кеира* 'Без моего медведя ты с ним не справишься' [1]; нан. *Си мурчиси, ми си сингэрэнгу си ана биури дя-ну, хай?* 'Ты думаешь, легко мне жить без твоих мышей?' [33]; *Си хлебэнгу си ана(ни) осини, буэ будену* 'Без твоего хлеба мы умрем'; *Ми уликсэнгу си ана(ни)суэ чолomba пурэсису* 'Без моего мяса вы супа не сварите'; *Суэ талангосу ана(ни) бичин осини, свадъбаду оркин бимчэ* 'Без вашей талы на свадьбе было бы плохо' [3]; орок. *Бу насаңиму ана хувэнтэ эди нэнэжэ* 'Без нашей шкуры в лес не ходи'; *Нуңаты би уктэңиви ана котлетава охоты* 'Они приготовили котлеты без моего мяса'; *Бу лалава икохому нуңаты умуксэңиты ана* 'Мы сварили кашу без их жира'; *Нуңиты су сугъасаңиси ана эд'эты мутэжэ* 'Без твоей рыбы они не обойдутся' [1]; удэг. *Би нэни^нэми су тукчаңи(ла)у анчи(ди)* 'Я уехал без ваших зайцев'; *Бу нуаты улэ^нэңи(лэ)ты анчи(ди) эжэңэу гулиңэ* 'Без их мяса мы не поедим'; *Бу су олохиңи(лэ)у анчи(ди) жугдытыңи нэнижэңэу* 'Мы уедем домой без ваших белок'; *Олоктојэу олова би сугъа^наңи(ла)и анчи(ди)* 'Варите уху без моей рыбы' [1].

Из примеров видно, что характер синтаксической связи между существительным, обозначающим отрицатель-

ный объект обладания, и отрицательной частицей в рассматриваемых языках неодинаков. В эвенкийском мы наблюдаем отражение, осуществляемое с помощью личнопредикативных формантов, оформляющих отрицательную частицу и отражающих лица и число существительного, обозначающего объект отрицательного обладания. Это существительное при несовпадении субъектов действия и обладания также оформляется притяжательными суффиксами, указывающими на лицо и число субъекта обладания. Этот же вид синтаксической связи, отражение, наблюдается и в нанайском языке, где отрицательная частица также оформляется притяжательными формантами, но подобное оформление в данном случае уже факультативно. Его факультативность объясняется, вероятно, тем, что имеющий здесь место вид синтаксической связи, отражение, предполагает отношение между самостоятельными, полнозначными синтаксическими единицами. В рассматриваемых же сочетаниях, как уже говорилось, имя отрицания употребляется в служебной роли — в качестве отрицательной частицы. Видимо, это обстоятельство и обусловило необязательность оформления отрицательной частицы притяжательными суффиксами. Нет такого оформления в ороцком и орокском языках. В удэгейском мы находим другой вид синтаксической связи между существительным, обозначающим объект отрицательного обладания и отрицательной частицей — управление, грамматическим выражением которого является оформление существительного показателем местн. падежа, но подобное оформление также факультативно, что указывает на нахождение в данном языке отрицательной частицы на грани утраты бывшего лексико-грамматического значения, а следовательно, и способности управления, зависимым компонентом словосочетания. Дополнительным свидетельством тому является и факультативность оформления отрицательного служебного слова суффиксом твор. падежа, являющегося грамматическим выражением синтаксических отношений между отрицательным служебным словом и управляющим глагольным словом.

Иное грамматическое оформление наблюдается в нанайском языке при употреблении существительного, обозначающего объект отрицательного обладания, в функции сказуемого. Так, если существительное, оформленное суффиксом косвенной принадлежности в сочетании с отри-

пательной частицей *ана*, служит в предложении простым именным сказуемым, то притяжательные суффиксы оформляют отрицательное слово-частицу: *Буэ уликсэнгу анапу, тотамари хайва-да эчиэ пюрэпу* 'У нас нет мяса, поэтому мы ничего не сварили'; *Ми согдтанго анаи* 'У меня нет рыбы'; *Си бэгдингу анаси* 'У тебя нет ноги' [3].

Следует отметить, что при подлежащих первых двух лиц обоих чисел оформление отрицательной частицы притяжательными суффиксами обязательно, если же подлежащие относятся к третьему лицу обоих чисел, то подобное оформление факультативно: *Тэи эктэ мапанго ана (ни)* 'У той женщины нет мужа'; *Нёани гасанго ана (ни)* 'У него нет утки'; *Нёанчи мапанго ана (чи)* 'У них нет медведя' [3].

Факультативность в употреблении притяжательных суффиксов третьих лиц служит подтверждением концепции В. А. Аврорина о предикативном характере притяжательных суффиксов, оформляющих существительное в функции сказуемых. Ведь и глагольные слова также необязательно получают оформление личными суффиксами третьих лиц, чаще выражая их нулевыми формами.

Если же существительное в форме косвенного обладания входит в составное именное сказуемое, то отрицательное служебное слово притяжательными суффиксами не оформляется, и в этом случае лицо и число или только число субъекта обладания отражается в форме глагольного компонента сказуемого, например: *Буэ уликсэнгу ана бимэри, хайва-да эчиэ пюрэпу* 'Так как у нас не было мяса (букв.: мы без мяса будучи), мы ничего не сварили'; *Негние суэ уликсэнгу-дэ, согдтанго-да ана осидясу* 'К весне вы останетесь и без рыбы, и без мяса'; *Нёани гасанго ана бими энэсини* 'Поскольку у него нет утки (букв. без утки будучи), он не хочет уезжать'; *Суэ уликсэнгу ана осини, согдтанговари бурису* 'Если у вас нет мяса (букв. вы без мяса), то дайте рыбы'; *Нёани гасанго ана бичини* 'У него не было утки (букв.: он был без утки)' [3].

Кроме отрицательной частицы *ана*, выражающей отрицание обладания предметом, в нанайском языке в аналогичной функции может выступать также слово *аба*, которое выражает отрицание наличия предмета и может выступать в предложении в функции самостоятельного сказуемого, не входя в состав аналитической формы. В этом случае притяжательные суффиксы оформляют

существительное, обозначающее предмет, наличие которого отрицается: *Нёани дилингони аба* 'У него нет головы (принадлежащая ему чья-то голова отсутствует); *Тотара мама соликангои ичэндэгуми негухэни, соликангои-тани аба* 'Тогда старуха вышла посмотреть на лисицу, а лисичь-то (ее) и нет' [22].

В ороческом языке в функции сказуемого употребляется слово *маки* 'нет'. Его употребление во многом сходно с употреблением нанайского слова *аба*. Как и в нанайском языке, притяжательные суффиксы при употреблении этого слова в функции сказуемого оформляют существительное, обозначающее предмет, наличие которого отрицается, например: ороц. *Ти бёктоңо асани гилэмиңини маки жёгдё* 'Нивха, с которым живет его жена (ее нивха), дома нет'; *Зэуңити-дэ маки* 'И пищи у них нет' [70].

В ульчском языке в такой же функции выступает слово *кэвэ*, например: *Sulingun-da kəwə* 'А ее, лисы-то и нет' [73]. Наконец, в эвенкийском языке в функции именного сказуемого может выступать слово *ачин*, при этом существительное, обозначающее объект отрицательного обладания, является подлежащим и получает оформление притяжательными формантами; не изменяется оформление этого существительного и в случае, если слово *ачин* входит в составное глагольное сказуемое в качестве его именной части, например: *Колобоңилив ачир* 'У меня нет хлеба' (букв.: Хлеб (мой) отсутствует)' [63]; *Д'улави иснав, атир-каңив ачин* 'Когда пришел домой, жены (моей) нет (букв.: жена (моя) отсутствует)' [62]; *кирэнгин ачин* 'у него нет времени (букв.: время отсутствует)' [40]; *Ичэрэн — сулакиңинда ачин* 'Смотрит — а лисы (его) нет (букв.: лиса (его) отсутствует)' [59]; *Личнай делонгин ачин бичэн* 'Личного дела не было (букв.: личное дело отсутствовало)' [46].

В нанайском, ороческом, ороческом и удэгейском языках существительные, оформленные суффиксом косвенной принадлежности, сочетающимся с суффиксом формы совместности, притяжательного оформления не получают. Отсутствие в этом случае притяжательных формантов объясняется тем, что существительные с этим суффиксом, как правило, обозначают пару совместно действующих лиц, и зависимость их друг от друга предполагается самой формой совместности: нан. *Ботамди этэнгу-мулиэ онила энэхэчи* 'Рыбак с женщиной ехали по реке';

Ми амимби пиктэнгумулиэ димахани 'Мой отец с ребенком приехал в гости'; Наондэкан паталангомолла гириала пулсикэчи 'Парень с девушкой гуляли в лесу' [3]; орок. Тари нари апкатчици ча боюнумуна 'Ну тот человек с тем медведем и залег спать'; Муты синдагачи мапа аякта мапанумуна 'К нам приехал старик со злой старухой'; Муты агби мапанумуна нимэригэчи 'К нам в гости приехал брат с женой' [1]; удэг. Анта ба^ататаңимула илактани^аани мунтуу 'Женщина с сыном вышла к нам' [1].

В нанайском языке отмечен фонетический вариант суффикса совместности, который имеет вид -лиа/-лиэ: Эм мапачан маманголиа балдихачи 'Жили старичок со старушкой' [25]. Однако сфера употребления этого варианта суффикса очень ограничена и обусловлена, по всей вероятности, фонетической структурой отдельного слова.

Некоторые исследователи склонны рассматривать суффикс формы совместности среди основообразующих формантов. Так, В. А. Аврорин относит его к числу форм деривативного формообразования, то есть форм, не изменяющих «основного лексического значения слова», а лишь придающих ему «дополнительные оттенки»²⁶.

По нашему мнению, суффикс формы совместности правильнее было бы рассматривать среди формантов релятивного формообразования, которые передают зависимые грамматические значения. Этот вывод напрашивается уже хотя бы потому, что в составе слова суффиксу формы совместности могут предшествовать другие суффиксы смешанного формообразования (тот же суффикс косвенной принадлежности), что было бы невозможно, если бы он действительно принадлежал к числу деривативных и вообще любых основообразующих суффиксов.

Интересно отметить, что в нанайском языке в некоторых случаях значение суффикса косвенной принадлежности смыкается со значением суффикса формы контрастности -диа/-диэ, например: Тэи мэргэн исюичини, бундиэ мэргэн нихоранкини 'Когда тот герой подошел, наш герой поклонился' Бундиэ наондэкан долбо сэнэрэ, долдихани 'Наш мальчик, ночью проснувшись, услышал' [2]; Бундиэ пудин дякангои ичуэнкини 'Наша красавица показывала свои вещи'. В этих примерах личные местоимения 1-го лица мн. числа, оформленные суффиксом контраст-

ности, имеют выделительно-уточнительное значение, которое в подобном же контексте имеет и суффикс косвенной принадлежности у связанного с местоимением существительного, вытесняющий на второй план свое основное значение — условный характер принадлежности. Иначе говоря, в подобных употреблениях суффикс косвенной принадлежности сообщает оформляемому существительному выделительное значение, сохраняя в какой-то степени и значение условной принадлежности: Буэ мэргэнгуну тавава иванда, уликсэнгуи силохани 'Наш герой огонь разжег, изжарил на вертеле свое мясо'; Буэ наондэкангуну той монговани исихани 'Наш мальчик дошел до того дерева (его)'; Буэ пудингуну гиунгуи тэлгэчихэни, пунхэни [2].

В литературе по тунгусо-маньчжурским языкам отмечалось, что существительные в косвенной притяжательной форме имеют только притяжательное значение и не могут выступать в предикативной функции. О. П. Суник, например, утверждает, что формы «отчуждаемой принадлежности сложились как специально притяжательные, всегда четко выражающие только отношения принадлежности (в том числе и собственности), независимо, однако, от ее характера и формы»²⁷.

Более того, О. П. Суник считает, что грамматическая форма косвенной принадлежности возникла и развилась именно для того, чтобы отдифференцировать отношения атрибутивно-притяжательные от предикативных, «...думать же, что различие в этих двух выражениях (ми моримби, ми морингои) обусловлено или как-то связано в настоящем или прошлом с передачей двух якобы различных форм обладания, принадлежности, собственности, значит идти по пути марровской, вульгарно-материалистической трактовки фактов языка, извращать их реальное значение, их подлинную грамматическую природу. Формы ряда так называемой «отчуждаемой» принадлежности резко отличаются от «неотчуждаемых» и некоторых других атрибутивно-притяжательных образований тем, — продолжает О. П. Суник, — что они всегда и при всех обстоятельствах выражают в грамматическом плане отношения атрибутивно-притяжательные»²⁸. И О. П. Суник прихо-

²⁷ О. П. Суник. Из истории грамматического строя..., стр. 135.

²⁸ Там же, стр. 130

²⁶ В. А. Аврорин. Указ. соч.

дит к выводу, что «...одним из наиболее употребительных, должно быть, достаточно древних и наиболее «радикальных» способов, устраняющих двусмысленность интересующих нас конструкций (атрибутивно-притяжательных и предикативных. — Б. Б.) и выступает форма «отчуждаемой принадлежности», характеризующая суфф. *-нго/-нгу*»²⁹.

На то, что «косвенная притяжательная форма всегда имеет только одно значение — притяжательное», указывает и В. А. Аврорин³⁰.

Действительно, существительное, оформленное суффиксом косвенной принадлежности в сочетании с притяжательным формантом, в нанайском языке всегда в той или иной степени имеет притяжательное значение и ни в коем случае не может предикативно отождествляться с субъектом обладания, например: *ми энгурнгуи* 'мой волк'; *си согдатангоси* 'твоя рыба'; *нэани солингони* 'его лиса'; *суэ гормахонгосу* 'ваш заяц'. Те же существительные, оформленные притяжательным формантом вне сочетания с суффиксом косвенной принадлежности, имеют не притяжательное, а только предикативное значение: *Ми энгурби* 'я волк'; *си согдаси* 'ты рыба'; *нэани солини* 'он (она) лиса'; *суэ гормахонсу* 'вы зайцы'. Правда, иногда семантические особенности и первого, и второго членов притяжательного словосочетания в их соотношении допускают возможность в прямой форме приобретать как притяжательное, так и предикативное значение, например: *ми мапай* может значить 'мой старик (муж)' и 'я старик': *суэ найсу* — 'ваши люди, вы люди' и т. п. Как пишет В. А. Аврорин, в этом случае разграничение предикативных и притяжательных конструкций «зависит от окружающего контекста, от ситуации, от соотношения категориальной или вещественной семантики обоих членов притяжательного словосочетания»³¹. Эти же существительные в косвенной притяжательной форме могут иметь только притяжательное значение, например: *ми мапангой* 'мой старик'; *суэ найнгосу* 'ваши люди'.

На первый взгляд кажется, что единственной функцией суффикса формы косвенной принадлежности в приведенных примерах является устранение возможности понимания притяжательного словосочетания как предикативного.

Как отмечает В. А. Аврорин, «ее роль как своего рода предохранителя от предикативности так резко бросается в глаза, что порой заслоняет основное и исходное значение — значение косвенной принадлежности»³². Следует особо подчеркнуть, что в этом случае форма косвенной принадлежности используется главным образом для того, чтобы указать на условную, относительную, косвенную принадлежность предмета субъекту обладания, а притяжательное значение сообщается оформляемому существительному лишь попутно. Устранение двусмысленности рассматриваемых конструкций далеко не всегда достигается лишь оформлением соответствующего существительного косвенно-притяжательными формантами, поскольку существует довольно значительная группа существительных, неспособных получать такое оформление; например, такие выражения, как *ми индай*, *ми асии*, *ми огдай* понимаются соответственно 'я собака, моя собака'; 'я женщина, моя женщина' 'я лодка, моя лодка'. Чтобы устранить двусмысленность данных словосочетаний и выразить только предикативное значение, требуются другие грамматические средства, поскольку рассматриваемые существительные не входят в семантические группы слов, способных принимать оформление суффиксом косвенной принадлежности в его исходном значении. В. А. Аврорин пишет, что в нанайском языке «предикативные отношения между именами могут выражаться и чаще всего выражаются другими способами..., а притяжательные словосочетания приобретают это значение лишь иногда»³³.

Необходимо сказать, что формы косвенной принадлежности не всегда и не при всех обстоятельствах «выражают в грамматическом плане только отношения атрибутивно-притяжательные»; эти формы могут выражать, как уже было показано, и предикативные отношения. Так, в нанайском языке существительное, оформленное суффиксом формы обладания (положительной или отрицательной) в сочетании с притяжательным формантом выполняет в предложении функцию сказуемого, независимо от того, оформлено оно суффиксом косвенной принадлежности или не оформлено. В подобном употреблении функция суффикса косвенной принадлежности сводится лишь к то-

³² Там же, стр. 160.

³³ Там же, стр. 159.

²⁹ О. П. Сунник. Из истории грамматического строя..., стр. 130.

³⁰ В. А. Аврорин. Указ. соч., стр. 160.

³¹ Там же, стр. 159.

му, чтобы указывать на условный, косвенный характер принадлежности: *Си пангокоси* 'У тебя есть печень (добытая тобой)' и *Си панго анаси* 'У тебя нет печени (добытой тобой)'; *Буэ эгди согдатангокопу* 'У нас много рыбы (мы имеем много рыбы)' и *Буэ согдатанго анапу* 'У нас нет рыбы (мы не имеем рыбы)'; *Ми бэгдингукуи* 'У меня есть ноги (добытые мной)' и *Ми бэгдингу анаи* 'У меня нет ног (добытых мной)' и *Си дилингокоси* 'У тебя есть голова (добытая тобой)' и *Си дилинго анаси* 'У тебя нет головы (добытой тобой)' [3].

Без суффикса косвенной принадлежности эти существительные не теряют способности выполнять в предложении функцию сказуемого, изменяется лишь характер принадлежности, который в этом случае становится органическим, неотчуждаемым, например: *Си пакоси* 'У тебя есть печень (орган твоего тела)' и *Си па анаси* 'У тебя нет печени (органа твоего тела)'; *Ми бэгдикуи* 'У меня есть ноги (часть моего тела)' и *Ми бэгди анаи* 'У меня нет ног (части моего тела)'; *Си диликоси* 'У тебя есть голова (часть твоего тела)' и *Си дили анаси* 'У тебя нет головы (части твоего тела)' и т. п. Как было установлено, существительное, оформленное суффиксом косвенной принадлежности в составе формы обладания (положительной или отрицательной), может быть частью составного сказуемого: *Суэ гирмаксангоку бичису* 'У вас были кости'; *Нёанчи уликсэнгуку бичил* 'У них было мясо'; *Суэ уликсэнгу-дэ, согдтанго-да ана осидясу* 'Вы останетесь и без рыбы, и без мяса'. В этих примерах роль суффикса косвенной принадлежности та же самая — указывать на неорганический, отчуждаемый, косвенный характер принадлежности. Обладают способностью выступать в функции сказуемого или одного из компонентов составного именного сказуемого и существительные, оформленные суффиксом косвенной принадлежности, в остальных рассматриваемых языках. Причем в этой функции они могут выступать как при включении суффикса косвенной принадлежности в форму обладания, положительную и отрицательную, так и вне ее: эвенк. *Би утэв жан анганиңиңи (анганиңилкан)* 'Моему сыну десять лет' [1]; *Минңи аким һэлэңиһ'э* 'Мой старший брат имеет ружье' [58]; *Туннга анганиңиңи бингэсиви, Володя тангдави эниндукви алагувчан* 'Будучи пятилетним, Володя выучился читать у матери' [52]; *Би бэйңэңилби бизи* 'У меня есть звери' [63]; *Нуңан наки-*

таңичи бичэн 'У него был медведь' [1]; *Уллэңитын аңин бракин, оронмор вайатын* 'Когда не было мяса, они забивали оленя' [63]; эвен. *Надан анганиангу бими, би мэнкэн уликив улмилрэм* 'Будучи семилетним, я начал охотиться на белку' [68]; орок. *Нарисал тундатуңаса пурэсэл, нарил маңаңулчи* 'Люди все пятеро, молодые, богатыри'; *Бојоңуни тунда ананиңуллу* 'Медведь (его) пяти лет'; *Ночи жаңгеңулу битчиңи* 'Они имели начальника' [71]; ульч. *Нагdam бисини вэм-дэ, -kocolcu, пундum бисини, вэм-дэ, -nauktaңгису, sakpingisu*. 'Голодая, умер, скажем, — он котел имеет, от холода умер, скажем, — он огниво, топор имеет' [73]; ороц. *Аняду хакиңи ана бичиму*. 'К празднику у нас печени не было' [1].

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СУФФИКСА КОСВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

Исследователи тунгусо-маньчжурских языков, занимавшиеся изучением вопроса о происхождении суффикса косвенной принадлежности, пришли к единому мнению о том, что этот формант этимологически тождествен вопросительному местоимению рассматриваемых нами тунгусо-маньчжурских языков. Как отмечает О. П. Суник, «...этимологическое значение суффиксов отчуждаемой (косвенной. — Б. Б.) принадлежности разъясняется из сопоставления их с местоименным словом нанай, ульчи *уй*, *нгуй*, эвенки, эвен., удэ *нги*, *ни*. Значение этого слова более или менее соответствует русскому вопросительному местоимению „кто?“»¹. Исследователь считает, что суффикс косвенной принадлежности является «фонетически редуцированной и грамматикализованной формой этого местоименного слова, превратившегося в простую морфему-суффикс»².

Подобную же точку зрения разделяет и О. А. Константинова, указывая на то, что форма косвенной принадлежности «в основном выражает такие отношения между предметами, которые предполагают помимо лица обладателя, обозначаемого притяжательными суффиксами, указание на связь по принадлежности предмета обладания с кем-то третьим, с которым данный предмет представляет органическое целое, что выражается суфф. *-нй*»³. Она делает вывод о том, что в эвенкийском языке «суфф. *-нй* (в формах относительной принадлежности), по-видимому, этимологически тождествен местоимению *нй* 'кто'»⁴.

¹ О. П. Суник. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1947, т. VI, вып. 5, стр. 449.

² Там же.

³ О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 69.

⁴ Там же.

На первый взгляд подобная трактовка вопроса о происхождении суффикса косвенной принадлежности является достаточно убедительной. Об этом свидетельствует и кажущаяся фонетическая близость рассматриваемого суффикса с вопросительным местоимением, и, как считают названные авторы, сходство лексического значения вопросительного местоимения и значения, передаваемые суффиксом косвенной принадлежности.

Более тщательный анализ материала и учет всех значений суффикса косвенной принадлежности дают повод усомниться в достаточной обоснованности гипотезы этих авторов.

Прежде всего следует обратить внимание на фонетическую структуру суффикса косвенной принадлежности и вопросительного местоимения в рассматриваемых нами языках. Наглядное представление об этом можно получить из следующей таблицы:

Таблица 6

	Эвенкий- ский	Эвен- ский	Негидаль- ский	Нанай- ский	Ульч- ский	Орок- ский	Оро- ский	Удгей- ский
Вопроситель- ное местоиме- ние	-н'и (н'и)	-н'и∞ ∞-н'и	-н'и∞ ∞-ни	-ни (ни)	-ни∞ ∞-ни	-ни∞ ∞-ни	-н'и	-н'и
Суффикс кос- венной при- надлежности	-н (и)	-н'	-н (и)	-нго/ /-неу	-нгу/ /-негу	-ну	-н'и	-ни (-ну)

Обращает на себя внимание тот факт, что в одних языках (орочский, удгейский) начальные согласные вопросительных местоимений являются переднеязычными, а начальные согласные суффикса косвенной принадлежности — заднеязычными, в других (эвенкийский, эвенский, негидальский, орокский) согласные местоимения и суффикса совпадают, но и здесь вопросительные местоимения имеют варианты формы с переднеязычными согласными, в то время как суффикс косвенной принадлежности их не имеет. Наконец, в третьей группе языков (нанайский и ульчский) согласный в вопросительных местоимениях или отсутствует, или имеется лишь в одном из его вариан-

тов. Таким образом, приходится признать, что во всех рассматриваемых нами языках начальные согласные вопросительного местоимения и суффикса косвенной принадлежности далеко не всегда являются идентичными.

Как уже отмечалось, в эвенкийском, эвенском и негидальском языках суффикс косвенной принадлежности имеет форму *-н*, а гласный *-и*, если он присутствует, является соединительным, не входя в состав суффикса, в вопросительном же местоимении он является органической неотъемлемой частью его фонетической структуры.

Обращают на себя внимание и значительные фонетические различия между вопросительным местоимением и суффиксом косвенной принадлежности в нанайском, ульчском и орокском языках, где вопросительное местоимение состоит или завершается дифтонгом *уи*, в то время как в составе суффикса косвенной принадлежности дифтонга нет. Поэтому считать суффикс косвенной принадлежности идентичным вопросительному местоимению на основании их внешнего сходства едва ли можно. Во всяком случае одного этого аргумента недостаточно.

Неубедительны попытки О. П. Суника и О. А. Константиновой отождествить значения вопросительного местоимения и суффикса косвенной принадлежности. Как нам известно, функция суффикса косвенной принадлежности сводится к указанию на то, что предмет обладания не является органической частью объекта обладания. Отсюда следует, что значение суффикса косвенной принадлежности и должно содержать в себе указание на непосредственного обладателя данного предмета. Значение же вопросительного местоимения такого указания в себе не содержит.

Трактуя вопрос о происхождении суффикса косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках, и О. П. Суник, и О. А. Константинова обращают внимание на то, что пути образования форм косвенной принадлежности в тунгусских языках типологически весьма близки к образованию подобных форм в адыгейском языке. И действительно, типологически между адыгейским и тунгусо-маньчжурским языками в этом отношении можно обнаружить известное сходство. Но если согласиться с гипотезой О. П. Суника и О. А. Константиновой об этимологическом тождестве суффикса косвенной принадлежности и вопросительного местоимения в тунгусо-маньчжур-

ских языках, то данную аналогию нельзя будет назвать ни «весьма близкой», ни тем более «полной», поскольку в адыгейском языке, как на то указывают исследователи, показатель имущественной принадлежности развился из «соответственного префикса **органической принадлежности** путем прибавления к нему префикса 3-го лица ед. числа **имущественной принадлежности** *и* — его», а вовсе не из вопросительного местоимения⁵. Доказывать, что между личным суффиксом 3-го лица ед. числа и рассматриваемым вопросительным местоимением нет полного тождества, не приходится: об этом свидетельствуют их значения и особенности употребления. Допуская, что пути образования форм косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках типологически близки к образованию подобных форм в адыгейском языке, мы все же склонны считать, что основой для образования форм косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках послужило не вопросительное местоимение, а древняя форма личного местоимения 3-го лица ед. числа, форма которого, как полагает Г. И. Рамstedт, восходит к им. п. **i*, основа **in*⁶. Это местоимение в свою очередь было оформлено суффиксом принадлежности, который согласно В. Котвичу и Г. И. Рамstedту восходит к **-ki*, *-gi*⁷.

Таким образом, мы получаем форму личного местоимения 3-го лица ед. числа, оформленную суффиксом принадлежности — **-in-ki* ∞ *-in-gi*. Эта форма вследствие ассимиляции могла получить форму **-iji*. И наконец, в результате редукции и начальный, и конечный гласные этой формы могли утратиться, сохранив лишь согласный *-*ŋ*, который и стал выразителем форм косвенной принадлежности в ряде тунгусо-маньчжурских языков. Но при этом следует помнить, что суффикс косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков существенно отличается от суффикса имущественной принадлежности адыгейского языка: в адыгейском языке суффикс имущественной принадлежности употребляется лишь в сочетании

⁵ Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, стр. 294.

⁶ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. Перев. с нем. М., 1957, стр. 69.

⁷ В. И. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 117; Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание, стр. 206.

с суффиксом органической принадлежности и вычленяется из сочетания только посредством этимологического анализа. Суффикс же косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков употребляется как с притяжательными суффиксами, так и без них. Таким образом, выражение типа *нан. си дилингоси* в генетическом плане расшифровывается как 'твоя голова -его -твоя'.

Некоторые исследователи тунгусо-маньчжурских языков считают, что возникновению форм косвенной принадлежности предшествует появление и развитие форм прямой принадлежности. О. А. Константинова по этому поводу пишет: «Сопоставление форм прямой и косвенной принадлежности в эвенкийском и в других родственных и неродственных ему языках при решении вопроса об историческом пути развития косвенных форм наводит на мысль об их вторичности»⁸. Аналогичное предположение высказывает и О. П. Суник: «Нужно признать, что в тунгусо-маньчжурских языках конструкции для выражения неотчуждаемой собственности исторически предшествуют возникновению конструкций, выражающих отчуждаемую принадлежность. В этом убеждает производный характер этих конструкций, осложненных дополнительным притяжательным суфф. -нг, -нги, -нгу»⁹.

Очень вероятно, что категория косвенной принадлежности возникла тогда, когда система притяжательных суффиксов уже существовала. Впрочем, не исключено и обратное. Сама постановка вопроса у названных исследователей предполагает наличие неразрывной иерархической связи между притяжением, как более общей категорией, и косвенной принадлежностью, как одной из ее составляющих.

Но это предположение нам кажется бездоказательным, поскольку сопоставление форм прямой и косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках свидетельствует о том, что они выражают в значительной мере автономные грамматические категории и функционирование одной из этих категорий необязательно обусловлено функционированием другой. Следовательно, обосновывать вторичный характер косвенно-притяжательных конструкций на основании одной лишь их морфологической

структуры неправомерно, ведь категория косвенной принадлежности, как уже было показано выше, не является частной категорией притяжательности.

Вопрос же о времени происхождения форм прямой и косвенной принадлежности следует признать открытым. Его разрешение требует дальнейших сравнительно-исторических и типологических исследований.

Нельзя полностью согласиться и с утверждением О. П. Суника о том, что «в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках формами господствующими (универсальными) становятся формы ряда неотчуждаемой принадлежности»¹⁰. Такое явление автор склонен рассматривать как отражение в языке изменений в социальной жизни носителей языка: «Частная собственность... на определенном этапе развития общественных отношений сделала несущественным или малосущественным различие двух видов собственности»¹¹. Действительно, в некоторых случаях, как отмечалось ранее, мы вместо ожидаемой косвенно притяжательной конструкции сталкиваемся с прямой притяжательной конструкцией. Но подобные факты факультативного использования форм косвенной принадлежности крайне редки и обусловлены они иными причинами: семантикой слов, входящих в притяжательную конструкцию и чаще всего со всей очевидностью разъясняющих характер принадлежности, а также предшествующим контекстом или реальной ситуацией. Мы уже не говорим о том, что непосредственное сведение морфологических изменений к изменениям в социально-экономической области является известной данью вульгарному социологизму. Следовательно, говорить о возникновении в тунгусо-маньчжурских языках «единых, универсальных форм выражения партитивности, принадлежности, обладания, собственности»¹² пока не приходится. Подобные случаи факультативного употребления этих форм вполне возможны как на первоначальном этапе развития и употребления этой категории, так и на любом другом, вплоть до настоящего времени.

Противопоставление двух видов принадлежности, прямой и косвенной, характерно не только для тунгусо-маньч-

⁸ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 68.

⁹ О. П. Суник. Указ. соч., стр. 448.

¹⁰ О. П. Суник. Указ. соч., стр. 450.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

журских языков. Оно установлено и в ряде других языков: меланезийских¹³, североамериканских¹⁴, а по свидетельству Н. Ф. Яковлева, такое же противопоставление известно и в некоторых языках Центральной Америки¹⁵. Подробно описано аналогичное явление в адыгейском литературном языке¹⁶. В этих языках функции и употребление грамматических форм, выражающих характер принадлежности предмета субъекту обладания, в значительной степени совпадают.

Так, по сообщению Леви Брюля, в меланезийских языках имена делятся на два класса. Первый класс охватывает имена, обозначающие «члены тела, части предмета, предметы, находящиеся в тесной связи с человеком (его оружие, рыболовные сети и т. д.), отношения родства и некоторые предлоги, обозначающие отношения в пространстве. Второй класс обнимает все остальные имена»¹⁷. Принадлежность субъекту обладания предметов первого класса выражается посредством оформления существительных, обозначающих эти предметы соответствующими суффиксами, указывающими на лицо и число субъекта обладания, характер принадлежности в этом случае — органический, прямой. Принадлежность же субъекту обладания предметов второго класса предполагает употребление перед обозначающими их существительными отдельного слова, в состав которого входят те же самые притяжательные суффиксы, а второй компонент этого слова является существительным, обозначающим «нечто принадлежащее чему-либо»¹⁸.

Сравнив лексико-семантические группы имен существительных тунгусо-маньчжурских и меланезийских языков, способных принимать прямое или косвенно-притяжательное оформление, легко убедиться в их значительном сходстве. Во многом сходны и грамматические способы

¹³ L. Levy-Bruhl. L'expression de la possession dans les langues melanesiennes. Mem. d. l. Soc. linguist. Paris, XIX, 1914. Названное исследование подробно изложено в «Грамматике адыгейского литературного языка» Н. Яковлева и Д. Ашхамафа.

¹⁴ C. Uhlenbeck. Het identificeerend karakter des possessive flexie in talen, der K. Akademie van Wetenschappen, v. 2, 4. Amsterdam, 1917.

¹⁵ Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Указ. соч.

¹⁶ Там же.

¹⁷ L. Levy-Bruhl. Указ. соч., стр. 97.

¹⁸ Там же.

выражения соответствующих категорий. Как в тех, так и в других языках для выражения неорганического (косвенного) характера принадлежности предмета субъекту обладания используется особый грамматический показатель, как в тех, так и в других языках для выражения органического (прямого) характера принадлежности предмета субъекту обладания используются притяжательные суффиксы, оформляющие существительное, которое обозначает этот предмет.

Подобные классы имен существительных, способных принимать различное грамматическое оформление в зависимости от характера принадлежности предмета субъекту обладания, выделяет в индейских языках Северной Америки Уленбек. К классу имен существительных, связанных с объектами неотчуждаемой принадлежности, здесь, как и в тунгусо-маньчжурских языках, относятся слова, обозначающие термины родства, названия частей тела, орудия производства, обувь и т. п. К классу предметов отчуждаемой принадлежности относятся все прочие имена¹⁹.

Из языков Советского Союза, не относящихся к тунгусо-маньчжурским, аналогичные грамматические категории засвидетельствованы и описаны, как уже отмечалось, в адыгейском языке. Здесь также различается два вида принадлежности. К первому, органическому, виду принадлежности «относится принадлежность членов и органов тела — всему организму, частей предмета — целому предмету, а также некоторые отношения родства и некоторые пространственные и временные отношения (начало, конец, верх, низ и др.)»²⁰. Второй вид принадлежности, неорганический, связан с существительными, обозначающими все остальные предметы. В зависимости от вида принадлежности существительные при обозначении предметов обладания получают различное грамматическое оформление.

Следовательно, интересующая нас категория во всех перечисленных языках мало отличается от аналогичной грамматической категории тунгусо-маньчжурских языков: она распространяется на достаточно сходные лексико-се-

¹⁹ Наблюдения Уленбека по интересующему нас вопросу изложены в работе: О. П. Суник. «О категории...», стр. 442—443.

²⁰ Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Указ. соч., стр. 292—306.

мантические группы имен существительных и находит в каждом из языков соответствующее грамматическое выражение; во всех языках специальный показатель указывает на неорганический, условный, косвенный характер принадлежности предмета субъекту обладания.

Становление грамматической категории, аналогичной категории косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков, можно отметить и для некоторых групп финно-угорских языков. Особенно ярко выражен этот процесс в мордовских и пермских языках. А. П. Феоктистов, занимавшийся изучением категории притяжательности в мордовских языках, пишет, что «наряду с общим значением принадлежности лично-притяжательные формы... могут выступать и в других, не принадлежащих функциях. Так, лично-притяжательные формы 3-го лица иногда употребляются с указательным значением»²¹. Для иллюстрации этого положения автор приводит целый ряд примеров. «Мокшанские примеры: *Венц пачк ётазь сембе вирть* 'За ночь, букв.: ночь-его, прошли весь лес'; *Вант, времац кодама пси* 'Смотри, время, букв.: время-его, какое жаркое';

Тялонц тядде лямбоста киръдсы 'Зима в этом году теплая, букв.: зиму-его, в этом году тепло держит'; *Пиземоц, кунара ни ашель* 'Дождя уже давно не было, букв.: дождь-его, уже давно не был'. Эрзянские примеры из литературы и фольклора: *Кода чопотець чизэ, тейтересь мери: Стяк, азё тетяненъ кевстеме!..* 'После захода солнца, букв.: солнце-его, девушка говорит: «Вставай, иди к моему отцу за поручением»; *Валскес шказо еше ламо... Штобу седе шождынестэ тон печтевлик сонзэ, на вана тетъ... мирдетъ сёрманзо...* 'До утра времени, букв.: время-его еще много... Чтобы ты легче провела его, на вот тебе... письмо твоего мужа'; *Мери атысь: Азе вензэ пачк эсинь крыльця пестэ эсинь церкуванть видьс тейть кшнынъ сэдъ...* 'Старик говорит: «Иди за ночь (букв.: в течение ночи-его), от моего крыльца до моей церкви сдлай железный мост»; *Чинзэ валгомадо мейле молядяно тов. Прокопыч...* 'После захода солнца, букв.: солнца-его, пойдем туда'; *Чизэ лиснесь, росазо коськенесь, туекинэсь...*

²¹ А. П. Феоктистов. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск, 1963, стр. 126.

«Солнце, букв.: солнце-его, вставало выходило, роса, букв.: роса-его, высыхала, уходила»²².

Приведенные выше примеры со всей очевидностью свидетельствуют о том, что, по сути дела, здесь мы наблюдаем выполнение лично-притяжательными суффиксами 3-го лица ед. числа функций, аналогичных некоторым функциям грамматической формы косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. Как отмечалось ранее, во всех тунгусо-маньчжурских языках форма косвенной принадлежности может использоваться для уточнительной характеристики предмета с указанием на то, что он уже был в поле зрения соответствующего лица или был предметом его мысли. Сообщалось также и о том, что при подобном использовании формы косвенной принадлежности вторым членом притяжательной конструкции, обозначающим предмет обладания, может быть любое имя существительное независимо от его лексического значения.

Но все же ставить знак равенства между категорией косвенной принадлежности в ее уточнительно-выделительном употреблении в тунгусо-маньчжурских языках и использованием лично-притяжательных суффиксов 3-го лица ед. числа для подобных же функций в мордовских языках было бы неправильно. Неправильно потому, что в тунгусо-маньчжурских языках существительные, оформленные суффиксом косвенной принадлежности, обычно обозначают реалии, которые предсцируются как предметы условного обладания одному субъекту обладания, что выражается оформлением существительного, обозначающего предмет обладания, лично или возвратно-притяжательными формантами, указывающими на лицо и число (личные) или лишь на число (возвратные) субъекта обладания и одновременно — другому субъекту обладания, органическая принадлежность предмета которому выражается суффиксом косвенной принадлежности. В случае же отсутствия притяжательных формантов субъект условного обладания становится известным благодаря другим средствам языка. В мордовских же языках лично-притяжательные суффиксы 3-го лица ед. числа, употребляющиеся в указательном значении, оформляют имена существительные, обозначающие предметы, принадлежность которых

²² Там же.

предсказывается только одному субъекту условного обладания, причем обладания в особом смысле слова. Иначе говоря, суффикс 3-го лица ед. числа, оформляя существительное, обозначающее предмет обладания, как и суффикс косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков, указывает на то, что этот предмет уже ранее был объектом мысли или речи данного субъекта и в этом смысле как бы принадлежит ему. Указание на такую условную принадлежность и позволяет уточнительно выделить именно данный предмет из всей массы одноименных предметов.

Таким образом, функции суффикса косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков и притяжательных суффиксов 3-го лица ед. числа (при его употреблении в указательном значении) мордовских языков в определенных случаях совпадают. Но в общей системе грамматики эти категории занимают различные места. Употребление формы косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков предполагает наличие двух субъектов обладания — условного и непосредственного, причем специальный суффикс этой формы сигнализирует о наличии первого из них, тогда как наличие второго сигнализируется или притяжательным формантом, или формантом обладания, или же формантом совместности. В качестве вторичной, несомненно позднее возникшей функции этой формы, можно рассматривать функцию указательного выделения.

В мордовских языках мы находим аналогию лишь второй из этих функций, причем формальное выражение этого грамматического значения мы находим в побочной же функции обычной системы обозначения принадлежности, не знающей разделения на прямую или косвенную.

Об аналогичном употреблении лично-притяжательных суффиксов в коми-пермяцком и в коми-зырянском языках сообщает В. И. Лыткин. По его наблюдениям, в коми-зырянском языке «притяжательно-указательная категория имеет два значения: 1) притяжательное значение, указывающее на принадлежность данного предмета тому или иному лицу, ... 2) указательное значение или значение определенности, показывающее, что этот предмет уже известен говорящим, что о нем уже говорилось раньше, или же указывающее на конкретность предмета (вытекающую из данной ситуации); в этом значении употребляют-

ся формы 2-го и 3-го лица единственного числа...»²³. Подобное же явление отмечает В. И. Лыткин и в коми-пермяцком языке, с той лишь разницей, что в последнем указательное значение выражается лишь с помощью лично-притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа²⁴.

На это же явление в ненецком языке обращает внимание Н. М. Терещенко, которая пишет, что «лично-притяжательные показатели 2-го лица служат в ряде случаев для выражения определенности, подчеркивая, что это то самое лицо, или тот самый предмет, о котором идет речь, который известен из предыдущего»²⁵. В том же значении используется также лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа таких существительных, как, например: *нум* 'небо', *ям* 'море', *хаер* 'солнце'²⁶.

Обращает на себя внимание то, что во всех перечисленных языках притяжательные суффиксы могут приобретать указательное значение в том же семантическом кругу существительных, который в тунгусо-маньчжурских языках связан с возможностью выражения косвенной принадлежности: существительные, обозначающие явления природы (дождь, роса и т. п.), названия небесных светил (солнце, луна, звезды и т. п.), географические названия (море, лес, река и т. п.), различные промежутки времени (день, ночь, час, месяц, год, время, зима и т. п.)²⁷. Это свидетельствует о том, что во многих языках (вспомним еще языки Северного Кавказа, Меланезии, Северной Америки, Центральной Африки) так же, как в тунгусо-маньчжурских, произошло грамматическое разграничение существительных на два класса: а) класс, связанный с противопоставлением прямой и косвенной принадлежности, и б) класс, не связанный с таким противопоставлением, индифферентный к нему. Однако использование та-

²³ В. И. Лыткин. Коми-зырянский язык. «Языки народов СССР», т. III. М., «Наука», 1966, стр. 286.

²⁴ В. И. Лыткин. Коми-пермяцкий язык. «Языки народов СССР», т. III. М., «Наука», 1966, стр. 304.

²⁵ Н. М. Терещенко. Ненецкий язык. «Языки народов СССР», т. III. М., «Наука», 1966, стр. 282.

²⁶ Там же.

²⁷ А. П. Феокистов. Указ. соч., стр. 126—129; В. И. Лыткин. Коми-зырянский язык, стр. 286; Н. М. Терещенко. Указ. соч., стр. 382.

кой дифференциации существительных далеко не идентичное.

Если в тунгусо-маньчжурских, адыгейском, меланезийских и индейских языках на этой базе выросла грамматически выраженная оппозиция прямой и косвенной принадлежности, а в тунгусо-маньчжурских языках возникла, кроме того, возможность использования ее для указательной выделительности, то в языках финно-угро-самодийских на той же лексико-семантической базе появились приемы использования в указательно-выделительной функции тех грамматических средств, которые специально приурочены к выражению перасчлененной в этих языках категории принадлежности. Словом, во всех перечисленных языках мы обнаруживаем некую общую основу выражения принадлежности, сходные пути ее развития, но далеко не одинаковые способы грамматического использования и формального выражения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. Грамматическое значение принадлежности в большинстве тунгусо-маньчжурских языков (эвенкийском, эвенском, негидальском, нанайском, ульчском, орокском, ороцком, удэгейском) находит свое выражение в двучленной притяжательной конструкции, первым членом которой обычно обозначается субъект обладания и им могут быть:

- а) имена существительные;
- б) личные местоимения в нанайском, удэгейском, ороцком, в восточных говорах эвенкийского языка;
- в) притяжательные местоимения в эвенкийском литературном языке;
- г) склоняемые основы личных местоимений в ульчском и эвенском языках;
- д) личные местоимения или их склоняемые основы в негидальском и орокском языках;
- е) указательные местоимения (выступающие в функции личных местоимений 3-го лица обоих чисел) удэгейского, ороцкого и нанайского языков;
- ж) возвратно-притяжательные местоимения.

Вторым членом притяжательной конструкции обозначается объект обладания, выраженный, как правило, существительным, оформленным притяжательными суффиксами — личными или возвратными. Притяжательные суффиксы выражают прямую (неотчуждаемую, органическую) принадлежность, под которой понимаются такие отношения между предметами, когда один предмет непосредственно принадлежит другому или составляет его неотъемлемую часть.

Другой вид принадлежности, косвенный (отчуждаемый, неорганический, относительный), предполагает такие отношения между предметами, когда один предмет принадлежит другому, но является органической частью

третьего предмета. Этот вид принадлежности выражается в тунгусо-маньчжурских языках посредством суффикса косвенной принадлежности, который оформляет существительное, обозначающее предмет обладания.

II. В зависимости от употребления суффикса косвенной принадлежности с различными семантическими группами существительных последние могут быть разделены на три больших класса.

Первый класс включает существительные, которые с суффиксом косвенной принадлежности обычно не употребляются. Сюда входят семантические группы существительных, обозначающие:

- а) отношения родства;
- б) пространственные отношения;
- в) предметы личного обихода, орудия труда, одежду, обувь, оружие, средства передвижения, домашнюю утварь;
- г) жилища, вспомогательные постройки и т. п.;
- д) предметы, являющиеся органической, неотъемлемой частью какого-либо другого предмета;
- е) отвлеченные понятия.

Во второй класс входят существительные, обозначающие предметы, принадлежность которых субъекту обладания может носить как косвенный (отчуждаемый, условный, относительный, неорганический) характер, так и прямой (неотчуждаемый, органический). В первом случае существительные, обозначающие предмет обладания, оформляются суффиксом косвенной принадлежности, во втором — этот формант не употребляется. В этот класс слов могут быть объединены семантические группы существительных, обозначающие:

- а) различные органы или части организма;
- б) предметы, относящиеся к категории лица;
- в) растения или их составные части;
- г) диких животных, птиц, рыб, насекомых, пресмыкающихся;
- д) географические названия;
- е) различные вещества;
- ж) некоторые продукты питания;
- з) различные промежутки времени;
- и) некоторые явления природы;
- к) небесные светила.

В третий класс входят слова, способные принимать косвенно-притяжательное оформление, но не употребляющие-

ся в прямом притяжательном оформлении. В этот класс можно объединить слова, представленные:

- а) собственными именами;
- б) окказионально-субстантивированными прилагательными при их анафорическом употреблении;
- в) окказионально-субстантивированными числительными;
- г) окказионально-субстантивированными указательными местоимениями и некоторыми другими разрядами местоимений;
- д) окказионально-субстантивированными причастиями;
- е) окказионально-субстантивированными междометиями.

В некоторых словах суффикс косвенной принадлежности утратил свое значение и выделяется только посредством сравнительно-этимологического анализа.

Форма косвенной принадлежности может использоваться для уточнительной характеристики предмета с указанием на то, что он ранее упоминался соответствующим лицом или был предметом его мысли.

III. Категория косвенной принадлежности выражается специальным суффиксом, который в соответствующих тунгусо-маньчжурских языках имеет форму *-и* (*и*), *-иго/-игу*, *-ио/-иу*.

Суффикс косвенной принадлежности некоторых тунгусо-маньчжурских языков может оказывать ассимилятивное влияние на согласные как предшествующих, так и последующих слогов.

Несмотря на разнообразие вариантов суффикса косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках, это генетически один и тот же суффикс.

IV. Суффикс косвенной принадлежности относится к числу морфем смешанного формообразования, передающих независимые грамматические значения.

В составе слова суффикс косвенной принадлежности следует после суффиксов основообразования.

Предшествуют суффиксу косвенной принадлежности морфемы деривативного формообразования.

Если в составе слова, наряду с суффиксом косвенной принадлежности, окажется еще один суффикс смешанного формообразования, то последний может предшествовать ему, но может следовать и после него.

Если в составе слова, наряду с суффиксом косвенной принадлежности, имеются какие-либо словоизменитель-

ные суффиксы релятивного формообразования, то последнее во всех тунгусо-маньчжурских языках всегда следует после суффикса косвенной принадлежности.

V. Суффикс косвенной принадлежности употребляется вне системы притяжания при сочетании:

а) с показателем формы обладания (положительной или отрицательной);

б) с формой совместности (в нанайском, ульчском, орокском, ороцком и удэгейском языках).

VI. Можно предположить, что основой для образования форм косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках послужила древняя форма личного местоимения 3-го лица ед. числа **in*, оформленная суффиксом принадлежности *-*ki∞-gi*.

Противопоставление двух видов принадлежности характерно не только для тунгусо-маньчжурских языков, оно установлено и в ряде других языков (адыгейский, меланезийские, североамериканские, индейские языки).

Становление грамматической категории, аналогичной категории косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков, можно отметить в некоторых группах финно-угорских и самодийских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы автора, записанные в 1968 г., от удэгейцев с. Гвасюги на р. Хор; от орочей Уськи Ороцкой, Хабаровского края и от эвенков и ороков п. Вал Ногликского района Сахалинской области.
2. Материалы В. А. Аврорина, собранные им во время научных командировок в районы расселения нанай и ульчей.
3. Материалы, сообщенные кандидатом филологических наук Н. Б. Киле.
4. Материалы, сообщенные кандидатом филологических наук С. Н. Оненко.
5. А. С. Пушкин. Станция ичэдимдини. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1937.
6. Л. Н. Толстой. Кавказанкасал пленникачи. На нанайский язык перевели В. Актанка и С. Оненко. Л., 1937.
7. Л. Успенский. Дюэр дэгдэн. Хайгуй северный полюсала дэгдэури бичин. На нанайский язык перевела Г. Хайтанина. Л., 1939.
8. Г. Байдуков. Подюсава хуэлими Америкачи. На нанайский язык перевели К. Гейкер и А. Путинцева. Л., 1939.
9. В. М. Сдобников. Хони непултэ нантавани пуиури тэлэури. На нанайский язык перевел Г. Киле. Л., 1940.
10. Э. Распэ. Мюнгхаузен эрдэчихэмби гисурэйни. На нанайский язык перевел А. Самар. Л., 1940.
11. Л. Бочин. Пионерсалба гисурэй гисурэнсэл. На нанайский язык перевел Г. Киле. Л., 1940.
12. Д. Смирнов. Советская Союз, капитализм странасални. На нанайский язык перевели К. Гейкер, М. Каплан. Л., 1940.
13. Ленин, Сталин художественной литературадэ. На нанайский язык перевели С. Оненко, А. Самар, Е. Хайтанин. Л., 1940.
14. М. Горький. Бимбэни, дёбомбани нирухэн дангса. Я. Торгашин нирухэни. На нанайский язык перевели Г. Киле, М. Торгашин, М. Максимов, Е. Хайтанин. Л., 1940.
15. И. Д. Папанин. Полюсаду. На нанайский язык перевели К. Гейкер, Г. Киле и М. Максимов. Л., 1940.
16. И. Всеволожский. Надан кадаракэ буденновецсал. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1941.
17. А. Самар. Нанай дярини. Л., 1946.
18. С. Маршак. Дёан дюэр биан. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1949.
19. Л. Толстой. «Азбукади» дынаохан гисурэнсэл. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1949.
20. В. Катаев. Полк пиктэни. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1949.
21. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Гисурэнсэл. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1949.

22. *Нанай нингмансални*. Записала и обработала М. А. Каплан. М.— Л., 1950.
23. *Л. Савельев*. Зимнийвэ апами дяпаохан. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. М.— Л., 1950.
24. *А. Гайдар*. «Р. В. С.». На нанайский язык перевел В. Бельды. М.— Л., 1951.
25. *К. Д. Ушинский*. Гисурэнсэл, нингмансал. На нанайский язык перевел В. Бельды. М.— Л., 1951.
26. *Т. Семушкин*. Талекоди, Нёани хаха Лилитэнгудиэни. На нанайский язык перевел М. Тумали. М.— Л., 1951.
27. *Д. Н. Мамин-Сибиряк*. Алёпушка нингмансални. На нанайский язык перевел В. С. Заксор. М.— Л., 1952.
28. *Г. Скребицкий*. Усэлтэсэлбэ, бэюнсэлбэ гисурэй гисурэнсэл. На нанайский язык перевела З. М. Бельды. М.— Л., 1952.
29. *Б. Житков*. Ми хайва ичэхэмби. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. М.— Л., 1953.
30. *А. И. Ульянова*. Ильич нучидуи бичини, школаду бичини айганисал. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. М.— Л., 1953.
31. *В. Лебедев*. Мичуримбэ гисурэй гисурэнсэл. На нанайский язык перевел В. Ч. Бельды. М.— Л., 1953.
32. *А. Иванов*. Нёнгман хурэнсэлду. На нанайский язык перевел В. Ч. Бельды. Л., 1954.
33. *В. Бианки*. Гисурэнсэл, нингмансал. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1954.
34. *Л. Космодемьянская*. Зоя. На нанайский язык перевела З. М. Бельды. Л., 1954.
35. *А. Пассар*. Ахондо Мангбонкан. Стихэсэл. Л., 1958.
36. *А. Кононов*. Ленинбэ гисурэй гисурэнсэл. На нанайский язык перевел С. Н. Оненко. Л., 1959.
37. *Г. Ходжер*. Кяксо девэнсэлни даламдичи. Хабаровское книжное издательство, 1960.
38. *Н. Н. Поппе*. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Изд-во АН СССР, 1927.
39. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Сб. составлен Г. М. Василевич. Л., 1936.
40. *Ленин, Сталин* художественнайду литератураду. На эвенкийский язык перевели П. Алексеев, В. Архипов, П. Монахов, И. Муктэ, Н. Салаткин и др. Л., 1939.
41. *Г. М. Василевич*. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. М.— Л., 1940.
42. *А. Салаткин*. Гегдаллукун, улгэриккэн. Л., 1940.
43. *А. Салаткина-Вакувагир*. Ингтылгучан. Л., 1947.
44. *Г. М. Василевич*. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948.
45. *А. С. Пушкин*. Нимгакан тэгэмэрдули Салтандули. На эвенкийский язык перевела З. В. Монахова. Л., 1948.
46. *В. Катаев*. Полк хутэн. На эвенкийский язык перевел М. С. Савин. Л., 1949.
47. *А. Кононов*. Чанаев дярин улгурил. На эвенкийский язык перевела З. В. Монахова. М.— Л., 1951.
48. *Ю. Герман*. Дзержинскийдули улгурил. На эвенкийский язык перевела З. В. Монахова. М.— Л., 1951.
49. *В. Бианки*. Улгирил, нимгакарда. На эвенкийский язык перевел С. Н. Комбагир. М.— Л., 1953.
50. *В. Губарев*. Павлик Морозов. На эвенкийский язык перевела З. В. Монахова. М.— Л., 1953.
51. *А. Иванов*. Чутумалду урэлду. На эвенкийский язык перевел С. Н. Комбагир. М.— Л., 1953.
52. *А. И. Ульянова*. Ильич кунгакан бингэсинин, алагувдянгасинин аниганилин. На эвенкийский язык перевел С. Н. Комбагир. М.— Л., 1953.
53. *Л. Космодемьянская*. Зоя. На эвенкийский язык перевела Е. М. Ялогир. Л., 1954.
54. *Н. Погов*. Витя Малеев школаду, дюдүви-да. На эвенкийский язык перевела З. В. Монахова. Л., 1954.
55. *В. Лебедев*. Мичуриндули улгурил. На эвенкийский язык перевели Г. Архипов и Н. Павлова. Л., 1955.
56. Аги хоктордулин. Эвэдыл поэтыл стихилтын. Л., 1957.
57. *А. Кононов*. Лениндули улгурил. На эвенкийский язык перевела З. В. Монахова. Л., 1959.
58. *Е. П. Лебедева*. К характеристике северного наречия эвенкийского языка (по материалам говоров Б. Порога и Агаты). «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», кафедра языков народов Крайнего Севера, т. 167, 1960.
59. *М. Г. Воскобойников*. Эвенкийский фольклор. Л., 1960.
60. *З. И. Ковалева, Е. М. Ялогир*. Тацян дярин книга. Л., 1961.
61. *А. В. Романова, А. Н. Мыреева*. Очерки токкинского и томмотского диалектов (Диалектологические материалы по говорам эвенков Якутской АССР). М.— Л., «Наука», 1962.
62. *А. В. Романова, А. Н. Мыреева*. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров (Диалектологические материалы по говорам эвенков Якутской АССР). М.— Л., «Наука», 1964.
63. Исторический фольклор эвенков (сказания и предания). Запись текстов, перевод и комментарии Г. М. Василевич. М.— Л., «Наука», 1966.
64. *В. Д. Колесникова*. Синтаксис эвенкийского языка. М.— Л., «Наука», 1966.
65. *Л. М. Бродская*. Синтаксическое употребление эвенкийских причастий на -ри. «Вопросы языка и литературы», вып. 1, ч. II. Новосибирск, 1966.
66. *В. Г. Богораз*. Материалы по ламутскому языку. «Тунгусский сборник», I. Л., 1931.
67. *А. С. Пушкин*. Олрамачимна, олракан-да немкан. Л., 1938.
68. *В. И. Цинциус*. Очерк грамматики эвенского языка. Л., 1947.
69. *К. А. Новикова*. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. ч. I. М.— Л., 1960.
70. Ороцские мифы и сказки. Составители: В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева. Новосибирск, «Наука», 1966.
71. *Т. И. Петрова*. Язык ороков (ульта). Л., «Наука», 1967.
72. *К. М. Мыльникова, В. И. Цинциус*. Материалы по исследованию негидальского языка. «Тунгусский сборник», I. Л., 1931.
73. *Т. И. Петрова*. Ульчский диалект нанайского языка. Л., 1936.
74. «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., «Наука», 1968.
75. *О. А. Константинова*. Эвенкийский язык. М.— Л., «Наука», 1964.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

эвенк. — эвенкийский
 эвен. — эвенский
 нег. — негидальский
 нан. — нанайский
 ороч. — ороцкий
 орок. — орокский
 ульч. — ульчский
 удэг. — удэгейский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Структура притяжательной конструкции	11
Глава II. Семантические основы противопоставления прямой и косвенной принадлежности	26
Глава III. Фонетические особенности суффикса косвенной принадлежности	65
Глава IV. Морфологические особенности суффикса косвенной принадлежности	77
Глава V. Форма косвенной принадлежности вне системы притяжания	108
Глава VI. К вопросу о происхождении суффикса косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках	130
Заключение	143
Литература	147
Принятые сокращения	150

Борис Васильевич Болдырев

КАТЕГОРИЯ КОСВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

*Утверждено к печати
Институтом истории, филологии и философии
Сибирского отделения АН СССР*

Редактор издательства *Е. В. Фурманова*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Художник *Л. А. Грибов*
Технический редактор *И. П. Ямурская*

Сдано в набор 12/III 1976 г.
Подписано к печати 28/II 1976 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2.
Усл. печ. л. 7,98. Уч.- изд. л. 8,1
Тираж 930 Тип. зак. 452
Цена 49 коп.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099. Москва, Г-99,
Шубинский пер., 10